

АНДРЕЙ
АМАЛЬРИК

СССР
И
ЗАПАД
В
ОДНОЙ
ЛОДКЕ

ANDREI
AMALRIK

**THE USSR
AND
THE WEST
IN
ONE
BOAT**

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD

АНДРЕЙ
АМАЛЬРИК

**СССР
И
ЗАПАД
В
ОДНОЙ
ЛОДКЕ**

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD

© Russian Edition 1978
Overseas Publications Interchange Ltd.
40, Elsham Road
London W.14 8HB, England

All rights reserved.

No part of this publication may be reproduced
or translated, in any form or by any means,
without permission.

ISBN 0 903868 15 6

Cover design by Adam Usher

Printed in France by La Première
Imprimerie Ukrainienne en France

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Многие суждения, высказанные в этой книге, могут показаться спорными. Но к чести Андрея Амальрика надо сказать, что еще в советских условиях он никогда не стеснялся говорить прямо, — и не изменил себе и на Западе. Публикуя эту книгу, издательство желает предоставить русскому читателю возможность ознакомиться со взглядами Амальрика на нынешнюю политическую обстановку в мире, и в частности, на такие проблемы, как разрядка, права человека, еврокоммунизм и т. п. Чтобы читатель мог полнее оценить публицистическую деятельность Амальрика, в книгу включен ряд его вещей, написанных еще в Советском Союзе.

*Юрию Федоровичу Орлову
и всем моим товарищам в тюрьме, лагере и ссылке*

ОТ АВТОРА

СССР настолько еще отгорожен от остального мира, что всё, происходящее там, многим здесь, на Западе, кажется чуть ли не более далеким, чем события на луне. Понадобится немало времени, прежде чем на Западе почувствуют, что люди в СССР — такие же человеческие существа, как и жители любой другой страны мира, и нарушение их неотъемлемых прав — оскорбление всему человечеству. Эта мысль лежит в основе всех моих выступлений.

В сборник включены статьи 1975-78 годов, а также старая работа «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». После моего выезда из СССР вышли ее новые голландское, французское, английское, американское, немецкое, каталонское и финское издания, и я подумал, что есть смысл и в переиздании по-русски. Статьи посвящены отношениям между СССР и Западом, Движению за права человека и борьбе с советской репрессивной системой. Хочу сразу же оговориться, что слово «советский» употреблено мной здесь и далее дескриптивно, а не нормативно.

Большинство статей написано по предложению

разных европейских и американских газет и журналов, поэтому в них могут встречаться повторения, из-за этого я не включил в сборник многие интервью и речи. На разные лады я высказывал все время несколько простых идей, развитие которых без труда прослеживается в этой книге.

Я буду благодарен читателям как в СССР, так и за рубежом за критические замечания, которые прошу направлять в адрес издательства.

*9 февраля 1979,
Стэнфорд, Калифорния*

ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ДО 1984 ГОДА ?

Предисловие к третьему русскому изданию

Меня обрадовала возможность переиздания книги. Со времени первого издания прошло девять лет; пока я сидел в тюрьме, мир не стоял на месте, — и я решил, что нужно сделать различные поправки и дополнения. Но мой друг профессор Ван хет Реве отговорил меня, он сказал, что эта маленькая книжка стала своего рода « историческим документом » и как таковой она не нуждается в исправлениях, это все равно, как кто-либо — пусть даже сам Сталин — взялся бы задним числом исправлять « гениальные высказывания товарища Сталина ».

Сталин, правда, исправлял сам себя в зависимости от сложившейся конъюнктуры — в этом может убедиться каждый, сравнивая последовательные издания его статей. Быть может, я лучше чувствую конъюнктуру, чем товарищ Сталин, быть может, более уверен в себе, чем он, но, перечитав свою книжку, я вижу, что ее можно печатать бз изменений — я согласен почти со

всем, что я писал в 1969 году, и мне кажется, что прошедшие годы подтверждают содержащийся в ней анализ.

Правда, когда меня спрашивают теперь, считаю ли я развал советской системы неизбежным и 1984 год — реальной датой, я отвечаю обычно, что когда я писал свою книгу, я был еще очень молод, а молодым людям всегда кажется, что все будет происходить гораздо быстрее, чем происходит на самом деле. Так что необходимы некоторые оговорки.

Во-первых, я не хотел бы, чтобы в моей книге видели какое-то «злорадство» или желание гибели СССР. Ее цель: указать — быть может, в несколько драматической форме — на грозящие СССР опасности, чтобы путем демократической перестройки и дальновидной внешней политики избежать анархии и войны.

Во-вторых, нельзя выводить из книги — как мне приписывали партаппаратчики, — что весь советский народ настроен «антисоветски». Если бы какая-то часть народа активно не поддерживала этот режим, а значительная часть пассивно не принимала, то он не просуществовал бы шестьдесят лет. Поддержка эта, впрочем, подвергается все большей эрозии.

В-третьих, вызывает сомнение мое замечание, что советское общество социально не мобильно. У меня накопились сейчас противоречивые наблюдения, и я думаю, что лучше говорить не о «немобильности», а об очень регламентированной мобильности.

В-четвертых, надо признать, что фраза о стране «без веры, без традиций, без культуры» напи-

сана сгоряча. Современная Россия имеет и традиции, и веру, и культуру — но только странным образом стремится то совсем отказаться от них, то, наоборот, отгородиться ими от всего мира.

В-пятых, мне думается, что я недооценил гибкости советского руководства, с одной стороны, и переоценил быстроту развития ядерного и обычного вооружения Китая, с другой.

«Разрядка», экономическая помощь Запада и «выпуск пара» благодаря разрешению ограниченной эмиграции позволяют советскому руководству продлить квазистабильность режима. После пяти лет послехрущевского «замораживания» — я писал свою книжку как раз в конце этого периода — режим вновь перешел к умеренной внешнеполитической «оттепели». Правда, от этой «оттепели», как и в пятидесятые годы, тает не столько сам СССР, сколько Запад.

Однако даже с помощью западных сторонников «разрядки» режиму удастся поддерживать только мнимую стабильность. Движение истории невозможно остановить, и подлинная стабильность — это сознательное движение вперед, а не насильственное топтание на месте.

Западные сторонники «разрядки» не совсем понимают также существующую в России связь между внешней экспансией и внутренней стабильностью. В экспансии — у русских философов она принимает обличье мессианства — исторический смысл России. Как только экспансионистским попыткам наносится чувствительный удар — например, Крымская или Русско-японская войны, — происходят реформы или революция. Успех экспансии, наоборот, позволяет как-то ней-

трализовать неудачи внутри. Так, успех в Анголе позволил не только уравновесить неурожай 1975 года, но и свести в целом положительный баланс для режима.

Я поспешил со сроками, но правильно подметил тенденции. По-прежнему у режима два выхода: или постепенная либерализация или поворот к националистической диктатуре, нечто вроде русского нацизма, быть может, во главе с военными.

Армия, если ее энергично не использовать во вне, таит большую угрозу внутри. То, что впервые министром обороны сделан не военный, а штатский, и что тут же глава компартии вместе с новым министром получили маршальские звания — косвенное указание на это. Но в армии есть и другие тенденции, об этом говорит участие офицеров в сопротивлении режиму.

Оппозиция в СССР — культурная, религиозная, национальная и правовая — сохранилась, несмотря на репрессии, эмиграцию и «покаяния» некоторых ее участников. Демократическое движение — оно называет себя теперь Движением за права человека — приобрело новых энергичных сторонников. В мае 1975 года, например, создана Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений во главе с Юрием Орловым.

Однако «средний класс» в целом по-прежнему парализован сознанием своего бессилия. К тем его недостаткам, о которых я пишу в книге, я хотел бы еще добавить отсутствие культуры — культуры как понятия, включающего нравственные ценности. «Культура» большей частью носит сейчас характер владения определенными профессиональными знаниями.

Официальное искусство и литература делаются все более склеротическими. Почти все наиболее интересные русские книги за последние годы вышли за границей. Все более или менее интересное, что вышло в СССР, власти разрешили из опасения, что иначе и эти рукописи попадут на Запад. Вообще наличие «неофициальной» литературы заставляет власти делать какие-то поблажки тем писателям, кто еще с ними.

Когда в июне 1969 года я заканчивал эту книжку в нашем маленьком деревенском доме — дом этот во время моей ссылки был полностью разрушен, — я надеялся, что ее опубликует какой-нибудь научный журнал — и несколько десятков советологов что-то уточнят в своих взглядах.

В действительности книжка вышла на двадцати языках, общим тиражом в несколько сот тысяч, тысячи копий разошлись в СССР, и до сих пор во многих странах люди покупают и читают ее. Конечно, мне хотелось бы приписать это в первую очередь своему писательскому дару. Но я думаю, огромную роль сыграло то, что высказанные мной идеи как бы носились в воздухе. Поэтому многое из сказанного мной сейчас стало общим местом.

«Король-то голый!» — должен был крикнуть маленький мальчик, чтобы все увидели, что король действительно голый. Я был таким мальчиком.

Некоторые говорили мне в 1976 году в России: «Когда мы семь лет назад прочитали Вашу книжку, мы думали, что все это чепуха и преувеличения, а теперь мы видим, что Вы были правы». То же мне пришлось услышать и от не-

скольких американцев, в особенности в том, что касается отношений СССР—Китай—США. Я думаю, что это высшая похвала для человека, который попытался заглянуть на несколько лет вперед. Советская печать впервые упомянула мою книжку только восемь лет спустя после ее опубликования, дав ей по-своему высокую оценку: «Поражаешься способности Амальрика, при всем его невежестве в вопросах истории, воплотить в столь малом объеме столько человеконенавистничества вообще и злобы к советскому народу в частности» («Неделя», 20-26 июня 1977). Но самый лестный для меня отзыв я услышал от сотрудника КГБ А.В. Пустякова. «Вы нам под дых дали!» — сказал он мне в 1974 году.

Конечно, не все разделяют этот взгляд. Некоторые, соглашаясь даже с моим анализом советского общества, весьма скептически относятся к прогнозам. Да я и сам понимаю, что мои прогнозы — скорее поэтическое предвидение и идут больше от чувства, чем от разума. Я недавно перечел свою маленькую поэму, написанную в 1962 году, когда я еще не помышлял о политических брошюрах, а советский режим считал незыблемым. Я поразился теперь, насколько поэма полна предчувствием грядущих катаклизмов и нашествия с востока.

Я не одинок. Предчувствие возмездия с востока — одна из не сильных, но внятных русских литературно-философских тем. Вот что писал Владимир Соловьев в 1894 году, за 90 лет до 1984 года:

О Русь! Забудь былую славу,
орел двуглавый сокрушен,

и желтым детям на забаву
даны клочки твоих знамен.

В заключение считаю своим приятным долгом поблагодарить следующих лиц, способствовавших моей работе над книгой и ее изданию :

г-на Мао Цзе-дуна, который начал « культурную революцию » в Китае и тем самым обострил мой интерес к советско-китайским отношениям;

д-ра Андрея Сахарова, чья статья « Размышления о прогрессе » вызвала у меня желание косвенно ответить ему;

г-на Анатоля Шуба, беседы с которым отточили некоторые мои взгляды;

д-ра Виталия Рубина, который посоветовал мне для заглавия взять 1984 год, ссылаясь на книгу Дж. Орвелла;

г-жу Гюзель Амальрик, мою дорогую жену, забота и одобрение которой дали мне возможность написать эту книгу и передать ее для печати;

г-на Юрия Мальцева, который прочел рукопись и сделал несколько ценных замечаний;

г-на Генри Камма, который способствовал изданию книги на Западе;

д-ра Карела Ван хет Реве, который первым на Западе прочел рукопись книги и позаботился о ее издании.

1976-77,

Хрут, Голландия,

Вашингтон, США

Автора побуждают писать в основном три причины. Во-первых, интерес к русской истории. Почти десять лет назад я написал работу о Киевской Руси; по независящим от меня причинам я вынужден был прервать свои исследования о начале российского государства, зато теперь я надеюсь, что как историк буду сторицей вознагражден за это, став свидетелем его конца. Во-вторых, я мог близко наблюдать за попытками создания независимого общественного движения с СССР, что само по себе очень интересно и заслуживает какой-то предварительной оценки. И в-третьих, мне часто приходилось слышать и читать о так называемой «либерализации» советского общества, вкратце эти рассуждения можно сформулировать так: сейчас обстановка лучше, чем десять лет назад, следовательно через десять лет будет еще лучше. Я постараюсь здесь показать, почему я не согласен с этим.

Я хочу подчеркнуть, что моя статья основана не на каких-либо исследованиях, а лишь на наблюдениях и размышлениях. С этой точки зрения она может показаться пустой болтовней, но — во всяком случае для западных советологов — представляет уже тот интерес, какой для ихтиологов представила бы вдруг заговорившая рыба *).

*) Взгляды о приближающемся кризисе советской системы я начал высказывать с осени 1966 года, вскоре после своего возвращения из сибирской ссылки. Сначала своим немногочисленным друзьям, а в ноябре 1967 года изложил их в письме, которое направил в «Литературную газету» и «Известия» с просьбой опубликовать его там. Я получил любезный ответ, что редакции обеих газет не хотят этого делать, так как не разделяют ряд положений письма. Однако дальнейшие события как

Как можно думать, в течение пяти, приблизительно, лет — с 1952 по 1957 годы — в нашей стране происходила своего рода «верхушечная революция». Она пережила такие напряженные моменты, как создание так называемого расширенного президиума ЦК КПСС, дело врачей, загадочную смерть Сталина и ликвидацию расширенного президиума, чистку органов госбезопасности, массовую реабилитацию политзаключенных и публичное осуждение Сталина, польский и вен-

внутри страны, так и за ее пределами убеждали меня, что многие мои предположения основательны, и я решил изложить их в отдельной статье. Сначала я предполагал назвать ее «Просуществует ли Советский Союз до 1980 года?», рассматривая 1980 год как ближайшую реальную круглую дату. В марте 1969 года об этом появилось упоминание в печати: московский корреспондент «Вашингтон пост» г-н Шуб вкратце и не совсем точно изложил некоторые мои взгляды и привел заглавие моей будущей статьи, называя меня «одним русским другом» («Интернешнл геральд трибюн», 31 марта 1969). Однако специалист по древней китайской идеологии и вместе с тем поклонник современной английской литературы, которого я в свою очередь вынужден назвать «одним русским другом», посоветовал мне заменить 1980 год на 1984. Я тем более охотно произвел эту замену, что мое пристрастие к круглым датам нисколько не пострадало, — если учесть, что сейчас 1969 год, мы заглядываем в будущее ровно на полтора десятилетия.

Мою работу над статьей несколько задержал и затруднил обыск, сделанный у меня 7 мая, при котором был изъят ряд нужных мне материалов. Однако я считаю своим приятным долгом поблагодарить сотрудников КГБ и Прокуратуры, делавших обыск, за то, что они не изъяли у меня рукопись этой статьи и тем самым дали возможность довести работу над ней до благополучного конца.

Считая выводы своей статьи во многом спорными, я буду благодарен за ее позитивную критику.

герский кризисы и, наконец, закончилась полной победой Хрущева. Во весь этот период страна пассивно ожидала своей судьбы: если «наверху» все время шла борьба, «снизу» не раздавалось ни одного голоса, который прозвучал бы диссонансом тому, что в настоящий момент шло «сверху» *). Но, видимо, «верхушечная революция», расшатав созданный Сталиным монолит, сделала возможным и какое-то движение в обществе, и уже к концу этого периода стала проявляться новая, независимая от правительства сила. Ее условно можно назвать «культурной оппозицией». Некоторые писатели, до этого шедшие в официальном русле или просто молчавшие, заговорили по-новому, и часть их произведений была опубликована или распространялась в рукописях, появилось много молодых поэтов, художников, музыкантов и шансонье, стали циркулировать машинописные журналы, открываться полулегальные художественные выставки, организовываться молодежные ансамбли **). Это движение

*) Правда, стали появляться подпольные группы с оппозиционными программами, как, например, группа Краснопевцева, арестованная в 1956 году. Однако в силу их нелегальности и тем самым отсутствия гласности протест каждой такой группы был достоянием только ее малочисленных членов.

**) Я имею в виду такие явления, как публикация Пастернаком «Доктора Живаго», издание Александром Гинзбургом машинописного журнала «Синтаксис», публичные чтения стихов на площади Маяковского, выставки независимых художников, как Зверев или Рабин, публикации в официальной печати нескольких романов, рассказов и стихов, затем подвергнутых суровой критике, появление большого количества авторов и исполнителей песен, разошедшихся в миллионах магнитофонных лент, как Б. Окуджава, А. Галич, В. Высоцкий и т. д. Все это

было направлено не против политического режима как такового, а только против его культуры, которую, тем не менее, сам режим рассматривал как свою составную часть. Поэтому режим боролся с «культурной оппозицией», в каждом отдельном случае одерживая полную победу: писатели «каялись», издатели подпольных журналов арестовывались, выставки закрывались, поэты разгонялись. Тем не менее победу над «культурной оппозицией» в целом одержать не удалось, напротив — частично она постепенно включилась в официальное искусство, тем самым модифицировавшись, но модифицировав и официальное искусство, частично же сохранилась, но уже в значительной степени как явление культуры. Режим примирился с ее существованием и как бы махнул на нее рукой, лишив тем самым ее оппозиционность политической нагрузки, которую он сам придавал ей своей борьбой с нею.

Однако тем временем из недр «культурной оппозиции» вышла новая сила, которая стала в оппозицию уже не только официальной культуре, но и многим сторонам идеологии и практики режима. Она возникла в результате скрещения двух противоположных тенденций — стремления общества ко все большей общественно-политической информации и стремления режима все больше препарировать официально даваемую информацию — и получила название самиздата. Романы, повести, рассказы, пьесы, мемуары, статьи, открытые письма, листовки, стенограммы

были явления совершенно разного культурного порядка, но равно направленные против официальной культуры.

заседаний и судебных процессов в десятках, сотнях и тысячах машинописных списков и фотокопий начали расходиться по стране*). Причем постепенно, приблизительно за пятилетие, происходила эволюция самиздата от художественной литературы к документу, принимавшему все более определенную общественно-политическую окраску. Естественно, что в самиздате режим увидел еще большую опасность для себя, чем в «культурной оппозиции», и борется с ним еще более решительно**).

*) Самиздат означает, что автор сам себя издает, и по существу является традиционной русской формой обхода официальной цензуры. Как пример самиздата можно привести романы Солженицына, воспоминания Аксеновой-Гинзбург, Адамовой, Марченко, статьи Краснова-Левитина, рассказы Шаламова, стихи Горбаневской и т. д. Но надо заметить, что значительная часть самиздата анонимна. К самиздату можно отнести и то, что сначала издавалось за границей и только потом попадало в СССР, как, например, книги Сиявского и Даниэля, а также перепечатанные на машинке или переснятые на пленку книги зарубежных авторов, как Орвелл или Джилас, или статьи из зарубежных газет и журналов.

***) Примерами такой борьбы могут служить осуждение Сиявского и Даниэля соответственно на 7 и 5 лет строгого режима за издание своих книг за границей (1965), осуждение Черновола на 3 года за составление сборника о политических процессах на Украине (1967), осуждение Галанскова на 7 лет за составление сборника «Феникс» и Гинзбурга на 5 лет за составление сборника документов по делу Сиявского и Даниэля (1968), осуждение Марченко на 1 год за книгу о послесталинских лагерях (1968). Суровые меры принимаются также против распространителей самиздата. Так, машинистка Лашкова была осуждена на 1 год только за то, что печатала материалы для Гинзбурга и Галанскова (1968), Гендлер, Квачевский и Студенков соответственно на 4, 3 и 1 год только за чтение и распространение нецензурированной литературы (1968), Бурмистрович на 3 года за то же (1969).

Тем не менее, самиздат, подобно «культурной оппозиции», постепенно подготовил новую самостоятельную силу, которую можно рассматривать уже как настоящую политическую оппозицию режиму или, во всяком случае, как зародыш политической оппозиции. Это — общественное движение, называющее само себя Демократическим движением. Как новый этап оппозиции режиму и как политическую оппозицию его можно рассматривать, пожалуй, по следующим причинам: во-первых, не принимая форму четкой организации, оно само осознает и называет себя движением, имеет руководителей, активистов и опирается на значительное число сочувствующих; во-вторых, оно сознательно ставит себе определенные цели и избирает определенную тактику, хотя и то и другое довольно расплывчато; в-третьих, оно хочет работать в условиях легальности и гласности и добивается этой гласности, в чем его отличие от маленьких или даже больших подпольных групп *).

Прежде чем посмотреть, насколько Демократическое движение является массовым, насколько четкие и достижимые цели оно себе ставит, т. е. является ли оно действительно движением и

*) Несмотря на проведение судебных процессов в тайне, все же стало известно о нескольких подобных группах с 1956 года: группе Краснопевцева—Ренделя (осуждена в 1956), группе Осипова—Кузнецова (1961), группе «Колокол» (1964), группе Дергунова (1967) и др. Самой большой из известных до сих пор нелегальных организаций был Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа (в 1967-68 годах в Ленинграде по делу Союза был осужден 21 человек, однако число членов Союза было гораздо больше).

имеет ли какие-либо шансы на успех, есть смысл поставить вопрос об идеологической основе, на которую может опираться всякая оппозиция в СССР.

Конечно, как это хорошо помнит сам автор, и в 1952-1956 годах было большое количество недовольных и настроенных оппозиционно по отношению к режиму лиц. Но, не говоря даже о том, что недовольство это носило «камерный» характер, оно в значительной степени опиралось на негативную идеологию: считалось, что режим плох, потому что он делает или не делает то-то и то-то, в то же время в общем-то не ставилось вопроса, а что же хорошо, подразумевалось также, что режим или не отвечает своей идеологии или что сама идеология никуда не годится. Однако поиски позитивной идеологии, способной противостоять официальной, начались только к концу этого периода*). Можно сказать, что за последние полтора десятилетия выкристаллизовались по крайней мере три идеологии, на которые опирается оппозиция. Это «подлинный марксизм-ленинизм», «христианская идеология» и «либеральная». «Подлинный марксизм-ленинизм» предполагает, что режим, извратив в своих целях

*) Вопрос очень интересный, и возможно, что я ошибаюсь из-за плохого знания фактического материала. Знать же его по вполне понятным причинам сейчас пока просто невозможно, это станет возможно только после опубликования послевоенных архивов КГБ. Я вовсе не хочу сказать, что не было людей или даже группок с определенной позитивной идеологией, однако существовала крайняя духовная изоляция, полное отсутствие гласности и малейшая надежда, что возможны какие-то перемены, а это в корне подрубало возможность существования какой-то позитивной идеологии.

марксистско-ленинскую идеологию, не руководствуется марксизмом-ленинизмом в своей практике и что для оздоровления нашего общества необходимо возвращение к истинным принципам марксизма-ленинизма. «Христианская идеология» предполагает, что необходимо перейти в общественной жизни к христианским нравственным принципам, которые толкуются в несколько славянофильском духе, с претензией на особую роль России. Наконец, «либеральная идеология» в конечном счете предполагает переход к демократическому обществу западного типа с сохранением, однако, принципа общественной и государственной собственности*). Все эти идеологии, однако, в значительной степени аморфны, их никто не формулировал с достаточной полнотой и убедительностью и зачастую они только как бы сами собой подразумеваются их последователями: последователи каждой доктрины предполагают, что все они верят в нечто общее, что точно, однако, никому не известно. Также эти доктрины не имеют четких границ и зачастую переплута-

*) Представителями «марксистской идеологии» можно считать, например, А. Костерина (умер в 1968 г.), П. Григоренко, И. Яхимовича. «Христианской идеологией» руководствовался Всероссийский социально-христианский союз, наиболее яркая фигура которого — И. Огурцов. Чтобы быть правильно понятым, хочу подчеркнуть, что под условно названной так «христианской идеологией» я подразумеваю политическую доктрину, а отнюдь не религиозную философию или церковную идеологию, представителей которых скорее можно рассматривать как участников «культурной оппозиции». И, наконец, представителями «либеральной идеологии» можно считать П. Литвинова и, с некоторыми оговорками, академика Сахарова. Интересно, что в более умеренной форме все эти идеологии проникают и в близкие к режиму круги.

ются одна с другой. И даже в таком аморфном виде они являются достоянием небольшой группы лиц. Между тем есть много признаков, что в самых широких слоях народа, прежде всего в рабочей среде, ощущается потребность в идеологии, на которую могло бы опереться негативное отношение к режиму и его официальной доктрине *).

Демократическое движение, насколько мне известно, включает представителей всех трех обозначенных выше идеологий; таким образом, его идеология может быть или эклектическим сочетанием «подлинного марксизма-ленинизма», русского христианства и либерализма или же основываться на том общем, что есть в этих идеологиях (в их современных советских вариантах). По-видимому, происходит последнее. Хотя Демократическое движение находится в периоде становления и никакой отчетливой программы себе не сформулировало, все его участники подразумевают во всяком случае одну общую цель: правопорядок, основанный на уважении основных прав человека.

Число участников Движения в общем столь же неопределенно, как и его цели. Оно насчитывает

*) Это видно, в частности, из некоторых писем, полученных П. Литвиновым от советских граждан в ответ на его и Л. Богораз обращение «К мировой общественности» и изданных на Западе под редакцией профессора Ван хет Реве. Но, пожалуй, наиболее яркий пример приведен А. Марченко в его книге «Мои показания»: будучи рабочим с семиклассным образованием, он по сфабрикованному политическому обвинению попал в лагерь и там, желая найти какую-то идеологическую опору, прочел подряд все тридцать с лишним томов Ленина (как можно понять, другой политической литературы в лагерной библиотеке не было).

несколько десятков активных участников и несколько сот сочувствующих Движению и готовых поддержать его. Назвать любую точную цифру было бы невозможно не только потому, что она неизвестна, но и потому, что она все время меняется *). Быть может, более интересно не число участников Движения, а его социальный состав. Здесь я смог произвести небольшой подсчет, основываясь на типичном примере протестов по делу Галанскова и Гинзбурга.

По-существу, процесс над ними был только поводом для общественности предъявить режиму требования большего правопорядка и уважения прав человека, большинство подписавших протесты Галанскова и Гинзбурга вообще не знало. Поэтому, пожалуй, активные и довольно многочисленные протесты общественности против нарушения законности во время этого процесса можно считать началом Движения **).

*) Сейчас, в период «эскалации репрессий» со стороны режима, оно, видимо, пойдет на убыль — часть участников Движения сядет в тюрьму, а часть отойдет от Движения, — однако как только давление ослабеет, число участников может быстро пойти вверх.

**) Таким образом, его начало можно отнести к 1968 году. Но попытки массовых легальных действий имели место и раньше, по-видимому, с 1965 года: демонстрация 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади с требованием гласности суда над Синявским и Даниэлем (участвовало около 100 человек, никто не был арестован, но группа студентов исключена из Московского университета); коллективные письма в правительственные инстанции в 1966 году с просьбами о смягчении участи Синявского и Даниэля, а также коллективное письмо против введения новых статей в Уголовный кодекс (190¹ и 190³), подписанные видными представителями интеллигенции (видимо, поэтому никаких заметных репрессий не было); демонстрация 22 января 1967 года на

Всего под разными коллективными и индивидуальными письмами подписалось 738 человек. Профессии 38 неизвестны. Если взять число известных, то можно составить следующую таблицу :

ученых	— 45 %
деятелей искусства	— 22 %
инженеров и техников	— 13 %
издательских	
работников, учителей,	
врачей, юристов	— 9 %
рабочих	— 6 %
студентов	— 5 % *)

Пушкинской площади с требованием освобождения арестованных за несколько дней перед тем Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского (участвовало около 30 человек, пятеро было арестовано и четверо осуждено на срок от 1-го до 3-х лет по нововведенной ст. 190³ УК).

*) В абсолютных числах это выглядит так : ученых — 314 (докторов — 35, кандидатов — 94, без степеней — 185); деятелей искусства — 157 (членов официальных союзов — 90, не членов — 67); издательских работников, учителей, врачей, юристов — 65 (редакторов — 14, служащих — 14, учителей — 15, врачей — 9, юристов — 3, лиц тех же профессий, вышедших на пенсию — 7, мастер спорта — 1, священник — 1, председатель колхоза — 1); рабочих — 40; студентов — 32. Подсчет этот, впрочем, носит не всегда достоверный характер и потому приблизителен. Я произвел его по «Процессу четырех» — сборнику документов до делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, составленному и прокомментированному Павлом Литвиновым. Я учитывал каждого человека только один раз, вне зависимости от того, под сколькими заявлениями или протестами он подписался. Я думаю, что если подсчитать число подписавших все заявления и письма с требованием соблюдения законности, начиная с писем по делу Синявского и Даниэля (1966) и кончая протестом против ареста генерала Григоренко (1969), то оно окажется более тысячи (учитывая людей, а не подписи).

Если признать такой социальный расклад типичным для Движения, то получается, что его основную опору составляют академические круги. Однако ученые по самому своему роду работы, положению в нашем обществе и образу мышления представляются мне наименее способными к активному действию. Они охотно будут «размышлять», но крайне нерешительно действовать *).

Далее видно, что в более широком плане основную опору Движения составляет интеллигенция. Но поскольку это слово носит слишком неопределенный характер, характеризует не столько положение человека в обществе и обозначает не столько какую-либо общественную группу, сколько способность отдельных представителей этой группы к интеллектуальной работе, то лучше я буду употреблять термин «средний класс».

Действительно, мы знаем, что во всех странах группа лиц со средними доходами, обладающая профессиями, требующими значительной подготовки, нуждается в своей деятельности в известной прагматической и интеллектуальной свободе и, как всякая имущая группа, в правопорядке. Тем самым она представляет основной слой общества, на который опирается любой демократи-

*) Я имею в виду, что научная работа требует, как правило, большой отдачи сил и полной сосредоточенности, привилегированное положение в обществе предостерегает от рискованных шагов, а воспитанное наукой мышление носит скорее умозрительный, чем прагматический характер. Хотя рабочие представляют сейчас гораздо более консервативную и пассивную группу, чем ученые, я вполне могу себе представить через несколько лет крупные забастовки на заводах, но вот забастовку в каком-либо научно-исследовательском институте вообразить себе не могу.

ческий режим. Как я думаю, у нас в стране идет постепенное складывание такого класса, который можно еще назвать «классом специалистов». Ведь чтобы существовать и играть активную роль, режим должен был все послевоенное время развивать экономику страны и науку, которая в современном обществе принимает все более массовый характер, что и породило этот многочисленный класс. К нему принадлежат люди, обеспечившие себе и своим семьям относительно высокий, по советским меркам, уровень жизни*), обладающие профессией, дающей им уважаемое место в обществе, известной культурой**) и способностью более или менее здраво оценивать свое положение и положение общества в целом. Сюда относятся лица свободных профессий (как писатели и артисты), лица, занятые научной и научно-административной работой, лица, занятые управленческой работой в экономической области, и т. д., т. е., как я уже сказал, это «класс специалистов». По-видимому, этот класс сам начинает уже осознавать свое единство и заявлять о себе***).

*) Регулярную хорошую пищу, хорошую одежду, кооперативную квартиру с хорошей обстановкой и иногда даже автомобиль, и, разумеется, какие-то развлечения.

**) Например, способностью слушать серьезную музыку, или интересоваться живописью, или регулярно ходить в театр.

***) Это опять же видно из анализа авторов и участников различного рода петиций и протестов по делу Галанскова—Гинзбурга. Я не хочу тем самым, конечно, сказать, что весь «средний класс» стал на защиту двух «отщепенцев», а только, что некоторые представители этого класса уже ясно осознали необходимость правопорядка и стали, с опасностью для себя лично, требовать его от режима.

Таким образом, есть влиятельный класс, или слой, на который могло бы, как кажется, опереться демократическое движение, однако имеются по крайней мере три взаимосвязанных фактора, которые будут сильно противодействовать этому.

Два из них сразу бросаются в глаза. Во-первых, проводимое десятилетиями планомерное устранение из жизни общества наиболее независимых и активных его членов наложило отпечаток серости и посредственности на все слои общества — и это не могло не отразиться на заново формирующемся «среднем классе» *). Во-вторых, для той части этого класса, которая наиболее ясно осознает необходимость демократических перемен, в то же время наиболее характерна самоспасительная мысль, что «все равно ничего не поделаешь», «стену лбом не прошибешь», т. е. своего рода культ собственного бессилия по сравнению с силой режима. Третий фактор не столь явственен, но очень любопытен.

Как известно, в любой стране наиболее не склонный к переменам и вообще к каким-либо самостоятельным действиям слой составляют государственные чиновники. И это естественно, так как каждый чиновник сознает себя слишком незначительным по сравнению с тем аппаратом власти, всего лишь деталью которого он является, для того чтобы требовать от него каких-то перемен. С другой стороны, с него снята всякая обще-

*) Это устранение как в форме эмиграции и высылки из страны, так и тюремного заключения и физического уничтожения коснулось всех слоев нашего народа.

ственная ответственность: он выполняет приказы, поскольку это его работа. Таким образом, у него всегда может быть чувство выполненного долга, хотя бы он и делал вещи, которые, будь его воля, делать бы не стал*). Для чиновника понятие работы вытеснено понятием «службы». На своем посту — он автомат, вне поста — он пассивен. Психология чиновника поэтому самая удобная как для власти, так и для него самого.

В нашей стране, поскольку мы все работаем на государство, у всех психология чиновников — у писателей, состоящих членами Союза писателей, ученых, работающих в государственном институте, рабочих или колхозников в такой же степени, как и у чиновников КГБ или МВД**). Разумеется,

*) С другой стороны, тот, кто издает приказы, тоже лишается чувства ответственности, поскольку нижестоящий слой чиновников рассматривает эти приказы уже как «хорошие», раз они исходят сверху, и это порождает у властей иллюзию, что все, что они делают, — хорошо.

**) Отсюда многие явные и неявные протесты в СССР принимают характер недовольства младшего клерка тем, как к нему относится старший. Особенно наглядно это видно на примере некоторых писателей, имена которых употребляются на Западе как эталон «советского либерализма». Они склонны рассматривать свои права и обязанности не как прежде всего права и обязанности писателя, а как права и обязанности «чиновников по литературной части», пользуясь выражением одного из героев Достоевского. Так, после известного письма Солженицына о положении советских писателей московский корреспондент «Дейли Телеграф» г-н Миллер в частной беседе спросил известного советского поэта, намерен ли он присоединиться к протесту Солженицына. Тот ответил отрицательно. «Поймите, — сказал он, — положение писателя — это наше внутреннее дело, это вопрос наших взаимоотношений с государством». То есть он рассматривал все не как вопрос писательской

так называемый «средний класс» не только не представляет исключения в этом отношении, но для него, как я думаю, эта психология в силу его социальной срединности как раз наиболее типична. А многие члены этого класса попросту являются функционерами партийного и государственного аппарата, и они смотрят на режим как на меньшее зло по сравнению с болезненным процессом его изменения.

Таким образом, мы сталкиваемся с интересным явлением. Хотя в нашей стране уже есть социальная среда, которой могли бы стать понятны принципы личной свободы, правопорядка и демократического управления, которая в них практически нуждается и которая уже поставляет зарождающемуся демократическому движению основной контингент участников, однако в массе эта среда столь посредственна, ее мышление столь «очиновлено», а наиболее в интеллектуальном отношении независимая ее часть так пассивна, что успехи Демократического движения, опирающегося на этот социальный слой, представляются мне весьма проблематичными.

Но следует сказать, что этот «парадокс среднего класса» соединяется любопытным образом с «парадоксом режима». Как известно, режим

совести и морального права и обязанности писателя писать то, что он думает, а как вопрос внутрислужебных отношений советского «литературного ведомства». Он тоже протестует, но он протестует как мелкий чиновник — не против ведомства как такового — а против слишком низкой заработной платы или слишком грубого начальника. Конечно, это «внутреннее дело» — и оно не должно интересовать тех, кто к этому ведомству не относится. Этот любопытный разговор произошел в одном из московских валютных магазинов.

претерпел очень динамичные внутренние изменения в предвоенное пятилетие, однако в дальнейшем регенерация бюрократической элиты шла уже бюрократическим путем отбора наиболее послушных и исполнительных. Этот бюрократический «противоестественный отбор» наиболее послушных старой бюрократии, вытеснение из правящей касты наиболее смелых и самостоятельных порождал с каждым разом все более слабое и нерешительное новое поколение бюрократической элиты. Привыкнув беспрекословно подчиняться и не рассуждать, чтобы прийти к власти, бюрократы, наконец получив власть, превосходно умеют ее удерживать в своих руках, но совершенно не умеют ею пользоваться. Они не только сами не умеют придумать ничего нового, но и вообще всякую новую мысль рассматривают как покушение на свои права. По-видимому, мы уже достигли той мертвой точки, когда понятие власти не связывается ни с доктриной, ни с личностью вождя, ни с традицией, а только с властью как таковой: ни за какой государственной институцией или должностью не стоит ничего иного, как только сознание того, что эта должность — необходимая часть сложившейся системы. Естественно, что единственной целью подобного режима, во всяком случае во внутренней политике, должно быть самосохранение *).

*) Которое понимается уже как самосохранение бюрократической элиты, ибо для того, чтобы удержаться режиму — он должен меняться, а для того, чтобы удержаться самим — все должно оставаться неизменным. Это видно, в частности, на примере так затяжно проводимой «экономической реформы», в общем-то так нужной режиму.

оно и есть. Режим не хочет ни « реставрировать сталинизм », ни « преследовать представителей интеллигенции », ни « оказывать братскую помощь » тем, кто ее не просит. Он только хочет, чтобы все было по-старому : признавались авторитеты, помалкивала интеллигенция, не расшатывалась система опасными и непривычными реформами. Режим не нападает, а обороняется. Его девиз : не троньте нас, и мы вас не тронем. Его цель : пусть все будет, как было. Пожалуй, это самая гуманная цель, которую ставил режим за последнее столетие, но в то же время и наименее увлекательная.

Таким образом, пассивному « среднему классу » противостоит пассивная бюрократическая элита. Впрочем, сколь бы пассивна она ни была, ей-то как раз менять ничего не надо и, в теории, она может продержаться очень долго, отделяясь самыми незначительными уступками и самыми незначительными репрессиями.

Понятно, что такое квазистабильное состояние режима нуждается в определенном правовом оформлении, основанном или на молчаливом понимании всеми членами общества, что от них требуется, или же на писаном законе. Во времена Сталина и даже Хрущева была идущая сверху и всеми ощущаемая тенденция, которая позволяла всем чиновникам безошибочно руководствоваться конъюнктурными соображениями (подкрепленными, впрочем, инструкциями), а всем остальным понимать, что от них хотят. При этом существовала декорация законов, из которых каждый раз брали лишь то, что было нужно в данный момент. Но постепенно и « сверху » и « снизу » стало заме-

чатся стремление к более устойчивым — « писанным » — нормам, чем это « молчаливое соглашение », и это стремление создало довольно неопределенную ситуацию.

Необходимость известного правопорядка стала ощущаться « наверху » уже в период ограничения роли госбезопасности и массовых реабилитаций. За десятилетие (1954-1964) проводилась постепенная, весьма, впрочем, медленная работа как в области формально-законодательной, так и в области практического применения законов, что выразилось как в подписании ряда международных конвенций и попытке некоего согласования советского законодательства с международными правовыми нормами, так и в обновлении следственных и судебных кадров. Это и без того медленное движение в сторону правопорядка крайне затруднялось тем, что, во-первых, власть сама из тех или иных соображений текущей политики издавала указы и распоряжения, находящиеся в прямом противоречии с только что подписанными международными конвенциями и одобренными основами советского законодательства *), во-вторых, замена кадров проводилась крайне ограничено и непоследовательно и сталкивалась с нехваткой достаточного числа практических работников с пониманием идеи правопорядка, в-третьих, сословный эгоизм практических работников

*) Например, принятие в 1961 году не внесенного в Уголовный кодекс указа о пятилетней ссылке с принудительным трудоустройством для лиц без постоянной работы или расширение меры наказания за валютные операции вплоть до расстрела, с фактическим приданием этому указу обратной силы.

заставлял их противиться всему, что могло бы как-то ограничить их влияние и покончить с их исключительным положением в обществе, в-четвертых, сама идея правопорядка не имела почти никаких корней в советском обществе и находилась в явном противоречии с официально провозглашенными доктринами «классового» подхода ко всем явлениям.

Хотя, таким образом, начатое «сверху» движение к правопорядку постепенно увязало в бюрократической трясине, внезапно голоса о необходимости соблюдения законов раздалось «снизу». Действительно, «средний класс» — единственный в советском обществе, кому была и понятна, и нужна идея правопорядка, — стал, хотя и весьма робко, требовать, чтобы с ним обращались не в зависимости от текущих нужд режима, а на «законной основе». Тут обнаружилось, что в советском праве существует, если можно так сказать, широкая «серая полоса» — вещей, формально законом не запрещенных, но на практике считавшихся запретными*). Теперь очевидны две тенденции: тенденция режима «зачернить» эту полосу (путем дополнений к Уголовному кодексу, проведения «показательных процессов», дачи инструктивных указаний практическим работникам) и тенденция «среднего класса»

*) Например, общение советских граждан с иностранцами, занятие немарксистской философией и несоцреалистическим искусством, попытка издания каких-либо литературных машинописных сборников, устная и писаная критика не системы в целом, что предусмотрено ст. ст. 70 и 190¹ УК РСФСР, а лишь отдельных учреждений системы и т. д.

«разбелить» ее (просто-напросто делая те вещи, которые ранее считались невозможными, и постоянно ссылаясь на их «законность»). Все это ставит режим в довольно сложное положение, особенно, если учесть, что идея правопорядка начнет проникать и в остальные слои общества: с одной стороны, в интересах стабилизации режим теперь все время вынужден считаться со своими собственными законами, с другой, он все время вынужден их нарушать, чтобы противоборствовать тенденции демократизации *).

*) Это породило два таких любопытных явления, как массовые внесудебные репрессии и выборочные судебные. Ко внесудебным репрессиям прежде всего следует отнести увольнение с работы и исключение из партии: например, в течение одного месяца было уволено свыше 15 % всех лиц, подписавших разного рода петиции с требованием соблюдения законности на процессе Галанскова — Гинзбурга, и почти все члены КПСС исключены из партии. Выборочные судебные репрессии имеют целью запугать всех тех, кто в равной степени мог бы им подвергнуться, поэтому человек, совершивший с точки зрения режима даже более криминальные поступки, может остаться на свободе, тогда как человек менее виновный сест в тюрьму, если его осуждение требует меньших бюрократических усилий или по конъюнктурным соображениям представляется более желательным. Характерный пример: суд над московским инженером Ириной Белогородской (январь 1969). Она обвинялась в «покушении на распространение» признанного судом «антисоветским» воззвания в защиту политзаключенного Анатолия Марченко и осуждена на 1 год. Вместе с тем авторы этого воззвания, публично заявившие, что они его составили и распространяли, даже не были вызваны в суд как свидетели. Так же получает все более широкое распространение такая омерзительная репрессивная мера, как принудительное помещение в психиатрическую больницу. Оно применяется как к лицам с легким психическим расстройством, не нуждающимся в госпитализации и принудительном лечении, так и к совершенно здоровым людям. Как мы теперь видим, существование «сталиниз-

Все-таки, оглядываясь на прошедшие пятнадцать лет, надо сказать, что процесс правовой формализации шел, хотя и медленно, но непрерывно и зашел так далеко, что повернуть его вспять обычными бюрократическими методами будет трудно. Можно задуматься, является ли этот процесс частным выражением якобы происходящей, или во всяком случае до недавнего времени происходившей, либерализации существующего в нашей стране режима. Ведь известно, что эволюция нашего государства и общества происходила и происходит не только в области права, но также в экономической области, в области культуры и т. д.

Действительно, сейчас не только каждый советский гражданин чувствует себя в большей безопасности и располагает большей личной свободой, чем 15 лет назад, но и руководитель отдельного промышленного предприятия имеет право сам решать ряд вопросов, которые раньше от него не зависели, и писатель или режиссер стеснены в своем творчестве уже гораздо более широкими рамками, чем раньше, и то же наблюдается почти во всех областях нашей жизни. Это породило еще одну идеологию в обществе, пожалуй самую распространенную, которую можно назвать «идеологией реформизма». Она основана на том, что путем постепенных изменений и частных реформ, замены старой бюрократической элиты новой,

ма без насилия» по мере выветривания в людях страха перед прежним насилием неизбежно приводит к насилию новому: сначала «выборочным репрессиям» против недовольных, затем «мягким» массовым репрессиям, а что затем?

более интеллигентной и здравомыслящей, произойдет своего рода « гуманизация социализма » и вместо неподвижной и несвободной системы появится динамичная и либеральная. Иными словами, эта теория основана на том, что « разум победит » и « все будет хорошо », поэтому она так популярна в академических кругах и вообще среди тех, кому и сейчас неплохо и кто поэтому надеется, что и другие поймут, что быть сытым и свободным лучше, чем голодным и несвободным. Я думаю, что такой наивной точкой зрения объясняются и все американские надежды, связанные с СССР *). Однако мы знаем, что история, в

*) Я хочу привести здесь небольшой, но характерный пример со своим другом Анатодем Шубом, бывшим корреспондентом « Вашингтон пост » в Москве. В конце марта он сказал мне, что, по его мнению, положение режима настолько сложно и трудно, что, по всей видимости, в апреле будет пленум ЦК КПСС, на котором если и не произойдет решающая смена руководства, то во всяком случае будет взят более умеренный и благоразумный курс. Поэтому он хочет проявлять до пленума максимальную осторожность, чтобы не оказаться последним американским корреспондентом, высланным из Москвы до либеральных перемен. Однако никаких перемен в апреле не произошло — если не считать перемен в Чехословакии, — а Анатодем Шуб был благополучно выслан из Москвы в мае.

Конечно, Анатодем Шуб — один из американцев, наиболее здраво оценивающих советскую действительность, и, быть может, у него были какие-то основания предполагать, что в апреле будет пленум. Однако он проявил ту же излишнюю американскую веру в « разумные перемены », которые, очевидно, возможны только там, где жизнь с самого начала строится хотя бы частично на разумных основаниях.

Помимо веры в разум, американцы, как кажется, верят и в то, что постепенный рост благосостояния и так сказать « культурно-бытовая » диффузия Запада по-

частности русская история, отнюдь не была непрерывным торжеством разума, и вся человеческая история вовсе не означала постепенного прогресса. Однако, по моему мнению, дело даже не в том, что степень свободы, которой мы пользуемся, все еще является минимальной по сравнению с той, которая нужна для развитого общества, и что процесс этой либерализации не только не ускоряется все время, но даже временами явственно замедляется, искажается и идет назад, а в том, что сама природа этого процесса заставляет сомневаться в его конечном успехе. Казалось бы, либерализация предполагает некий сознательный план, постепенно проводимый сверху путем реформ или иных мероприятий, для того чтобы приспособить нашу систему к современным условиям и привести ее к коренному обновлению. Как мы знаем, никакого плана не было и нет, никаких коренных реформ не проводилось и не проводится, а есть лишь отдельные несвязанные попытки как-то «заткнуть дыры» путем разного рода

степенно преобразят советское общество, что иностранные туристы, джазовые пластинки и мини-юбки будут способствовать созданию «гуманного социализма». Быть может, у нас и будет «социализм» с открытыми коленками, но отнюдь не социализм с человеческим лицом. Мне кажется, что рост бытовой культуры и экономического благосостояния сам по себе не предохраняет от насилия и не устраняет его, чему пример — такие развитые страны, как нацистская Германия. Насилие — всегда насилие, но в каждой отдельной стране оно имеет свои специфические черты, и правильно понять причины, которые его породили и которые могут привести к его концу, можно только в историческом контексте каждой страны.

« перестроек » бюрократического аппарата *). С другой стороны, либерализация могла бы быть « стихийной » : быть результатом постоянных уступок режиму обществу, которое имело бы свой план либерализации, и постоянных попыток режима приспособиться к бурно изменяющимся условиям во всем мире, иными словами, режим был бы саморегулирующейся системой **). Однако мы видим, что и этого нет : режим считает себя совершенством и поэтому сознательно не хочет меняться ни по доброй воли, ни, тем более, уступая кому-то и чему-то. Происходящий процесс « увеличения степеней свободы » правильнее всего было бы назвать процессом дряхления режима. Просто-напросто режим стареет и уже не может подавлять все и вся с прежней силой и задором : меняется состав его элиты : усложняется характер жизни, в которой режим ориентируется уже с большим трудом; меняется структура общества. Можно представить себе аллегорическую картинку : один человек стоит в напряженной позе, подняв руки вверх, а другой в столь же напряженной позе, оперев ему автомат в живот. Конечно, слишком долго они так не простоят : и второй устанет и чуть опустит автомат, и первый воспользуется этим, чтобы немножко опустить руки и чуть по-

*) Так называемая « экономическая реформа », о которой я говорил уже выше, сама по себе половинчата, а на деле саботируется партаппаратом, поскольку логическое доведение подобной реформы до конца ему непосредственно угрожает.

***) Об изменении условий правящей элите все время сигнализировали бы трудности во внешней и внутренней политике, экономические трудности и т. д.

размяться*). Но если считать происходящую «либерализацию» не обновлением, а дряхлением режима, то ее логическим результатом будет его смерть, за которой последует анархия.

Если, таким образом, рассматривать эволюцию режима по аналогии с возрастанием энтропии, то Демократическое движение, с анализа которого я начал свою статью, можно было бы считать анти-энтропическим явлением. Конечно, можно надеяться — а так оно, вероятно, и будет, — что зарождающееся движение, несмотря на репрессии, сумеет стать влиятельным, выработает достаточно определенную программу, найдет нужную структуру и приобретет многочисленных сторонников. И вместе с тем, как я думаю, его социальная опора — «средний класс», точнее даже часть его — слишком слаба и внутренне противоречива, чтобы Движение когда-либо смогло вступить в настоящее единоборство с режимом или, в случае самоликвидации режима или его падения в результате массовых беспорядков, стать силой, которая сумела бы организовать общество по-новому. Но, быть может, Демократическое движение сумеет найти себе более широкую опору в народе?

Ответить на этот вопрос очень трудно, хотя бы уже потому, что никто, в том числе и бюрократическая элита, толком не знает, какие настроения существуют в широких слоях народа**). Как мне

*) Сейчас мы видим все большую тягу к спокойной жизни и комфорту и даже своего рода «культ комфорта» во всех слоях общества, прежде всего в его верхних и средних слоях.

**) Конечно, КГБ поставляет бюрократической элите полученную своими специфическими методами информа-

кажется, эти настроения правильнее всего было бы назвать « пассивным недовольством ». Недовольство это направлено не против режима в целом — над этим большинство народа просто не задумывается или же считает, что иначе быть не может, — но против частных сторон режима, которые, тем не менее, есть необходимые условия его существования. Рабочих, например, раздражает их бесправность перед заводской администрацией, колхозников — полная зависимость от председателя (который сам полностью зависит от районного начальства), всех — сильное имущественное неравенство, низкие заработки, тяжелые жилищные условия, нехватка или отсутствие товаров первой необходимости, насильственное прикрепление к месту жительства или работы и т. д. Теперь это недовольство начинает проявляться все громче, к тому же многие уже начинают задумываться: кто же, собственно, виноват? Постепенное, хотя и медленное повышение жизненного уровня, прежде всего благодаря интенсивному жилищному строительству, этого раздражения не снимает, но как-то нейтрализует. Однако ясно, что резкое замедление роста благосостояния, остановка или движение вспять вызвали бы такие сильные вспышки раздражения, связанного с на-

цию о настроениях страны — и она, видимо, отличается от картины, ежедневно рисуемой газетами. Однако можно только гадать, насколько и информация КГБ адекватна действительности. Парадоксально, что режим тратит сначала колоссальные усилия, чтобы заставить всех молчать, а затем тратит усилия, чтобы узнать, что же все-таки люди думают и чего они хотят.

силием, какие раньше были бы невозможны*). Поскольку режиму, в силу его окостенелости, все с большим трудом будет даваться увеличение производства, то очевидно, что уровень жизни многих слоев нашего общества может оказаться под угрозой. Какие же формы примет тогда народное недовольство — форму легального демократического сопротивления или экстремистскую форму вспышек одиночных и массовых насилий?

Как я думаю, никакая идея не может получить практического осуществления, если она уже не была хотя бы понята большинством народа. Русскому народу, в силу ли его исторических традиций или еще чего-либо, почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы — и связанной с этим ответственности. Даже в идее прагматической свободы средний русский человек увидит не возможность для себя хорошо устроиться в жизни, а опасность, что какой-то ловкий человек хорошо устроится за его счет. Само слово «свобода» понимается большинством народа как синоним слова «беспорядок», как возможность безнаказанного свершения каких-то антиобщественных и опасных поступков. Что касается уважения прав человеческой личности как таковой, то это вызовет просто недоумение. Уважать можно силу, власть,

*) Этим, по моему мнению, объясняется то обстоятельство, что режим не решился произвести намеченное на начало 1969 года резкое повышение цен на ряд продуктов, предпочитая этому своего рода ползучую инфляцию. К каким последствиям может привести резкое повышение цен, режим мог убедиться на примере «голодного бунта» в Новочеркасске после повышения Хрущевым цен на мясные и молочные продукты.

наконец даже ум или образование, но что человеческая личность сама по себе представляет какую-то ценность — это дико для народного сознания. Мы как народ не пережили европейского периода культа человеческой личности, личность в русской истории всегда была средством, но никак не целью. Парадоксально, что само понятие «период культа личности» стал у нас означать период такого унижения и подавления человеческой личности, которого даже наш народ не знал ранее. Вдобавок постоянно ведется пропаганда, которая всячески стремится противопоставить «личное» — «общественному», явно подчеркивая всю ничтожность первого и величие последнего. Отсюда всякий интерес к «личному» — естественный и неизбежный — приобрел уродливые эгоистические формы.

Значит ли это, что народ не имеет никаких позитивных идей, кроме идеи «сильной власти» — власти, которая права, потому что сильна, и которой, поэтому, не дай Бог ослабеть?! У русского народа, как это видно и из его истории, и из его настоящего, есть во всяком случае одна идея, кажущаяся позитивной: это идея *справедливости*. Власть, которая все думает и делает за нас, должна быть не только сильной, но и справедливой, все жить должны по справедливости, поступать по совести. За это можно и на костре сгореть, а отнюдь не за право «делать все, что хочешь»! Но при всей кажущейся привлекательности этой идеи — она, если внимательно посмотреть, что за ней стоит, представляет наиболее деструктивную сторону русской психологии. «Справедливость» на практике оборачивается

желанием, « чтобы никому не было лучше, чем мне » *). Эта идея оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, чему стараются не подражать, а наоборот — заставить быть себе подобным, ко всякой инициативе, ко всякому более высокому и динамичному образу жизни, чем живем мы. Конечно, наиболее типична эта психология для крестьян и наименее — для « среднего класса ». Однако крестьяне и вчерашние крестьяне составляют подавляющее большинство нашей страны **).

Таким образом, обе понятные и близкие народу идеи — идея силы и идея справедливости — одинаково враждебны демократическим идеям, основанным на индивидуализме. К этому следует добавить еще три негативных взаимосвязанных фактора. Во-первых, все еще очень низкий культурный уровень большей части нашего народа, в частности, в области бытовой культуры. Во-вторых, господство массовых мифов, усиленно распространяемых через средства массовой информации. И в-третьих, сильную социальную дезориентацию большей части нашего народа. « Пролета-

*) Но это не пресловутая « уравниловка », так как охотно мирятся с тем, чтобы многим было хуже.

**) Как я мог видеть, многие крестьяне болезненнее переживают чужой успех, чем собственную неудачу. Вообще, если средний русский человек видит, что он живет плохо, а его сосед хорошо, он думает не о том, чтобы самому постараться устроиться так же хорошо, как и сосед, а о том, чтобы как-то так устроить, чтобы и соседу пришлось так же плохо, как и ему самому. Кому-то, может быть, эти мои рассуждения могут показаться очень наивными, но я мог наблюдать примеры этому десятки раз как в деревне, так и в городе и вижу в этом одну из характерных черт русской психологии.

ризация» деревни породила «странный класс» — не крестьян и не рабочих, с двойной психологией собственников своих микрохозяйств и батраков гигантского анонимного предприятия. Кем сама осознает себя эта масса и чего она хочет, никому, я думаю, неизвестно. Далее, колоссальный отлив крестьянской массы из деревни в город породил и новый тип горожанина: человека, разорвавшего со своей старой средой, старым бытом и культурой и с большим трудом обретающего новые, чувствуящего себя в них очень неуютно, одновременно запуганного и агрессивного. Тоже совершенно непонятно, к какому социальному слою он сам себя относит.

Если старые формы уклада как в городе, так и в деревне окончательно разрушены, то новые только складываются. «Идеологическая основа», на которой они складываются, весьма примитивна: это стремление к материальному благополучию (с западной точки зрения весьма относительному) и инстинкт самосохранения, т. е. понятию «выгодно» противостоит понятие «опасно». Трудно понять, имеются ли у большинства нашего народа, помимо этих чисто материальных, какие-либо нравственные критерии — понятия «честно» и «нечестно», «хорошо» и «плохо», «добро» и «зло», якобы извечно данные, которые являются сдерживающим и руководящим фактором, когда рушится механизм общественного принуждения и человек предоставлен самому себе. У меня сложилось впечатление, быть может неверное, что таких нравственных критериев у народа нет или почти нет. Христианская мораль с ее понятиями добра и зла выбита и выветрена

из народного сознания, делались попытки заменить ее «классовой» моралью, которую можно сформулировать примерно так: хорошо то, что в настоящий момент требуется власти. Естественно, что такая мораль, а также насаждение и разжигание классовой и национальной розни совершенно деморализовали общество и лишили его каких-либо несиюминутных нравственных критериев *).

Так же христианская идеология, вообще носившая в России полуязыческий и вместе с тем служебногосударственный характер**), отмерла, не заменившись идеологией марксистской. «Марксистская доктрина» слишком часто кроилась и перекраивалась для текущих нужд, чтобы стать живой идеологией. Сейчас, по мере все большей бюрократизации режима, происходит все большая его дезидеологизация. Потребность же в какой-то идеологической основе заставляет режим искать новую идеологию, а именно — великорусский национализм с присущим ему культом силы и экс-

*) Как один из примеров этого можно привести необычайное распространение бытового воровства (наряду с сокращением воровства профессионального). Вот один из типичных эпизодов: двое молодых рабочих шли куда-то в гости, проходя по улице, заметили, что одно из окон на первом этаже раскрыто, залезли и вытащили какие-то пустяки. А будь это случайно замеченное окно закрыто, они так и шли бы себе мимо. Видишь постоянно, как люди входят в дом, не здороваясь, едят, не снимая шапок, матерятся при своих же маленьких детях. Все это — норма поведения, а отнюдь не исключение.

**) Здесь нет места говорить об этом, но заслуживает внимания и то, что Россия заимствовала христианство не у динамичной и развивающейся молодой западной цивилизации, а у закостеневшей и постепенно умирающей Византии, и это обстоятельство не смогло не наложить глубокий след на дальнейшую русскую историю.

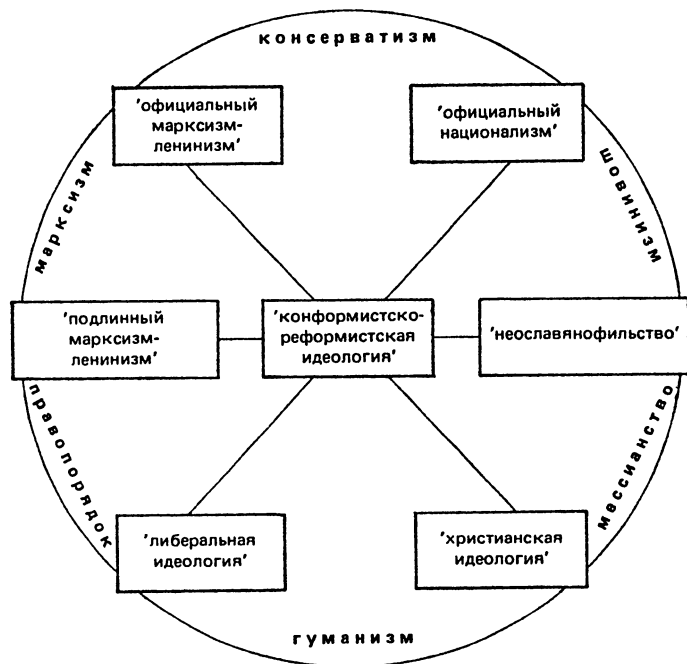
пансионистскими устремлениями *). Режиму с такой идеологией необходимо иметь внешних и внутренних врагов уже не «классовых» — например, «американских империалистов» и «антисоветчиков», — а национальных, например, китайцев и евреев. Однако подобная националистическая идеология, хотя и даст режиму опору на какое-то время, представляется весьма опасной для страны, в которой русские составляют менее половины населения **).

*) Нечто подобное происходило и в начале нашего века, когда традиционная монархическая идеология заменялась узко националистической, царский режим даже ввел в обиход выражение «истинно русские люди» в отличие от просто русских и инспирировал создание «Союза русского народа».

**) Потребность в живой националистической идеологии не только все больше ощущается режимом, но подобная идеология уже формируется в обществе, прежде всего в официальных литературных и художественных кругах (где она, видимо, возникла как реакция на значительную роль евреев в советском официальном искусстве), однако она распространяется и в более широких слоях, где имеет своего рода центр — клуб «Родина». Эту идеологию условно можно назвать «неославянофильской» (не путая ее с отчасти проникнутой славянофильством «христианской идеологией», о которой мы говорили раньше) — для нее характерен интерес к русской самобытности, вера в мессианскую роль России, а также крайнее пренебрежение и вражда ко всему нерусскому. Поскольку эта идеология не была непосредственно инспирирована режимом, а возникла спонтанно, режим относится к ней с некоторым недоверием (примером чему может служить запрещение фильма «Андрей Рублев» режиссера А. Тарковского), однако с большой терпимостью — и в любой момент она может выйти на авансцену.

Учитывая, что я ранее говорил об идеологиях в современном советском обществе и их отношении друг к другу, можно составить такую примитивную и условную, но занятую схему :

Итак, во что же верит и чем руководствуется этот народ без религии и без морали? Он верит в

Соединительными линиями я показал, что связывает эти идеологии; довольно ясно, что их разъединяет. «Реформистскую идеологию» по ее «идеалам» в точном смысле этого слова следовало бы ближе всего связать с «либеральной идеологией», однако в силу ее крайне конформистской методы и всепрятия, что можно выразить словами «дальше все само собой станет лучше, а пока что надо жить», — я поместил ее между всеми остальными идеологиями.

собственную национальную силу, которую должны бояться другие народы*), и руководствуется сознанием силы своего режима, которую боится он сам. При таком взгляде нетрудно понять, какие формы будет принимать народное недовольство и во что оно выльется, если режим изживет сам себя. Ужасы русских революций 1905-07 и 1917-20 годов покажутся тогда просто идиллическими картинками.

Конечно, есть и противовес этим разрушительным тенденциям. Сейчас советское общество можно сравнить со своего рода трехслойным пирогом — с правящим бюрократическим верхним слоем; средним слоем, который мы называли выше «средним классом», или «классом специалистов»; и наиболее многочисленным нижним слоем — рабочими, колхозниками, мелкими служащими, обслуживающим персоналом и т. д. От того, насколько быстро пойдет рост «среднего класса» и его самоорганизация — быстрее или медленнее, чем разложение системы, — от того, насколько быстро средняя часть пирога будет увеличиваться за счет остальных, зависит, сумеет ли советское общество перестроиться мирным и безболезненным путем и пережить предстоящие ему катаклизмы с наименьшими жертвами.

При этом следует заметить, что есть еще один мощный фактор, противоборствующий всякой мирной перестройке и одинаково негативный для

*) Естественно, что большинство народа одобрило или отнеслось безразлично к введению советских войск в Чехословакию и, наоборот, болезненно переживало «безнаказанность» китайцев во время мартовских столкновений на реке Уссури.

всех слоев общества: это крайняя изоляция, в которую режим поставил общество и сам себя. Это не только изоляция режима от общества и всех слоев общества друг от друга, но прежде всего крайняя изоляция страны от остального мира. Она порождает у всех — начиная от бюрократической элиты и кончая самыми низшими слоями — довольно сюрреальную картину мира и своего положения в нем. Но однако чем более такое состояние способствует тому, чтобы все оставалось неизменным, тем скорее и решительнее всё начнет расползаться, когда столкновение с действительностью станет неизбежным.

Резюмируя, можно сказать, что по мере все большего ослабления и самоуничтожения режима ему придется сталкиваться — и уже есть явные признаки этого — с двумя разрушительно действующими по отношению к нему силами: конструктивным движением «среднего класса» (довольно слабым) и деструктивным движением «низших» классов, которое выразится в самых разрушительных, насильственных и безответственных действиях, как только эти слои почувствуют свою относительную безнаказанность. Однако как скоро режиму предстоят подобные потрясения, как долго еще сможет он продержаться?

По-видимому, этот вопрос может быть рассмотрен двояко: во-первых, если сам режим предпримет какие-то решительные и кардинальные меры по самообновлению, и, во-вторых, если он пассивно будет идти на минимум изменений, чтобы сохранить свое совершенство, как это происходит сейчас. Мне кажется более вероятным

второй путь, поскольку он требует от режима меньших усилий, кажется ему менее опасным и отвечает сладким иллюзиям современных «кремлевских мечтателей». Однако теоретически возможны и какие-то мутации режима: например, военизация режима и переход к откровенно националистической политике (это могло бы произойти путем военного переворота или же постепенного перехода власти к армии) *) или же, наоборот, экономические реформы и связанная с этим относительная либерализация режима (это могло бы произойти путем усиления в руководстве роли прагматиков-экономистов, понимающих необходимость изменений). Оба эти варианта не кажутся невероятными, однако партаппарат, против которого в сущности были бы направлены оба переворота, настолько сращен как с армией, так и с экономическими кругами, что обе эти упряжки, даже рванув вперед, быстро бы увязли в том же самом болоте. Всякая существенная перемена означала бы сейчас персональные замены сверху донизу, поэтому понятно, что лица, олицетворяющие режим, никогда на это не пойдут: сохранить режим ценой самоустранения покажется им слишком дорогой и несправедливой платой.

Говоря о том, как долго сможет просуществовать режим, любопытно провести некоторые исто-

*) То есть к политике уже без всяких попыток прикрывать свои действия «интересами международного коммунистического движения» и тем самым как-то считаться с рядом независимых и полузависимых компартий. Что же касается роли армии, то она непрерывно возрастает. Об этом может судить каждый, хотя бы сравнив соотношение военных и штатских на трибуне мавзолея в дни демонстраций сейчас и пятнадцать лет назад.

рические параллели. Сейчас, пожалуй, существуют во всяком случае некоторые из условий, вызвавших в свое время как первую, так и вторую русские революции: кастовое, немобильное общество; окаменелость государственной системы, вступившей в явный конфликт с потребностями экономического развития; бюрократизация системы и создание привилегированного бюрократического класса; национальные противоречия в многонациональном государстве и привилегированное положение отдельных наций. И вместе с тем царский режим, по-видимому, просуществовал бы довольно долго и, возможно, претерпел бы какую-то мирную модернизацию, если бы правящая верхушка не оценивала общее положение и свои силы явно фантастически и не проводила бы внешнеэкспансионистской политики, вызвавшей перенапряжение. Действительно, не начали правительство Николая II войны с Японией, не было бы революции 1905-07 годов, не начали они войны с Германией, не было бы революции 1917 года *). Отчего всякое внутреннее дряхление соединяется с крайней внешнеполитической амбициозностью, мне ответить трудно. Может быть, во внешних кризисах ищут выхода из внутренних противоречий. Может быть, наоборот, та легкость, с которой подавляется всякое внутреннее сопротивление, создает иллюзию всемогущества. Может быть, возникающая из внутривластных целей потребность иметь внешнего врага создает такую инерцию, что невозможно остановиться, — тем более

*) Строго говоря, не само оно начало обе эти войны, но оно сделало все, чтобы они начались.

что каждый тоталитарный режим дряхлеет, сам этого не замечая. Зачем Николаю I понадобилась Крымская война, приведшая к крушению созданного им строя? Зачем Николаю II понадобились войны с Японией и Германией? Существующий ныне режим странным образом соединяет в себе черты царствований как Николая I, так и Николая II, а во внутренней политике, пожалуй, и Александра III. Но лучше всего его сравнить с бонапартистским режимом Наполеона III. При таком сравнении Ближний Восток будет его Мексикой, Чехословакия — Папской областью, а Китай — его Германской империей.

II

Вопрос о Китае следует рассмотреть подробно. Китай, как и наша страна, пережил революцию и гражданскую войну и, как и мы, воспользовался марксистской доктриной для консолидации страны. Как и у нас, по мере развития революции марксистская доктрина становилась все в большей степени камуфляжем, который более или менее прикрывал национал-имперские цели. Обобщенно говоря, наша революция прошла три этапа: 1) интернациональный, 2) национальный, связанный с колоссальной чисткой старых кадров, и 3) военно-имперский, закончившийся установлением контроля над половиной Европы *). Как мне кажется, китайская революция проходит

*) Затем началась «верхушечная революция» — переход от кровавого сталинского динамизма сначала к относительной стабильности, а затем к современному застою.

те же этапы: интернациональный период сменился националистическим *), и, по логике событий, вслед за этим должна последовать внешняя экспансия.

Мне могут возразить, что Китай не хочет войны, что, несмотря на самый агрессивный тон, с 1949 года Китай своими действиями показал себя как миролюбивая, а не агрессивная держава. Однако это не так. Во-первых, логика внутреннего развития еще только подводит Китай к полосе внешних экспансий, во-вторых, уже ранее Китай показал свою агрессивность там, где не рассчитывал встретить сильного сопротивления, например, в Индии **). Но, действительно, создавалось впечатление, что Китай хотел бы достичь своих целей, не участвуя сам в глобальной войне, а сжав с СССР с США, причем сам он смог бы выступить тогда в качестве арбитра и вершителя судеб мира. Этого Китаю достичь не удалось, и китайским руководителям уже давно это стало ясно; по-видимому, это приведет и уже приводит к полной переоценке китайской внешней политики.

Между тем неумолимая логика революции ведет Китай к войне, которая, как надеются китайские руководители, разрешит тяжелые экономические и социальные проблемы Китая ***) и обес-

*) Заимствуя у нас даже терминологию, например, введенный Сталиным термин «культурная революция».

***) Я говорю здесь не о законности или незаконности территориальных претензий Китая к другим странам, в частности, к Индии, а о методах их разрешения.

***) Прежде всего такие, как крайняя перенаселенность некоторых районов, голод, экстенсивное сельское хозяйство, которому необходимо развиваться не вглубь, а

печит ему ведущее место в современном мире. И, наконец, в такой войне Китай будет видеть национальный реванш за вековые унижения и зависимость от иностранных держав. Основным препятствием для достижения этих мировых целей являются две современные сверхдержавы — СССР и США. Однако они совместно не противостоят Китаю и сами находятся в антагонистических отношениях. Разумеется, Китай учитывает это. Китай одинаково нападает на словах как на «американский империализм», так и на «советский ревизионизм, социал-империализм», однако реальные противоречия и возможности прямого столкновения у Китая гораздо больше с Советским Союзом.

Если США сами не начнут войну с Китаем — а они ее не начнут, — то Китай в ближайшие десятилетия просто не сумеет этого сделать. Он лишен сухопутной границы с США, чтобы использовать свое численное преимущество и применить методы партизанской войны, а также у него нет флота для высадки экспедиционной армии. Ракетно-ядерная дуэль — при условии, что Китай в течение десяти лет накопит достаточный ракетно-ядерный потенциал, — приведет к взаимному уничтожению, что Китай совершенно не устраивает. Кроме того, Китай в первую очередь заинтересован в расширении своего влияния и приобретении территорий в Азии, а не на североамериканском континенте. Другое дело, сможет ли он получить свободу действий в Азии, пока

вширь, и которое нуждается поэтому в новых территориях.

США сохраняют свою мощь. По-видимому, США во всех случаях попытаются помешать Китаю расширить значительно свое влияние к югу, что может привести к изнурительным локальным войнам, вроде вьетнамской. Но едва ли Китай будет заинтересован в ведении таких ничего не решающих войн — ничего не решающих, поскольку сами США останутся невредимыми. Втягиваться в подобные войны покажется Китаю тем более опасным, пока на севере над ним нависает коварный враг, готовый использовать каждый его промах. Хотя вероятность «пробного» удара на юг не исключена, еще одно обстоятельство может удержать Китай от экспансии на юго-восток: перенаселенность этих районов и необходимость прокормить или уничтожить их многомиллионное население.

Другое дело на севере. Там лежат громадные малозаселенные пространства Сибири и Дальнего Востока, некогда уже входившие в сферу влияния Китая. Эти территории принадлежат государству, которое является основным соперником Китая в Азии, и во всех случаях Китай должен как-то покончить с ним или нейтрализовать его, для того чтобы самому играть доминирующую роль в Азии и во всем мире. При том, в отличие от США, это гораздо более опасный соперник, который как тоталитарное и склонное к экспансии государство сможет в той или иной форме нанести удар первым *).

*) Методы своего «союзника-врага» Китай уже мог оценить во время так называемой «дружбы навек», когда СССР, используя экономическую и военную зависимость Китая, делал все, чтобы полностью подчинить

Сначала Китай хотел добиться своей цели «мирным поглощением» СССР, предложив после победы революции в 1949 году объединить обе страны в единое коммунистическое государство. Естественно, что трех- или четырехкратное численное превосходство китайцев если не сразу, то постепенно обеспечило бы им главенствующее положение в подобном государстве, а главное — сразу бы открыло им для колонизации Сибирь, Дальний Восток и Среднюю Азию. Сталин не пошел на это, и китайцы на несколько десятилетий отложили свои планы, которые, очевидно, им придется осуществлять уже военным путем. При этом, в отличие от рассмотренного выше случая с США, Китай не только может воевать с СССР, но и будет иметь в подобной войне некоторые преимущества.

Поскольку СССР сейчас в военном отношении гораздо более мощная держава, чем Китай, ре-

его своему влиянию и, не добившись этого, прекратил экономическую помощь, а затем пытался сыграть на национализме малых наций в Китае.

По-видимому, уже Сталин, как ранее Троцкий, понимал, что с победой коммунистов в Китае СССР приобретет в конечном счете не союзника, а опасного соперника, и старался, с одной стороны, способствовать затягиванию борьбы коммунистов с гаминданом, ослабляющей Китай, с другой, — способствовать расколам внутри самой компартии Китая, в частности, противиться влиянию Мао Цзе-дуна. Правда, на какой-то период КНР и СССР могли производить впечатление союзников, козыряя тем более одной и той же идеологией, однако полная противоположность внутренних процессов в каждой стране — «пролетаризация» и подъем по жуткой «революционной кривой» в Китае и «депролетаризация» и осторожный спуск по этой кривой в СССР — быстро положили конец мнимому единству.

жим, следуя политике навязывания своей воли и одновременно страху перед Китаем, будет время от времени шантажировать Китай*), что только побудит китайцев начать войну первыми и тем способом, который будет благоприятнее для них. Однако Китай не сможет начать войну, не накопив предварительно значительные — пусть и меньшие, чем у СССР, — запасы ракетно-ядерного и обычного оружия. От того, как скоро Китай сумеет этого добиться, и будут, видимо, зависеть сроки начала войны**).

Располагая значительным ракетно-ядерным потенциалом, Китай, как я думаю, начнет тем не менее войну обычными или даже партизанскими методами, стремясь использовать свое колоссальное численное превосходство и опыт партизанской войны, — и поставит СССР перед альтернативой: принять навязанный Китаем метод ведения войны или нанести ядерный удар и тем самым получить ядерный удар в ответ. Вероятно, СССР выберет первый путь, так как развязать ядерную войну, даже при наличии противоракетной обороны, крайне опасно, если не самоубийственно. В то же время превосходство СССР и в обычном вооружении может создать у советского руководства впечатление, что с китайской армией можно будет покончить или во всяком случае отбросить ее обычным путем. Кроме того,

*) Как это делал царский режим по отношению к Японии в начале века.

***) Тем, кто не верит, что Китай из-за экономической отсталости сможет достичь быстрых успехов в ракетно-ядерной области, следует сравнить предсказания экспертов США и ООН о сроках создания в СССР атомной и водородной бомб с действительными сроками.

может оказаться так, что сам момент начала войны как бы растворится : по мере развития своей ядерной мощи, Китай постепенно на разных концах семитысячекилометровой границы с СССР будет проводить ограниченные стычки, просачивание небольших отрядов и иного рода локальные столкновения, которые в нужный Китаю момент перерастут в общую войну. Так что окажется очень трудно установить, в какой же момент наносить ядерный удар по Китаю.

Однако логично рассмотреть и другой вариант : считая Китай потенциальным ядерным соперником и агрессором, советское руководство решит нанести превентивный ядерный удар по китайским ядерным центрам, прежде чем Китай успеет в достаточной степени накопить ядерное оружие для мощного ответного удара *). Нанести такой удар советское руководство сможет, само развязывая отдельные стычки на границе и представляя Китай агрессором в глазах собственной страны и мирового общественного мнения. Кажется невероятным, чтобы бюрократический режим решился на такой отчаянный шаг, не принимая во внимание позицию остальных ядерных держав, но даже если это произойдет, это послужит не к предотвращению войны, а сигналом к ее началу. Ведь будут уничтожены основные ракетные базы Китая, а не сам Китай, который немедленно начнет в ответ изнурительную партизанскую вой-

*) Если верить воспоминаниям Холдемана, помощника бывшего президента США Никсона, как раз в то время, когда я писал эти строки, СССР предлагал США нанести совместно такой превентивный ядерный удар по Китаю (Примечание 1978 года).

ну, одинаково страшную для СССР, будет ли она происходить на советской или на китайской территории *). Решится ли в таком случае режим на тотальное уничтожение ядерным ооружием всех китайских сел и городов и всего восьмисот-миллионного китайского народа? Эту апокалиптическую картину трудно вообразить, но вполне можно допустить, зная, что именно страх толкает на самые отчаянные шаги. Надо надеяться, что остальные ядерные державы не допустят этого, прежде всего потому, что такие действия представляли бы страшную угрозу и для всего остального мира.

Возможно, что Китай допускает возможность такого превентивного удара, и в таком случае в течение ближайших лет он будет проводить более осторожную политику и даже заигрывать с СССР, чего он не делал ранее из соображений внутренней политики. Тогда последуют дипломатические и, возможно, даже партийные контакты (ничего, впрочем, не значащие), двусмысленные заявления, дающие надежду на примирение, а также будет слегка приглушен тон критических заявлений о «советском ревизионизме, социал-империализме». Но в то же время антисоветская кампания внутри Китая не будет прекращаться, чтобы держать китайский народ в постоянной го-

*) О последствиях такой войны я говорю далее. Строго говоря, должен быть рассмотрен и еще один вариант: попытка покончить с китайской мощью путем вторжения с применением обычного и тактического атомного оружия и оккупации всего Китая или его части. Однако, учитывая значительное численное превосходство китайцев и полный контроль китайского правительства над страной, такое вторжение кажется мне маловероятным.

товности к великим событиям. В то же время Китай сможет искать более тесные контакты с США — и тогда многое будет зависеть от их отношений.

Однако я думаю, что превентивный удар нанесен не будет по крайней мере по двум причинам: во-первых, в силу крайней опасности такого удара, пока не исчерпаны остальные средства; во-вторых, потому что возможная агрессия Китая не столь самоочевидна, чтобы идти на такие рискованные шаги. А значит, Китай получит достаточный ракетно-ядерный потенциал, чтобы шантажировать СССР ответным ударом, вздумай он в целях самообороны использовать свое ядерное преимущество. Так Советскому Союзу будет навязана партизанская война на колоссальной территории, лежащей по обе стороны семитысячекилометровой границы *).

Хотя, надо полагать, давно разработаны планы на случай войны с Китаем, Советский Союз, как я думаю, не готов к партизанской или полупартизанской войне ни с технической, ни с психологической точек зрения. Два прошедших десятилетия война в нашей стране мыслилась как столкновение двух технически оснащенных армий, чуть ли не как «кнопочная война», как война на Западе и со странами западной культуры и, наконец, как война с меньшими по численности сухопутными армиями. Безусловно, все это наложило такой от-

*) Не исключена возможность, что до нападения на Советский Союз Китай опробует свою мощь на какой-либо небольшой нейтральной стране, которая некогда входила в сферу влияния Китая и в которой есть китайское меньшинство.

печаток на военное мышление, преодолеть который будет очень трудно. Да и народное сознание больше подготовлено к войне с «американцами», с «империалистами», к нападениям с воздуха и сухопутной войне в Европе.

Разумеется, очень трудно предсказать, как будут развиваться военные действия, удастся ли советским войскам энергичным броском вторгнуться на китайскую территорию и оккупировать значительную часть Китая или же китайцы, наоборот, медленно, но верно будут просачиваться на советскую территорию. Однако уже сейчас можно предвидеть, что Советскому Союзу придется столкнуться в этой войне с трудностями, с которыми раньше обычно сталкивались как раз его противники.

Во-первых, уже сам метод партизанской войны, начиная с XVII века, всегда был методом русских, применявшимся против вторгавшихся на их территорию компактных армий, и почти никогда не применялся против русских армий, вторгавшихся в культурную Европу. Во-вторых, с самого начала советским армиям придется столкнуться с громадной растянутостью коммуникаций, поскольку война будет вестись на его границах, на тысячи километров отстоящих от основных экономических и демографических центров *). В-третьих, рус-

*) Насколько серьезна проблема растянутых коммуникаций, видно из такого примера: во время наступления на Северном Кавказе в 1942 году немцы были вынуждены подвозить горючее для своих танков на верблюдах. Сейчас Европейскую Россию с Дальним Востоком связывает только одна транспортная магистраль, на многих участках до сих пор одноколейная. Создание же воздушного моста окажется крайне дорогим и крайне ненадежным на длительный срок средством.

ский солдат, зачастую уступая своим противникам в отношении культуры, обычно превосходил их в отношении неприхотливости, стойкости и выносливости, теперь же эти преимущества, столь важные в партизанской войне, будут на стороне китайцев *). И, наконец, поскольку речь идет о Дальнем Востоке, Сибири и Казахстане или пограничных с ними районах Китая, война будет вестись на малозаселенных или заселенных не русскими территориях, что создаст широкие возможности партизанского проникновения и, наоборот, трудности со снабжением для больших технически оснащенных армий.

Все это во всяком случае говорит о том, что война будет затяжной и изнурительной, без скорого успеха для той или иной стороны. С такой точки зрения интересно рассмотреть три вопроса: отношение США к советско-китайской войне, развитие событий в Европе и положение в Советском Союзе.

Со времени второй мировой войны США, как кажется, проявляют заинтересованность в соглашении и затем партнерстве с СССР. Первая попытка в этом направлении, сделанная Рузвель-

*) В советской печати уже делаются попытки осмеять китайских солдат как фанатичных, но хилых и трусливых. Однако вот мнение советского военного специалиста, несколько лет проработавшего в Китае: «Китайский солдат выше нашего солдата, он вынослив, не склонен к тому, чтобы роптать, он храбр, у него огромная маневренная способность. Китайскому солдату прошагать в день пешком 70 километров — нетрудная штука... Наши пехотницы, которые пришли в полное обалдение от китайской пехоты, пришли к заключению, что это лучшая в мире пехота...» (В.М. Примаков. «Записки волонтера». М., 1967, стр. 212.

том, привела к разделу Германии и всей Европы и десятилетней «холодной войне». Однако это не остановило американцев, и они как в эпоху Хрущева, так и сейчас продолжают рассчитывать на то, что в недалеком будущем возможно какое-то соглашение между СССР и США и совместное решение международных проблем. Такой подход, видимо, обусловлен не какими-то особыми симпатиями США к советской системе*), а тем, что в современном мире СССР является единственной реальной силой, по своему значению приближающейся к силе США. Это подлинное равноправие и вызывает, вероятно, жажду соглашения и сотрудничества. Но с этой точки зрения очевидно, что по мере усиления мощи и влияния Китая в США будет увеличиваться также тяга к соглашению с Китаем и в режиме Мао или его преемников американские либералы начнут находить столь же симпатичные черты, что и в режиме Сталина или Хрущева.

Следуя политике поощрять коммунизм там, где народы не хотят коммунизма, и противоборствовать там, где народы его хотят, США не только содействовали расколу Европы, но и испортили свои отношения с Китаем. Можно сказать, что их национальные интересы не вынуждали их к этому, по отношению к Китаю они руководствовались политикой «сдерживания коммунизма», который понимался как нечто интегрированное. Этим самым они способствовали сближению двух

*) Впрочем, они с жадным нетерпением ловят каждый ничтожный факт, свидетельствующий о ее «либерализации».

коммунистических гигантов — СССР и Китая, — и понадобилось по крайней мере 10 лет, прежде чем обнаружались крупные расхождения между ними. Сами же США связали себе руки поддержкой режима Чан Кай-ши, оказавшегося нежизнеспособным *).

В то же время, если бы США поддерживали во время гражданской войны Мао Цзе-дуна, они предотвратили бы сближение Китая и СССР, избежали бы корейской войны, а также в значительной степени способствовали бы смягчению коммунистического режима в Китае. Правда, как можно думать, США начинают понемногу отказываться от своей прежней политики по отношению к Китаю, и предугадать сейчас их отношение к возможному советско-китайскому военному конфликту было бы очень трудно. Многое будет зависеть еще и от той позиции, которую сам Китай займет по отношению к США в преддверии войны с СССР, а также от разрешения тайваньской проблемы.

Рассматривая же вопросы сближения США с СССР или КНР в более широком историческом плане, следует заметить, что всякое сотрудничество, очевидно, должно базироваться не только на равенстве сил и негативном стремлении сохранить собственную исключительность, но и на общности каких-то позитивных интересов и целей. Поэтому

*) Нежизнеспособным, поскольку он не удержался в континентальном Китае и не смог бы существовать и на Тайване без поддержки США. Однако возможно, что в экономическом отношении Тайвань, благодаря опять же США, является гораздо более развитым, чем континентальный Китай.

я думаю, что сближение с СССР только тогда будет иметь смысл для США, когда в СССР произойдут серьезные демократические сдвиги. До тех пор всякое соглашение будет продиктовано для СССР или страхом перед Китаем, или попыткой сохранить собственный режим благодаря американской экономической помощи *), или желанием воспользоваться американской дружбой для навязывания или сохранения своего влияния в других странах, а также желанием обоим государствам путем взаимной поддержки удержать свою ведущую роль в мире **).

При отдельных выгодах, в целом такая «дружба», основанная на лицемерии и страхе, ничего не принесет США, кроме новых затруднений, как это уже было в результате сотрудничества Рузвельта со Сталиным. Сотрудничество предполагает взаимную опору, но как можно опереться на страну, которая в течение веков пучится и расползается, как кислое тесто, и не видит перед собой других задач?! Подлинное сближение может быть основано на общности интересов, культуры, традиций, на понимании друг друга. Ничего этого нет. Что общего между демократической страной, с ее идеализмом и прагматизмом, и страной без веры, без традиций, без культуры и умения делать дело? Массовой идеологией этой страны всегда был культ собственной силы и обширности, а основной темой ее культурного меньшинства бы-

*) Подобно тому, как займы республиканской Франции продлили на несколько лет существование царского режима.

***) Как это уже видно на примере сотрудничества в области нераспространения ядерного оружия.

ло описание своей слабости и отчужденности, яркий пример чему — русская литература. Ее славянское государство поочередно создавалось скандинавами, византийцами, татарами, немцами и евреями — и поочередно уничтожало своих создателей. Всем своим союзникам оно изменяло, как только усматривало малейшую выгоду в этом, никогда не принимая всерьез никаких соглашений и никогда не имея ни с кем ничего общего.

Сейчас в России можно слышать такие примерно разговоры: США нам помогут, потому что мы белые, а китайцы желтые. Будет очень печально, если и США станут на такую расистскую точку зрения. Единственная реальная надежда на лучшее будущее для всего мира — это не расовая война, а межрасовое сотрудничество, лучшим примером чему могли бы стать отношения между США и Китаем. Китай, безусловно, с течением времени значительно повысит жизненный уровень своего народа и вступит в период либерализации, что в сочетании с традиционной верой в духовные ценности сделает Китай замечательным партнером демократической Америки. Конечно, тут очень многое зависит от самих США, от того, будут ли они следовать своей закостенелой политике по отношению к Китаю или же исправлять прежние ошибки и искать новые пути.

Если США осознают все это, они не будут помогать СССР в войне против Китая, понимая, тем более, что Китай не в состоянии полностью уничтожить СССР. В таком случае Советский Союз останется с Китаем один на один — а что же будут делать наши европейские союзники?

После второй мировой войны у СССР была воз-

возможность создать на своей западной границе цепь нейтралистских государств, включая Германию, и тем самым обеспечить свою безопасность в Европе. Такие государства, со своего рода «промежуточными» режимами, как в Чехословакии до 1948 года, явились бы своего рода прокладкой между Западом и СССР и обеспечили бы стабильное положение в Европе*). Однако СССР, следуя сталинской политике территориальной экспансии и усиления напряжения, максимально расширил сферу своего влияния и тем самым создал для себя потенциальную угрозу. Поскольку существующее сейчас положение в Европе поддерживается только постоянным давлением Советского Союза**), то можно полагать, что как только это давление ослабеет или вообще сойдет на нет, в Центральной и Восточной Европе произойдут значительные изменения.

По-видимому, как только станет ясно, что военный конфликт СССР с Китаем принимает затяжной характер, что все силы СССР перемещаются на восток и он не может отстаивать свои интересы в Европе, произойдет воссоединение Германии***). Трудно сказать, произойдет ли оно путем поглощения Западной Германией Восточной или же

*) Их коренное отличие от так называемых «буферных» государств, существовавших между двумя мировыми войнами, заключалось бы в том, что они служили бы не «санитарным кордоном» Запада от СССР, а связующим мостом.

**) Это давление иногда преднамеренно обостряется, чему пример берлинские кризисы, а иногда принимает просто истерический характер.

***) Вполне возможно, что ФРГ, чтобы ускорить это, будет оказывать в той или иной форме поддержку Китаю.

сами послеульбрихтовские руководители ГДР, поняв реальное положение вещей, пойдут на добровольное воссоединение с ФРГ, чтобы сохранить себе часть привилегий. Во всех случаях воссоединенная Германия с достаточно сильной антисоветской ориентацией создаст совершенно новую ситуацию в Европе.

По-видимому, воссоединение Германии совпадет с процессом «десоветизации» восточноевропейских стран и значительно ускорит этот процесс*). Трудно сказать, как он пойдет и какие формы примет — «венгерские», «румынские» или «чехословацкие», — однако приведет, очевидно, к национал-коммунистическим режимам, для каждой страны представляющим своего рода подобие докоммунистического режима**). Причем, по крайней мере несколько стран, как Венгрия или Румыния, сразу же примут отчетливую прогерманскую ориентацию. Помешать этому СССР мог бы, очевидно, только путем военной оккупации всех восточноевропейских стран, чтобы создать своего рода «тыл» дальневосточного фронта, но по существу такой «тыл» свелся бы ко «второму фронту» — т. е. фронту с Германией, которой помогали бы народы восточноевропейских стран, на что СССР уже не сможет пойти. Скорее наобо-

*) Как это ни парадоксально, уже сейчас СССР скорее может полагаться на «американских империалистов», чем на таких «союзников», как Чаушеску или д-р Гусак. Положение в Восточной Европе несколько напоминает сейчас положение после революций 1848 года, когда ожидаемой демократизации не произошло, но и старый режим был расшатан.

***) В Чехословакии — либеральная демократия, в Польше — военно-националистический режим и т. д.

рот, « десоветизированные » восточноевропейские страны помчатся как конь без узды и, видя бессилие СССР в Европе, предъявят забытые, хотя и долго замалчиваемые территориальные претензии: Польша — на Львов и Вильнюс, Германия — на Калининград, Венгрия — на Закарпатье, Румыния — на Бессарабию. Не исключена возможность, что также Финляндия предъявит претензии на Выборг и Печенгу. Очень вероятно, что по мере все большего увязания СССР в войне, также Япония предъявит территориальные претензии сначала на Курилы, затем на Сахалин, а потом, если успехи будут одерживать Китай, то и на часть советского Дальнего Востока *). Короче говоря, СССР придется полностью расплачиваться за территориальные захваты Сталина и ту изоляцию, в которую поставили страну неосталинисты. Однако самые важные для будущего СССР события произойдут внутри страны.

Естественно, что начало войны с Китаем, который будет представлен как агрессор, вызовет вспышку русского национализма — « мы им покажем ! » — и одновременно даст некоторые надежды национализму нерусскому. В дальнейшем обе эти тенденции будут идти одна по затухающей, а другая по возрастающей кривой. Действительно, война будет идти далеко, не воздействуя тем самым непосредственно на эмоциональное восприя-

*) По-видимому, руководители режима понимают угрозу со стороны Германии и Японии в связи с конфликтом с Китаем и будут даже делать лихорадочные шаги в сторону сближения с ними, но так, в силу своей бюрократической природы, и не решатся пойти на какие-либо кардинальные меры.

тие народа и на налаженный стиль жизни, как это было во время последней войны с Германией, но в то же время требуя все новых и новых жертв. Постепенно это будет порождать все большую моральную усталость от войны, ведущейся далеко и неизвестно зачем. Между тем начнутся экономические, в частности, продовольственные трудности, тем более ощутимые, что за последние годы уровень жизни медленно, но неуклонно повышался. Поскольку режим не настолько мягок, чтобы сделать возможными какие-то легальные формы проявления недовольства и тем самым их разрядку, и в то же время не настолько жесток, чтобы исключить саму возможность протеста, начнутся спорадические вспышки народного недовольства, локальные бунты, например, из-за нехватки хлеба. Их будут подавлять с помощью войск, что ускорит разложение армии *). По мере роста затруднений режим средний класс будет занимать все более враждебную позицию, считая, что режим не в состоянии справиться со своими задачами. Измена союзников и территориальные претензии на западе и востоке будут усиливать ощущение одиночества и безнадежности. Экстремистские организации, которые появятся к тому времени, начнут играть все большую роль. Вместе с тем крайне усилятся националистические тенденции у нерусских народов Советского Союза, прежде всего в Прибалтике, на

*) Разумеется, будут использовать так называемые внутренние войска, притом по возможности другой национальности, чем население мест, где произойдут беспорядки, что только приведет к усилению национальной розни.

Кавказе и на Украине, затем в Средней Азии и в Поволжье *). Между тем бюрократический режим, который привычными ему полумерами не в состоянии будет одновременно вести войну, разрешать экономические трудности и подавлять или удовлетворять народное недовольство, все больше будет замыкаться в себе, терять контроль над страной и даже связь с действительностью. Достаточно будет сильного поражения на фронте или какой-либо крупной вспышки недовольства в столице — забастовки или вооруженного столкновения, — чтобы режим пал. Конечно, если до того времени власть полностью перейдет в руки военных, модифицированный таким образом режим продержится несколько дольше, но, не решая опять же самых насущных и во время войны уже почти не разрешимых вопросов, падет еще более страшно. Если Китаю удастся создать достаточно мощные ядерные силы в течение десяти лет, то падение режима возможно где-то между 1980 и 1985 годами.

По-видимому, демократическое движение, которому режим постоянными репрессиями не даст окрепнуть, будет не в состоянии взять контроль в свои руки, во всяком случае на столь долгий срок, чтобы решить стоящие перед страной проблемы. В таком случае неизбежная «дезимпери-

*) В ряде случаев носителями таких тенденций могут стать национальные партийные кадры, которые будут рассуждать так: пусть русский Иван сам справляется со своими трудностями. Они будут стремиться к национальной обособленности еще и потому, чтобы, избежав надвигающийся всеобщий хаос, сохранить свое привилегированное положение.

зация» пойдет крайне болезненным путем. Власть перейдет к экстремистским группам и элементам, и страна начнет расплзаться на части в обстановке анархии, насилия и крайней национальной вражды. В этом случае границы между молодыми национальными государствами, которые начнут возникать на территории бывшего Советского Союза, будут определяться крайне тяжело, с возможными военными столкновениями, чем воспользуются соседи СССР, и, конечно, в первую очередь Китай.

Но возможно, что «средний класс» окажется все-таки достаточно силен, чтобы удержать контроль в своих руках. В таком случае предоставление независимости отдельным советским народам произойдет мирным путем и будет создано нечто вроде федерации, наподобие Британского содружества наций или Европейского экономического сообщества. С Китаем, также обессиленным войной, будет заключен мир, а споры с европейскими соседями улажены на взаимоприемлемой основе. Возможно даже, что Украина, Прибалтийские республики и Европейская Россия войдут как самостоятельные единицы во Всеевропейскую федерацию.

Возможен также и третий вариант, а именно — что ничего вышеизложенного не будет.

Но что же будет? Я не сомневаюсь, что эта великая восточнославянская империя, созданная германцами, византийцами и монголами, вступила в последние десятилетия своего существования. Как принятие христианства отсрочило гибель Римской империи, но не спасло ее от неизбежного конца, так и марксистская доктрина задержала

распад Российской империи — третьего Рима — но не в силах отворотить его *). Но хотя эта империя всегда стремилась к максимальной самоизоляции, едва ли правильно рассматривать ее гибель вне связи с остальным миром.

Стало общим местом считать основным направлением современного развития научный прогресс, а основную угрозу цивилизации усматривать в тотальной ядерной войне. Между тем и научный прогресс, с каждым годом съедая все большую часть валового мирового продукта, может превратиться в регресс, и цивилизация — погибнуть без столь ослепительной вспышки, как взрыв сверхядерной бомбы.

Хотя научный и технический прогресс меняет мир буквально на глазах, он опирается, в сущности, на очень узкую социальную базу, и чем значительнее будут научные успехи, тем резче контраст между теми, кто их достигает и использует, и остальным миром. Советские ракеты достигли Венеры — а картошку в деревне, где я живу, убирают руками. Это не должно казаться комичным сопоставлением, это разрыв, который может разверзнуться в пропасть. Дело не столько в том, как убирать картошку, но в том, что уровень мышления большинства людей не поднимается выше этого «ручного» уровня. Действительно, хотя в экономически развитых странах наука

*) Продолжая эту аналогию, можно допустить, что, например, в Средней Азии еще долго будет существовать государство, считающее себя преемником СССР и соединяющее традиционную коммунистическую идеологию, фразеологию и обрядность с чертами восточной деспотии — своего рода Византийская империя современности.

требует не только все больше средств, но и все больше людей, основные принципы современной науки понятны, в сущности, ничтожному меньшинству. Пока что это меньшинство вкупе с правящей элитой пользуется привилегированным положением, но как долго это будет продолжаться?

Мао Цзе-дун говорит об окружении «города» — экономически развитых стран — «деревней» — слаборазвитыми странами. Действительно, экономически развитые страны составляют небольшую по численности населения часть мира. Далее, и в этих странах «город» окружен «деревней» — деревней в настоящем смысле этого слова или же вчерашними деревенскими жителями, лишь недавно переехавшими в города. Но и в городах люди, направляющие современную цивилизацию и нуждающиеся в ней, составляют ничтожное меньшинство. И, наконец, в нашем внутреннем мире «город» также окружен «деревней» подсознательного — и при первом же потрясении привычных ценностей мы сразу это почувствуем. Не является ли именно этот разрыв величайшей потенциальной угрозой для нашей цивилизации?

Угроза «городу» со стороны «деревни» тем более сильна, что в «городе» наблюдается тенденция ко все большей личной обособленности, в то время как «деревня» стремится к организации и единству. Мао Цзе-дуна это радует, но жителей мирового «города», как мне кажется, должно беспокоить их будущее.

Пока же, как нам говорят, западная футурология обеспокоена именно ростом городов и теми трудностями, которые возникают в связи с бур-

ным научно-техническим прогрессом. По-видимому, если бы футурология существовала в императорском Риме, где, как известно, строились уже шестиэтажные здания и существовали детские вертушки, приводимые в движение паром, футурологи V века предсказали бы на ближайшее столетие строительство двадцатиэтажных зданий и промышленное применение паровых машин. Однако, как мы уже знаем, в VI веке на форуме паслись козы, как сейчас у меня под окном в деревне.

*Апрель-май-июнь 1969,
город Москва — деревня Акулово*

Впервые полностью опубликовано в «Internationale Spectator» 22.10.1969, 'S-Gravenhage-Brussel (по-голландски), в декабре того же года книга вышла первым изданием по-русски (Фонд имени Герцена, Амстердам), затем была опубликована — в сокращении — во многих журналах и газетах, а также вышла отдельными изданиями на английском языке (в Англии, США и Канаде), немецком, французском, голландском, итальянском, шведском, датском, норвежском, португальском, испанском, греческом, арабском, иврите, японском, грузинском, польском, украинском, венгерском, чешском, финском и китайском языках.

ИДЕОЛОГИИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Определим идеологию как социально значимую систему идей, поддерживаемую той или иной общественной группой и служащую закреплению или изменению общественных отношений. Такое определение отвечает уровню точности, на котором написана статья.

Хотя можно говорить о дезидеологизации части общества и даже о дезидеологизированных обществах, все же трудно представить себе не только социальную группу, но даже отдельного человека, полностью лишенного хотя бы каких-то начатков идеологии, каких-то навыков «политизации» окружающего его мира и нахождения в нем своего места.

В эпоху политических кризисов появляется даже страшный тип «идеологического человека» — человека, как правило, весьма деятельного, но лишенного способности критического осмысления своих убеждений, которую дает культура, и способности к нравственным оценкам, которую дает вера в непреходящие ценности. Когда такой человек становится адептом какой-либо идеологии, заменяющей ему культуру и религию, то идеоло-

гия превращает его в конце концов в безжалостный автомат, а он ее в жесткий набор догм. Лучший пример такого «идеологического человека» дали многие большевики.

Большевистская революция с последовавшей «пролетаризацией» общества «внизу» и «бюрократизацией» «вверху» постепенно породила своеобразное общество с «дезидеологизированной» массой и принудительной идеологией — принятие которой было пропуском в «верхи» *). В сороковые-пятидесятые годы какое-то живое идеологическое движение возникало только на стыке дезидеологизированных масс и обрядовой идеологии верхов — в виде подпольных марксистских групп, стремящихся вернуть марксизму в России революционный, а не охранительный характер. Еще двадцать лет назад могло показаться, что в СССР невозможно появление других идеологий.

Однако это оказалось совершенно не так. За

*) Принудительность единой идеологии не только сделала массы безразличными к ней, но и вызвала своеобразный эффект в «верхах». Типичный партаппаратчик, ведущий вполне реальную борьбу с другими аппаратчиками за продвижение и власть, но в рамках «единой идеологии», лишается понимания идеологии как политической доктрины, выражающей интересы каких-либо борющихся социальных групп. Для него идеология — некий расплывчатый задник, в то время как на сцене идет борьба между конкретными личностями. В конце концов это порождает у него демонологическое видение мира: во всем происходящем — будь то в собственной стране или в чужой — он видит не действие социальных сил, как это, кстати, следовало бы в свете исповедуемой им марксистской философии, а интриги разного рода коварных личностей. На эту «демонологию аппаратчиков» мне указал Э.И. Неизвестный.

последнее десятилетие в советском обществе — сначала в довольно аморфной, а затем во все более определенной форме — начало складываться несколько идеологий, либо с марксизмом вовсе не связанных, либо довольно широко раздвигающих его рамки. Очевидно, что возникновение этих идеологий — следствие развития и усложнения советского общества, в частности, ослабления его идеологической нетерпимости и все растущей неспособности его официальной идеологии реагировать на изменения в «стране и мире». Конкретные формы новых для нашего общества идеологий начали складываться, насколько можно судить, как под влиянием русских добольшевистских традиций, так и под западным влиянием.

Поскольку официально разрешенной остается единственной идеология и единственная представляющая ее партия, остальные идеологии нашли себе весьма мало число открытых сторонников и тем более не дошли до своего логического завершения в виде создания политических партий.

Но тем более интересно начать их изучение уже в этой — утробной, — если можно так сказать, стадии. В полном смысле слова идеологическая борьба, борьба идей, борьба в умах и за умы всегда предшествует — иногда весьма значительно — собственно политической борьбе. Поэтому внимательное изучение зарождающихся идеологий если и не даст возможности точно предвидеть грядущую раскладку политических сил, то, по крайней мере, позволит определить некоторые альтернативы.

Эту внутреннюю неявную картину сильно ис-

кажает обязательное внешнее однообразие. В действительности идеологии, насчитывающие, как я сказал, мало открытых сторонников, могут иметь в обществе много сторонников тайных или, так сказать, эвентуальных, тогда как среди кажущихся приверженцев господствующей идеологии могут оказаться не только безразличные, но даже враждебные ей люди.

На первый взгляд бесспорное, положение официальной идеологии скорее проблематично. А.Д. Сахаров и А.И. Солженицын разошлись в оценке ее роли. Солженицын считает, что она все еще имеет решающее значение для определения государственной политики; Сахаров — что она служит только камуфляжем для прагматизма дезидеологизированных верхов. Мне же кажется, что она играет некую промежуточную роль — не будучи к тому же сама по существу единой идеологией. Хотя верны замечания о ее камуфляжном характере и сам я выше назвал ее «обрядовой», все же ее инерционная сила очень велика и нельзя сказать, что нет «наверху» людей, для которых она остается идеологией в подлинном смысле слова.

Первую попытку рассмотреть идеологии советского общества я сделал в 1969 году и неожиданно для себя составил занятную схему идеологий, переходящих одна в другую и образующих замкнутый цикл — своего рода «колесо идеологий». Эту схему, к сожалению, я набросал только вчерне и недостаточно ясно объяснил, из-за чего она была не всеми правильно понята. Теперь я вновь вернулся к ней, пересмотрел и развил и хотел бы представить как на суд тех, кто фор-

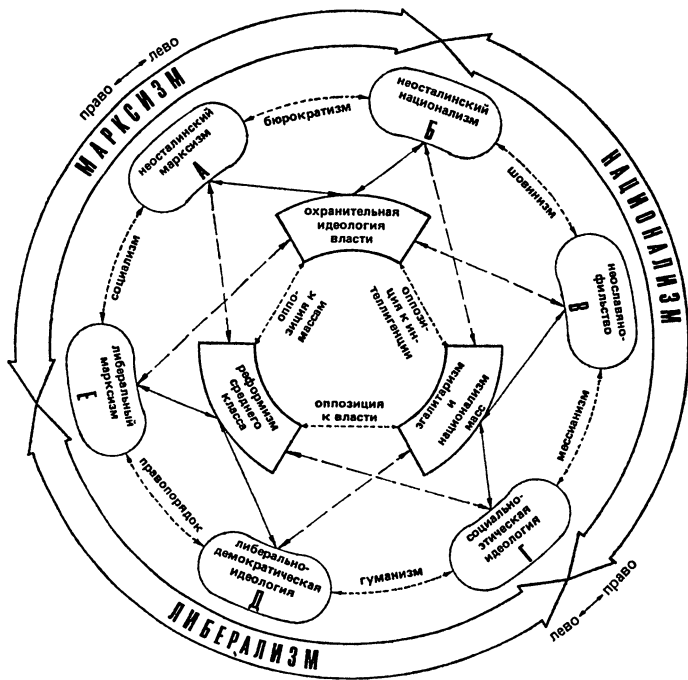
мирует эти идеологии, так и тех, кто их изучает*).

Настоящая статья — только комментарий к этой схеме (см. с. 83). Схема построена так: возьмем три «идеологических уровня» — 1) суперидеологии, или социальные философии, 2) собственно идеологии, или политические доктрины, 3) субидеологии, или идеологии-чувства — и графически представим их в виде вложенных друг в друга обручей.

Социальную философию (суперидеологию), в рамках которой личность склонна отождествлять себя прежде всего с самой собой, признавая равным образом права других таких же автономных личностей, мы назовем либерализмом. Можно полагать, что к этой философии будут тяготеть наиболее независимые и уверенные в себе люди, а социально — лица свободных профессий и лица, заинтересованные в свободе частной инициативы.

Социальную философию (суперидеологию), в рамках которой личность склонна прежде всего отождествлять себя с классом, к которому она принадлежит, а другие классы рассматривать как

*) Чьего суда я хотел бы, наоборот, избежать, так это тех, кто видит в уголовном суде лучший способ оценить любую не нравящуюся им идею. В 1970 году такой суд уже рассматривал и оценил тремя годами моего заключения книгу «Просуществует ли СССР до 1984 года?», где я пишу, в частности, о советских идеологиях (стр. 22-24, схема на стр. 49). Рассматривая взаимосвязь идеологий и их перспективы, будем все время иметь в виду ту общую мысль, что рост или падение влияния идеологий связаны с расширением или сужением влияния тех социальных групп, на которые та или иная идеология опирается. Допустим, однако, и то, что в кризисных ситуациях социальная группа может отказаться — хотя бы частично — от старой идеологии.

	Суперидеологии		Связующие идеи
	Идеологии		Прямое взаимовлияние
	Субидеологии		Косвенное взаимовлияние

подлежащие уничтожению, подчинению или ассимиляции, мы назовем марксизмом. Можно полагать, что к этой философии будут тяготеть представители прежде всего « угнетенных » классов, малоимущие, завистливые или озлобленные лица, те, кому « нечего терять », а также интеллектуалы, стремящиеся к разрушению изнутри традиционной культуры. В случае насильственного захвата власти представителями этой идеологии она естественно становится идеологией аппаратчиков, не уверенных в своей власти и в собственной значимости вне власти и потому озлобленных и агрессивных.

Наконец, социальную философию (суперидеологию), в рамках которой личность склонна прежде всего отождествлять себя со своей нацией, рассматривая другие нации как нейтральные или враждебные чужеродные образования, мы назовем национализмом. Это, с одной стороны, философия традиционных обществ, тесно связанных с землей, и потому привлекающая людей с романтическим мышлением. С другой стороны, как можно полагать, к ней будут тяготеть прежде всего представители « угнетенных » наций, наций, страдающих от сознания своей неполноценности в сравнении с другими, исторически более удачливыми.

Эти суперидеологии не отделены одна от другой непроходимыми преградами, но в какой-то степени даже переходят одна в другую. На схеме они образуют внешнюю окружность.

Среднюю окружность образуют собственно идеологии — не носящие уже столь универсального характера и имеющие специфически советскую окраску. Хотя одна отличается подчас до-

вольно резко от другой, можно найти связующие идеи между «соседними» идеологиями; основные связующие идеи показаны на схеме. Названия идеологиям дал я, их представители могут с такими названиями не согласиться. Как я уже сказал, эти идеологии никак организационно не оформлены*) и подчас весьма расплывчаты, в каждой из них — иногда с постепенными переходами — можно наметить «правое» и «левое» крыло, через которые она и связывается с «соседними» идеологиями.

Начнем рассмотрение идеологий с «неосталинского марксизма». Это — марксизм, протянутый сквозь игольное ушко ленинской теории захвата власти и сталинской практики ее удержания, а затем просеянный сквозь прагматическое сито наследниками Сталина. Социальная группа, поддерживающая эту идеологию, — партгосаппаратчики, в первую очередь центра. Ее наиболее репрезентативной фигурой кажется М. Суслов.

Следующая идеология, если идти по часовой стрелке, — «неосталинский национализм». Это своеобразный национал-большевизм — «под знаменем марксизма», с одной стороны, и «пусть осеняет вас знамя Суворова», с другой, — тянущийся в сторону все большего русского национализма с осовремененными старомосковскими идеями сильной «отеческой» власти. Его социальная опора — также партгосаппаратчики, быть может, в большей степени провинциальные. С «неосталин-

*) Единственная легально существующая партия, КПСС, руководствуется, по крайней мере, двумя идеологиями.

ским марксизмом» как с другой разновидностью официальной идеологии его связывает общая идея консервативного бюрократизма. Бюрократизм принято считать не идеей, а формой практики, но тут именно бюрократизм, возведенный в ранг идеи. Ввиду стремления советских руководителей к деперсонализации, трудно сказать, кто из представителей «неосталинского национализма» наиболее видная фигура. Может быть, В. Гришин.

Следующая идеология, уже неофициальная, — «неославянофильство», ее также можно назвать «романтическим консерватизмом». Для нее характерна вера в исключительность России и в необходимость возвращения к старым русским до-марксистским и вообще дозападным традициям, к православию. Она несет в себе зачатки «целостного мировоззрения» и едва ли будет терпима к другим идеологиям. Хотя она враждебна идеологиям официальным, ее правое крыло связывает с «неосталинским национализмом» идея шовинизма. Но «неосталинскому национализму» совершенно чужды гуманистические черты, присущие «неославянофильству» — своего рода «национализму с человеческим лицом». Как националистическая идеология, оно может опираться на весьма широкую социальную опору — как на полуинтеллигенцию города и деревни, так и на более широкие массы. Поскольку понятия «нация» и «традиция» очень сильно связаны с языком, лучшие выразители этой идеологии — многие писатели, наиболее характерная фигура среди них, пожалуй, А. Солженицын.

Следующая — «социально-этическая идеология», по традиции ее еще можно назвать «народ-

нической». Эта идеология пытается сформулировать идеи социальной справедливости, основываясь не на экономическом детерминизме, а на неких нравственных постулатах*). С «неославянофильством» ее связывает общая идея русского мессианизма: вера в особую роль России и в то, что Россия дала или даст миру совершенные и уникальные формы человеческого общежития. Эта идеология тоже традиционна для России, она может привлечь значительные слои разочаровавшейся в марксизме, но популистски настроенной интеллигенции, а так же отвечает, по-видимому, некоторым глубоким народным чувствам. Весьма характерными для ее правого крыла были взгляды И. Огурцова, но для левого характерна, во всяком случае сейчас, чисто этическая позиция.

Идея гуманизма, осознание ценности человеческой личности связывают левое крыло этой идеологии с «либерально-демократической идеологией». Эта идеология, сложившаяся под влиянием западного либерализма, считает желательной постепенную трансформацию советской системы в демократическое плюралистическое общество западного типа, с учетом сложившейся структуры собственности, но с действенным контролем об-

*) Поскольку и «марксизм», и «популизм» говорят о «социальной справедливости» и о «социализме», есть возможность прямого перескока их последователей из одной идеологии в другую или же их тактического сближения — но все это быстро кончается разочарованием, так как по существу эти идеологии противостоят друг другу. Исторически марксизм вышел из либеральных экономических теорий, а народники в России — левые славянофилы.

щества над экономикой и с предоставлением значительной свободы частной инициативе. Социальную опору этой идеологии составляет значительная часть «среднего класса» — понятие, только частично совпадающее с более привычным для России словом «интеллигенция», — все те, кто достаточно энергичен и образован, чтобы не только не потеряться в свободном обществе, но и добиться определенного успеха. Представителями этой идеологии можно считать А. Сахарова, ближе к левому крылу, и Ю. Орлова, ближе к правому.

Следующая идеология — «либеральный марксизм» — связана с «либерально-демократической идеологией» общей идеей правопорядка, т. е. установления и строгого соблюдения законов, гарантирующих, в частности, права человека. «Либеральный марксизм» — это идеология «социализма с человеческим лицом» применительно к Советскому Союзу. Она предусматривает демократизацию и плюрализацию общества при сохранении марксизма как ведущей идеологии и компартии как ведущей политической силы. Социальная опора этой идеологии — значительная часть воспитанного на марксизме среднего класса, в том числе, как об этом можно судить по отрывочным данным, многие партийные функционеры и менеджеры. Наиболее видный представитель правого крыла этой идеологии — П. Григоренко, левого — Р. Медведев *).

*) «Правый» и «левый» употребляются в этой статье только в смысле избранного нами движения по часовой стрелке, глядя снаружи внутрь. В этом смысле можно сказать, что почти столетие марксизм шел в Рос-

« Либеральный марксизм » соединяется с « неосталинским марксизмом » общей идеей построения социализма. Эта связь — нечто вроде узенькой трубочки между сообщающимися сосудами, по которой могут переливаться приверженцы этих идеологий в зависимости от развития событий. Таким образом, колесо идеологий замыкается.

Перейдем теперь к субидеологиям, или идеологиям-чувствам, образующим внутреннюю окружность схемы.

Начнем с « охранительной идеологии власти » как реально господствующей идеологии. Это более или менее идеологически оформленное чувство самосохранения. Как всякое чувство, связанное с комплексом неполноценности, оно, впрочем, весьма агрессивно. Оно эмоционально питает и идеологически питается прежде всего от « неосталинского марксизма » и « неосталинского национализма », но косвенно связано с « либеральным марксизмом » и « неославянофильством » как с возможными путями для отступления.

« Эгалитаризм и национализм масс » — это еще более чувство, чем идеология, и не в каких диссертациях или инструкциях своего выражения не находит, хотя проследить за народными настроениями можно. Эту идеологию-чувство можно назвать « пассивно-взрывной », поскольку сквозь пассивное принятие действительности и желание просто « жить » она вдруг прорывается внезапными вспышками, чаще всего индивидуальными,

сии влево — от либерального марксиста Струве к национал-сталинисту Гришину, но попал направо — от левого либерализма к правому национализму.

но будет представлять большую угрозу для стабильности советской системы, если вспышки станут групповыми. «Эгалитаризм и национализм масс» прямо связан с «неославянофильством» и «социально-религиозной идеологией» и вместе с тем испытывает косвенное влияние «неосталинского национализма», который связывается с популярной идеей сильной власти, и «либерально-демократической идеологии», отвечающей тяге народа к большей личной свободе и более высокому уровню жизни, пример которых дает Запад.

Наконец, «реформизм среднего класса» — это характерный для среднего класса конформистский подход к действительности, «пока что надо жить, а постепенно все более или менее само собой станет лучше», с желанием избежать потрясений и каких-то резких скачков в ту или иную сторону. У «реформизма среднего класса» прямая идеологическая связь с «либерально-демократической идеологией» и с «либеральным марксизмом», а также косвенная с «неосталинским марксизмом», поскольку часть среднего класса — партийно-государственные функционеры, и с «социально-этической идеологией» как идеологией национальной и отвечающей в какой-то степени нравственным потребностям среднего класса.

Заканчивая описание схемы, нужно сказать о своеобразных негативных связях между субидеологиями. «Охранительную идеологию власти» и «эгалитаризм и национализм масс» сближает общая оппозиция к «интеллигенции» как к слою, чуждому народу и опасному для власти, эмоционально эта связь подкрепляется тем, что многие

партгосаппаратчики — в прошлом крестьяне и дети крестьян. «Эгалитаризм и национализм масс» и «реформизм среднего класса» сближает общая оппозиция к власти, от которой обе эти социальные группы «отчуждены». А «реформизм среднего класса» и «охранительную идеологию власти» сближает общая оппозиция к массам, в которых и аппаратчики, и средний класс видят угрозу своим привилегиям.

Хочу еще раз подчеркнуть условность схемы, размытость выделенных мною идеологий и неопределенность социальной стратиграфии советского общества, равно как и низкий уровень его «идеологизации», хотя «идеология» и упоминается на каждом шагу — своего рода диалектическое единство противоположностей. Если считать молодежь, как это часто делают, индикатором общественных настроений, то в целом она наиболее безразлична к идеологии как таковой. Вместе с тем эта дезидеологизация кажется мне временным явлением, как бы «идеологической воздушной подушкой» между умирающей большевистской идеологией и той, которая придет ей на смену. Не исключаю, что молодежь восьмидесятых годов будет крайне «идеологизирована».

Оговорюсь еще, что совершенно разную роль в обществе играют идеология, представленная облеченными властью аппаратчиками, и идеология, представленная несколькими диссидентами. Та же идеология в оппозиции и та же идеология у власти — это во многом две разные идеологии. То же можно сказать о некоей идеологии в плюралистическом обществе и как будто той же самой в тоталитарном — они не идентичны.

Теперь, имея схему перед глазами, попробуем проиграть несколько вариантов советского «идеологического будущего». Для удобства обозначим идеологии, начиная с «неосталинского марксизма» по часовой стрелке, буквами А, Б, В, Г, Д, Е.

Будем отделять овец от козлиц, три против трех. С большой долей основания предположим, что в стабильном обществе повышаются шансы «срединных идеологий» (А, В, Д), т. е. идеологий, находящихся как бы посредине соответствующих суперидеологий, а в обществе кризисном — шансы «крайних идеологий» (Б, Г, Е), т. е. идеологий, расположенных на стыках суперидеологий. Например, мы видели, что во время кризиса в ЧСР — стране с той же системой, что и в СССР, но с демократическим прошлым — в 1967-68 годах, идеологическое господство перешло от «неосталинского марксизма» (срединной идеологии) к «либеральному марксизму» (крайней идеологии). Если бы там положение стабилизировалось без вмешательства советских войск, я думаю, господствующей идеологией стала бы «либерально-демократическая». Стабилизация, достигнутая советским вмешательством, восстановила господство «неосталинского марксизма».

Пойдем далее. Разделим идеологии по принципу: плюралистические (Г, Д, Е) — тоталитарные (А, Б, В); чужеродно-западные (А, Е, Д) — доморощенно-восточные (Б, В, Г); этико-политические (В, Г, Д) — чисто политические (Е, А, Б). Совершенно очевидно, что в СССР при всякого рода возможных и невозможных политических катаклизмах больше шансов на выживание и победу будет у тех, кто будет руководствоваться идеоло-

гиями тоталитарными, а не плюралистическими, доморощенно-восточными, а не чужеродно-западными и чисто политическими, а не этико-политическими, то есть обремененными всякого рода этическими соображениями, которые так и любил великий Ленин.

Оказывается, что только одна идеология отвечает всем трем условиям — «неостаалинский национализм» (Б). Поскольку это уже одна из властвующих идеологий — причем отвечающая подмеченному мною ранее условию «крайности», — то в кризисных ситуациях следует ожидать все более сильного крена власти в эту сторону.

И вместе с тем я думаю, что шансы «неостаалинского национализма» не так уж высоки — а его полная победа могла бы означать начало развала страны. Дело в том, что как узко националистическая доктрина он мог бы опираться только на русское население страны, составляющее сейчас не более половины всего населения, и вызвал бы против себя крайне сильное раздражение всех других национальностей, включая их руководящие кадры *).

Но представим, что «неостаалинский национализм» победил бы, приняв, скорее всего, форму военной диктатуры. По мере стабилизации положения он стал бы смягчаться и дрейфовать в сторону «неославянофильства», стабильной «срединной» идеологии.

Поскольку же региональный национализм делает все это маловероятным, есть основание рас-

*) Решающую роль при этом может сыграть среднеазиатский национализм ввиду интенсивного роста населения среднеазиатских республик.

смотреть другой вариант кризисного сдвига власти — в сторону « либерального марксизма » как альтернативной « крайней идеологии ».

Кризисная ситуация может быть вызвана прежде всего экономическими трудностями — замедлением роста производительности труда, неспособностью сельского хозяйства производить для страны необходимое количество продуктов, ростом долгов Западу и снижением золото-валютных резервов, невозможностью перестройки планирования и экономического управления в рамках жесткой политической структуры, апатией трудящихся. Совершенно не исключено, что для разрешения этих трудностей более прагматичному и более терпимому следующему поколению власти идеи « либерального марксизма » смогут показаться, во всяком случае, меньшим злом, чем военная националистическая диктатура. Трудно сказать, насколько далеко зайдет этот процесс, если даже он начнется, поскольку этому московскому варианту « пражской весны » будет сильно не хватать исторических либеральных традиций, которые были в Чехословакии. Если же, однако, этот процесс увенчается успехом, то по мере стабилизации все более будет усиливать свое влияние « либерально-демократическая » — срединная — идеология.

Но все это только гипотезы.

1975-1976,

Магадан—Москва

Опубликовано в « Haagse Post » № 7, 1976 (Голландия), « Survey » № 99, 1976 (Великобритания), « Русская мысль » 9-16.9.76 (Франция) и частично в « Süddeutsche Zeitung » 7-8.5.77 (ФРГ)

РАЗРЯДКА : ЗАПАД—СССР

Три статьи, объединенные под этим заголовком, написаны с августа 1975 по сентябрь 1976 — в течение года, который я назвал бы годом разочарования Запада в разрядке.

Когда я писал свою первую статью в разгар возлагаемых на разрядку надежд, я не сомневался, что разочарование неизбежно, но все же не думал, что оно наступит так скоро. Вместе с тем я не переоцениваю этого разочарования.

Разочарование в разрядке — следствие политического реализма, оно требует изменений в политике, а для этого нужны моральная сила и политическая воля.

Разрядка — следствие желания видеть вещи такими, какими их хотят видеть, и для ее проведения просто нужно принимать мир таким, как он есть. Не трудно догадаться, что политика, требующая наименьших усилий, найдет себе наибольшее число сторонников. Говоря грубо, Запад слишком мягко сидит, для того чтобы твердо стоять.

Между тем отказ от моральной позиции, политическая расслабленность и взгляд на диктатуру

как на нечто « естественное » для незападных народов — довольно быстро смогут привести к разложению самих западных демократий. Успех тоталитаризма в одном месте поощряет его поднимать голову в другом.

Политическим ухаживанием и экономической помощью Запад рассчитывает « смягчить » Советский Союз — однако выкармливает этим не только враждебное ему государство, но и самую идею тоталитаризма.

4 июня 1977,
Утрехт

1. США И СССР В ОДНОЙ ЛОДКЕ ?

Для дипломатического признания СССР США понадобилось шестнадцать лет (1917-33), чтобы стать его союзником — восемь (1933-41), чтобы совместно заняться переустройством мира — четыре (1941-45), а чтобы полностью разочароваться в этой политике — всего два года (1945-47).

Почему США так медлили с признанием СССР — ведь дипломатическое признание не означает одобрения, а непризнание само по себе не меняет революционный строй в желаемую сторону ? Почему упустили возможность поддержать умеренные элементы в СССР — не признавая его в период НЭПа и признав в период массовых репрессий ? Почему, начав сближение с СССР, проводили его с такой безудержностью — чтобы внезапно остановиться в ошеломлении ?

Потому, вероятно, что США мало интересова-

лись внутренними советскими проблемами. Внешнеполитический курс США определялся тем, какие силы там брали верх, — он мог трагически не соответствовать происходившему в СССР.

Проводя политику сближения с СССР, Ф.Д. Рузвельт исходил, по-видимому, не только из нужд военного времени, но и из более общего взгляда, что устойчивое положение в мире невозможно без включения СССР в мировую систему. Внутри устойчивой мировой системы СССР казался Рузвельту менее опасным, чем вне ее, и потому не СССР заплатил за включение в систему, а ему было заплачено — прежде всего предоставлением права распоряжаться Восточной Европой.

Действительно, где лучше иметь деструктивную подсистему — в системе или вне ее, поскольку, как показал опыт, само по себе включение не превращает подсистему из деструктивной в конструктивную? Иными словами, если мы представим западные страны в виде гребцов лодки, а СССР в виде пловца, который пытается эту лодку потопить, то что разумнее — пригласить СССР в лодку в надежде, что он будет грести вместе со всеми, вместо того чтобы раскачивать ее, или же держать СССР вне лодки, опасаясь, что он ее потопит, но и надеясь, что один он рано или поздно истощит свои силы?

Рузвельт пригласил Сталина в лодку. Увы, это не изменило ни внутренней, ни внешней политики СССР. Сталин не только раскачивал лодку, но, образно говоря, сам выпрыгнул из нее. Чувствуя себя одураченными и сознавая свою ответственность за «навязывание коммунизма» Вос-

точной Европе, США круто повернули и перешли к политике «сдерживания коммунизма», не только сберегая остаток Европы, но главным образом решив не уступать теперь без боя Азии. Но и здесь США были склонны по-прежнему игнорировать отношение самих народов к «коммунизму».

Непонимание происходящих в других странах процессов заставляло США чрезмерно полагаться на манипулирование военной силой и экономической помощью. Если исходить из той точки зрения, что коммунистические революции в Азии были результатом исторического развития этих стран, и «коммунизм» здесь стал формой пробуждающегося азиатского национализма и эгалитаризма, а вовсе не результатом советских интриг, то американскую политику в Азии после войны можно считать такой же неудачной, как и их политику в Европе во время войны.

Признай США в 1949 году КНР, они не только избежали бы корейской войны, но и ускорили бы отход КНР от СССР. Создание потенциальной угрозы на востоке сделало бы СССР уступчивее на западе: скорее всего, не имея за спиной дружественного Китая, СССР согласился бы в 1953 году на воссоединение Германии. Но США не только не признали КНР, но и решили дать бой «коммунизму» в самом уязвимом для себя месте — во Вьетнаме, где режим, который они поддерживали только потому, что он был «антикоммунистическим», был в глазах собственного народа наследником колониального режима и потому был обречен на гибель.

Где-то между двумя кризисами — разочарова-

нием США в «поощрении коммунизма» в Европе в конце сороковых годов и разочарованием в «сдерживании коммунизма» в Азии в начале семидесятых — началось то, что теперь называется «политикой разрядки» и раньше называлось «политикой мирного сосуществования».

Несмотря на растущую военную мощь, лодка Сталина с нищим Китаем на корме и ненадежными восточноевропейцами на носу мало годилась для того, чтобы протаранить западную лодку. Самоизоляция, в которой СССР находился в последние годы жизни Сталина, перенапрягла силы страны и привела к ряду конвульсивных реформ пятидесятых годов. Таким образом, только испытав все отрицательные стороны доведенной до крайности изоляции, СССР вступил на путь внутренних преобразований и налаживания внешних связей.

США, уставшие от «холодной войны» и связанного с ней напряжения, пошли, хотя и с колебаниями, навстречу. Скорее всего, они переоценили изменения, произошедшие в СССР после смерти Сталина. Вдобавок на мышление руководителей США и СССР оказало влияние появление нового политического «материка» — третьего мира, толкая их как к соперничеству, так и к сотрудничеству.

Устранение Джона Кеннеди и Никиты Хрущева совпало с более скептическим отношением к разрядке. США оказались втянутыми во вьетнамский конфликт, а в СССР на несколько лет вновь победили идеи изоляционизма.

Однако объективный ход истории оказался сильнее. Если США уже достигли уровня держа-

вы, стремящейся не изменить что-то в мире, а сохранить то, что есть, то и СССР постепенно начал подходить к этому уровню. С какого-то момента у них неизбежно должна была возникнуть потребность в договоренности.

Объективность этого сближения нагляднее всего видна в том, что оно было возглавлено на этот раз фигурами довольно безликими и ранее обнаруживавшими только враждебность к иной системе. Но как раз то, что каждый из них был прежде всего ставленником своего бюрократического аппарата, и помогло им сблизиться и лучше понять друг друга.

Оценивая преимущества разрядки перед холодной войной, мы не вправе, по-видимому, говорить, что разрядка — альтернатива войне. «Холодная война», будучи как бы сублимацией войны горячей, не менее эффективно предотвращала реальную угрозу, чем «разрядка», ибо мир держался и держится на ядерном равновесии. Поэтому и взаимное сокращение вооружений, если даже его удастся достигнуть, не уменьшит и не увеличит опасность войны.

Рост вооружений — следствие конфронтации, а не ее причина, и в значительной степени следствие научно-технического прогресса. Поскольку сама по себе договоренность о тех или иных ограничениях ни с конфронтацией, ни с прогрессом не покончит, гонка вооружений, зажатая в одном месте, всегда вылезет в другом. Сокращение вооружений может быть результатом разрядки, но не ее единственным или основным содержанием. Поэтому на разрядку лучше всего смотреть как на инструмент не сохранения мира, а улуч-

шения мира, ибо в противном случае в ней не было бы никакого смысла.

Создается, однако, впечатление, что для США цель разрядки — как раз сохранение существующего положения. Они как бы стремятся опутать СССР паутиной договоров и взаимных обязательств и тем самым лишить его возможности нарушать стабильность в мире без опасения эти связи порвать.

Для СССР — стороны все еще наступательной — цели разрядки гораздо шире. СССР стремится выйти из изоляции по крайней мере по трем причинам: 1) чтобы, успокоив Запад, манипулировать западными странами так сказать по одиночке, а не скопом, как в известной степени приходится сейчас; 2) чтобы обеспечить себе спокойный тыл ввиду враждебных отношений с Китаем; 3) чтобы преодолеть связанную с изоляцией экономическую отсталость.

Несмотря на значительные военно-промышленные достижения, экономика СССР остается весьма уязвимой и нуждается в технологической и организационной модернизации, что невозможно без помощи Запада. К тому же отсталость сельского хозяйства принуждает СССР систематически закупать зерно на Западе, и два неурожая подряд без подобных закупок смогут потрясти советскую экономику и даже вызвать массовые беспорядки.

Кроме того, разрядка объясняется, как я думаю, двумя не совсем явными, но существенными обстоятельствами. Во-первых, тем, что США и СССР рассматривают друг друга как единственных равных партнеров; во-вторых, тем, что они,

вместе с другими развитыми странами, начинают чувствовать себя не только соперниками, но в какой-то степени и союзниками — своего рода кучкой сытых среди толпы голодных.

Я говорю об этих тенденциях, сознавая, что действуют и противоположные и что СССР в глазах США по-прежнему остается деструктивной силой. Признают это американские руководители или нет, но подлинное изменение внешней политики СССР невозможно без изменения внутренней ситуации в СССР.

Трудно представить себе государство, сочетающее постоянное давление и насилие внутри с миролюбием и уступчивостью снаружи, такое «миролюбие» могло бы быть только следствием военной слабости или маскировкой. Поэтому всякое смягчение внутренней политики СССР может быть не только желательно американцам из гуманитарных соображений, но жизненно необходимо им из соображений собственной безопасности, а потому может рассматриваться ими как одна из целей политики США.

Поскольку США, разрабатывая свою политическую стратегию, выбрали не изоляцию СССР, а сотрудничество с ним, то здесь возможны были два тактических варианта: 1) идти на сближение с СССР, полагая, что сотрудничество с США и вообще с Западом постепенно само собой «смягчит» СССР; 2) обуславливать каждый шаг в сторону СССР требованием определенных изменений как его внутренней, так и внешней политики, понимая их взаимозависимость.

Создается впечатление, что Никсон и Киссинджер выбрали первый путь, как путь, по-видимо-

му, требующий наименьших усилий и дающий сразу видимые результаты. Задачу сближения с СССР, требующую для своего решения, скажем, два десятилетия, Киссинджер пытался решить чуть ли не за два года. Такая поспешность отражает, быть может, не только особенности мышления самого Киссинджера, но и особенность американского мышления вообще — мышления коммерсантов, которые хотят сразу видеть ощутимые результаты своих усилий.

Это привело американское правительство к поспешному подписанию ряда соглашений только для того, чтобы можно было сказать и показать своим согражданам на экранах телевизоров: вот, мы сделали то-то, то-то и то-то. Между тем США имеют дело с партнером, с которым опасно спешить. Если советские руководители и не обладают многими блестящими качествами Киссинджера, то они в превосходной степени умеют не только ставить далекие цели, но и терпеливо ждать.

Американская политика отличается от советской еще двумя особенностями. Внешняя политика — своего рода воспитанница внутренней, мышление государственных деятелей, пришедших к руководству внешней политикой, годами воспитывается на внутривнутриполитических проблемах, и все усваиваемые ими внутри методы применяются вовне. Американская внутренняя политика построена на игре свободных сил, разрешаемой компромиссом, в то время как советская — на бескомпромиссном проведении директив. И если США сознательно и еще более бессознательно садятся за стол переговоров с мыслью о компро-

миссе, то СССР с намерением полностью осуществить свои задачи, идя только на фиктивные уступки.

Другая странная особенность американской политики, как и вообще политики Запада, — это обращение с СССР как с маленьким ребенком, которому многое позволено и которого нельзя раздражать, чтоб он не поднял крик, потом, дескать, когда он повзрослеет, он все поймет. Это долголетнее «воспитание» СССР по методу доктора Спока не только выражается в бесконечном количестве мелких уступок со стороны США, но и в действиях, просто унижительных для их престижа как великой державы. Наиболее ярко это отразилось в нежелании президента Форда пригласить Солженицына в Белый дом, так как Киссинджер боялся, что это разозлит Брежнева.

Такое поведение вообще очень характерно для представителей американского правительства. Так, американский дипломат, с которым я знаком уже более десяти лет и который недавно вернулся в Москву, из тех же соображений уклонился от встречи со мной, хотя медиумически и посылал выражения своей симпатии.

Зная характер тех, кому подобным образом стараются угодить американцы, я думаю, что хотя это и вызывает одобрение с их стороны, но также и некоторое презрение. Вся ситуация напоминает отношения лавочника и мелкого гангстера: лавочник откупается от гангстера, чтобы тот не мешал ему торговать и жить припеваючи.

Мне с возрастом становится все ясней, что лучшее в нашем мире находит свое выражение через простые человеческие отношения — любовь

мужа к жене, родителей к детям, мужскую дружбу, сострадание, терпимость, простую порядочность, — в то время как любая идеология и доктрина, если она не используется с осторожностью как рабочая гипотеза, может свестись к рубке голов или, в лучшем случае, к набиванию кошельков.

То, что два человека, которые без каких-либо помех встречались более десяти лет назад, теперь, в период «разрядки», не могут встретиться, говорит не в пользу ее человеческих аспектов. Стремление «не перегружать», как сказал д-р Киссинджер, разрядку человеческими проблемами, уступить в гуманитарных вопросах, как политически невесомых, но болезненных для СССР, чтобы содействовать продаже пепси-колы, как вещи реальной, — не кажется мне правильным в свете не сиюминутных, а долгосрочных задач самих США.

Если США ставят задачу наладить подлинно дружеские отношения с СССР и хотят быть уверены в их прочности, они должны добиваться превращения советской субсистемы из закрытой в открытую. Осознание советскими людьми своих человеческих прав — сила, работающая в этом направлении. Поскольку у Движения за права человека нет дивизий, политики-гангстеры и политики-лавочники склонны третировать его. Но мне кажется, что именно всемирное движение за права человека станет преобразующей мир силой, которая преодолет как бесчеловечность, основанную на насилии, так и бесчеловечность, основанную на безразличии.

Подлинная стабильность — только в движении,

только в расширении своего влияния. США должны стремиться к изменению мира, если они хотят, чтобы он был устойчив. Система, не ставящая экспансионистских целей, сжимается и отмирает. Мир пережил много видов экспансий — военную, экономическую, культурную. Если США смогут стать центром новой экспансии — гуманистической, направленной на защиту прав человека во всем мире, — их будущее надолго обеспечено.

Интересно, что этот идеалистический элемент в большей или меньшей мере уже чувствовался в американской политике на протяжении всей истории США. Старомодное европейское политическое мышление — без понимания исторической перспективы и без интереса к высоким целям — едва ли долго будет господствовать во внешней политике США. Сколько бы д-р Киссинджер ни хотел отбросить гуманитарные проблемы, они так или иначе всплывают, в частности это видно на примере разногласий между администрацией и конгрессом в вопросе о торговле и эмиграции из СССР.

Эти разногласия, стесняя администрацию, дают ей, впрочем, и известные выгоды. Треугольник Киссинджер—Брежнев—Джексон немного напоминает ситуацию, когда преступника уламывают два следователя, один из которых кричит и стучит кулаком по столу — сенатор Джексон, а другой ласково улыбается и обещает снисхождение — госсекретарь Киссинджер, так что по контрасту сердце преступника раскрывается навстречу доброй улыбке.

Правительство США, по-видимому, испытывает

здесь давление деловых кругов, возглавляемых производителями прохладительных напитков и заинтересованных в сотрудничестве с СССР, который они рассматривают как гигантский потенциальный рынок сбыта и источник сырья и дешевой рабочей силы. Экономическое сотрудничество можно только приветствовать, если оно будет одним из элементов политики разрядки, но не формирующей эту политику силой.

Бизнесмены, безусловно, внесли огромный вклад в создание современной Америки, но когда они стали ведущей политической силой, они привели США на грань катастрофы — к Великой депрессии тридцатых годов *).

Американцы — увлекающийся народ. Когда они увлеклись «холодной войной», я не знаю — раздавались ли трезвые голоса, предлагающие какие-либо альтернативы. Сейчас американцы увлеклись «разрядкой» — и очень хорошо, что слышны предостерегающие голоса. Предупреждения о том, что разрядка требует сдержанности и твердости, а не только готовности идти навстречу, что безответственные уступки ведут к требованию новых уступок — быть может, будут услышаны.

*) Не должно удивлять, что именно капиталисты так смело подталкивают свое правительство к сотрудничеству с теми, кто провозгласил своей целью их уничтожение. Вот что писал более ста лет назад английский тред-юнионист Т. Дж. Даннинг, с одобрением цитируемый Марксом: «Раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову...»

Альтернатива разрядке, которую им требуют назвать ее сторонники, — это разрядка, проводимая по-иному, разрядка, при которой долгосрочные цели не будут приноситься в жертву краткосрочным и придется научиться ждать, прежде чем получить желаемое.

Внешняя политика существует не сама по себе, это функция внутреннего состояния страны, которое, в свою очередь, зависит от внешних условий. Если исходить из того, что без сближения с СССР США не смогут влиять на него, то и без влияния в конструктивную сторону это сближение будет даже опасно для США. Когда за каждый центнер зерна, за каждый технологический секрет СССР будет платить не столько золотом, сколько шагом в сторону демократизации — только тогда его внешняя политика не будет представлять угрозы для Запада.

Пусть, однако, этот обмен, это «мягкое давление» на СССР не носят характер, уязвляющий его самолюбие, пусть проходят под флагом требования от СССР выполнения международных деклараций, им самим подписанных, и каждая уступка СССР встречается не как «победа Запада», а как шаг к общему благу.

В возникшем треугольнике сил отношение США к СССР и к КНР при всем сходстве весьма различно. Китай ни экономически, ни социально, ни политически не дорос еще до настоящего партнерства с США, и в военном отношении представляет для них гораздо меньшую опасность, чем СССР. Вместе с тем пружина революции еще не раскрутилась в Китае, и всякая попытка давления на него с целью изменений внутри, скорее

всего, не даст результатов. Китай еще так далек от Запада, что все, происходящее там, воспринимается чуть ли не как происходящее на Луне. Китай еще слишком «не свой», чтобы общественное мнение Запада протянуло руку тем, кто подвергается там гонениям.

Иное дело СССР. В силу своего трагического евразийского положения Россия всегда была и более чувствительна к Западу, и более опасна для Запада, чем Китай. Пружина русской революции полностью развернулась, и, двигаясь только по инерции, СССР будет весьма восприимчив к давлению Запада, тем более имея за спиной враждебный Китай. И совершенно ясно, что чем более будут расширяться связи СССР с Западом, чем более он будет «своим» для Запада, тем пристальнее западное общественное мнение будет следить за тем, что происходит в СССР.

Если соперничество СССР—КНР будет все более обостряться — думаю, что так и будет, — то связи США соответственно с СССР и с КНР превратятся в руках американских руководителей как бы в две вожжи, которыми они могут управлять мировой историей.

Но вопрос — смогут ли?

Представим, что государство или группа государств, вырабатывая долгосрочную политику, должны определить цель, стратегию и тактику. Глядя из России, может показаться, что если политическую стратегию США считать правильной, то их тактика по существу подрывает стратегию. Но что гораздо важнее, политика США — а Запада в целом еще более — обнаруживает весьма расплывчатые цели или даже отсутствие целей,

ибо сохранение политического статус кво и экономического роста — это еще не цель.

Быть может, разброд и неуверенность, которые сейчас охватили Запад и нашли частное выражение в «разрядке», разрешатся осознанием значительной цели — цели переустройства мира, в основу которого будет поставлена человеческая личность, личность в ее общечеловеческой, а не эгоистической сути. Тогда уверенный в себе Запад заговорит другим языком.

*Август 1975,
Москва—Энгуре, Латвия*

Опубликовано в «The New York Times» 22.10.75 (США) (начиная со слов «Оценивая преимущества разрядки...») и полностью по-польски в журнале «Kultura» № 12, 1975 (Франция)

2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ЗАПАДА

«Все куплю!» — сказала злато.

«Все возьму!» — сказал булат.

А. Пушкин

По-видимому, интуитивное постижение психологии значит не меньше, если не больше, чем формальный анализ политических сил. Непонимание психологии вьетнамских крестьян привело уже американцев к безумной затее стратегических деревень, что, безусловно, содействовало поражению США. Непонимание психологии советских руководителей — и отсюда поспешность

разрядки с дальним прицелом на советско-американский диумвират — может привести к еще более плачевным результатам.

Г-н Киссинджер — творец этой двусмысленной формы разрядки — был, быть может, опытным стратегом, но стратегом отступления и стал характерным олицетворением фрустрации, охватившей США в результате вьетнамской войны. Но следовало бы признать и то, что это отступление носит скорее всего временный характер и есть следствие тех непосильных внешнеполитических задач, которые ставили себе США и которые сфокусировались во вьетнамской войне.

Как мне кажется, основная ошибка США за последние 30 лет была в том, что они боролись с «коммунизмом», если можно так сказать, географически, а не политически. Принимая «коммунизм» за данное там, где он уже есть, США всячески противились его распространению на новые территории, поддерживая любой нежизнеспособный режим, лишь бы он был антикоммунистическим, и мало интересуясь внутренними причинами коммунистических революций.

Столь же мало они интересовались внутренним сопротивлением «коммунизму» там, где он уже господствовал, не понимая, что наиболее верный способ его преодоления — изнутри. Следуя странной политике поощрять «коммунизм» там, где народы его не хотят, и противоборствовать там, где народы его хотят, США не только проиграли во Вьетнаме, но и оказались совершенно неподготовленными к событиям в Венгрии в 1956, в Чехословакии в 1968 или к возникновению Движения за права человека в СССР. Правительство

США видело в них или помеху своей внешней политике или же нечто такое, что не имело политического значения.

Сейчас можно ожидать драматических событий в Польше. Но и положение в СССР отнюдь не кажется мне стабильным. Последние восемь лет подтвердили, что в своей книге «Просуществует ли СССР до 1984 года?» я правильно указал тенденции, которые ведут и могут привести к развалу советской системы.

Я по-прежнему считаю, что война с Китаем будет катализатором, который ускорит эти внутренние процессы. Китайская военная отсталость и проявленная в последние годы относительная гибкость советского руководства смогут отодвинуть срок развала значительно дальше 1984 года. Но его угроза неотвратима, если не будут выдвинуты новые политические идеи и проведены коренные, а не паллиативные реформы.

Советская демократическая оппозиция — все еще очень слабая — тем не менее важна как возможный источник политических альтернатив. Она не только производит медленную революцию в умах советских людей, но также может служить для остального мира показателем настроений значительной части молчащего советского общества.

Я понимаю, что США очень трудно найти баланс между сопротивлением «коммунизму» и соглашением с «коммунизмом» — а для них неизбежно и то, и другое. Я не считаю, что США стоят перед выбором: либо сокращение опасности войны путем сдерживания гонки вооружений с СССР, либо усилия для демократизации СССР с

постоянным риском конфликта. Наоборот, опасности войны можно избежать только путем превращения советской системы из закрытой в открытую, до этого США всегда — даже при обоюдном замедлении роста вооружений — будут под угрозой внезапного удара.

Открытое общество делает возможным контроль над вооружениями и невозможной неспровоцированную агрессию. Есть прямая связь между тоталитаризмом и агрессией, и поэтому всякое ограничение насилия внутри есть тем самым сопротивление потенциальному насилию вовне. Поэтому поддержка борьбы за демократизацию СССР диктуется для США в долгосрочной перспективе интересами их собственной безопасности.

Американские сторонники разрядки говорят о необходимости быть с СССР в хороших отношениях, чтобы не увеличивать нестабильность в мире, избегать ядерной войны путем сокращения вооружений, подкармливать советскую экономику в качестве платы за внешнеполитическую сдержанность СССР, — и принимают на веру, что всякая попытка давления на СССР усилит его жесткость и внутри, и вовне.

Однако все это не кажется само собой разумеющимся.

Причина угрозы мирового распада, по-видимому, в том, что проблема бедных и богатых внутри каждой страны стала проблемой бедных и богатых стран. СССР соединяет в себе черты как высокоразвитой, так и слаборазвитой страны, и его экономика, которая хочет ориентироваться на Запад, постоянно конфликтует с его идеологией,

которая хочет ориентироваться на « третий мир ». Поэтому СССР всегда способен к неожиданным деструктивным шагам, и все полученные от США блага смогут быть направлены на нарушение стабильности в мире.

Три десятилетия мир держится на ядерном равновесии, поскольку риск слишком велик, чтобы начать войну. Не будь ядерного оружия, война между СССР и Западом уже давно началась бы и кончилась — один Бог знает чем. В рамках ядерного равновесия взаимное сокращение безусловно лучше, чем безудержное наращивание, но я не вижу, как само по себе оно способно предотвратить войну: уже сейчас ядерного оружия достаточно, чтоб несколько раз уничтожить мир. Попытки сокращения вооружений без надлежащего контроля, сделанные между первой и второй мировыми войнами, привели не к миру, а к взаимной подозрительности и поощрили агрессора.

Утверждение, что СССР надо « платить », чтобы он не увеличивал беспорядка в мире, производит пугающее впечатление. Идея подкупа СССР — разрядкой ли в целом или экономической помощью в частности — ведет к политическому шантажу, когда СССР станет требовать все больше и больше только за свою пассивность. История знает много примеров, как « торговые » государства откупались от « военных », тем самым только разжигая их аппетит, и я боюсь, что в конечном счете все американское зерно не заменит твердости духа.

Имело бы также большое значение, если бы США проводили свою экономическую политику в отношении СССР только на национальном уровне,

поскольку СССР всегда хочет быть акулой среди сардинок и с каждым иметь дело поодиночке, быть то собственные инакомыслящие, европейские правительства или американские фирмы.

Нежелание «давить» на СССР не основано ни на чем, кроме боязни малейшего риска. Оказывать давление — опасно, но не оказывать давления — еще более опасно, это значит для США самим стать объектом усиливающегося давления. Мне кажется, американцы должны постоянно учитывать не только то, почему США заинтересованы в разрядке, но и то, почему в ней заинтересован СССР, — и лишь после такого анализа можно решать, как далеко заходить США в своих требованиях.

И дело не в том, чтобы постоянно давить или постоянно уступать, а в том, что любую вашу уступку оценят только на фоне вашей предшествующей настойчивости.

Не надо проводить политику ультиматумов по отношению к СССР или задевать его самолюбие (как, впрочем, не надо позволять и СССР задевать престиж США). Но поэтапное смягчение советско-американских отношений, чтобы быть реальным, а не иллюзорным, должно сопровождаться поэтапным смягчением советских внутренних условий. Как в каждой порции «кровавой Мэри» должна быть доза томатного сока, так и в каждой «порции» разрядки должна быть доза демократизации советской системы. Иначе этот коктейль постепенно испортит американский желудок.

*Декабрь 1975—декабрь 1976,
Москва—Нью-Йорк*

Опубликовано в «*Newsday*» 24.4.77 (США) и частично в «*Epoch*» май 1977 (ФРГ)

3. ЕВРОПА И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Как мне кажется, на Западе господствует мнение, что Европе не угрожает советское вторжение. Если бы завтра советские войска перешли границы ФРГ или Австрии, я сам был бы очень удивлен. Похоже, что СССР более заинтересован в сохранении статус кво в Европе и признании того, что уже достигнуто, чем в лобовой атаке.

Можно думать, что советская экспансия осторожно выбирает обходные пути — через Африку или Ближний Восток, а войска, стоящие в Восточной Европе, скорее преследуют цель придать значимость каждому советскому слову, обращенному к западноевропейским правительствам. Войскам не надо двигаться — само их присутствие и обаяние силы, которое исходит от них, — оказывают значительное влияние на ситуацию в Европе.

Однако можно думать, что европейская безопасность основана не на доброй воле Советского Союза и не на воле к сопротивлению европейских государств, которая весьма сомнительна, а на трех преходящих факторах.

Во-первых, на американском военном присутствии в Европе, которое угрожает Советскому Союзу ответным ядерным ударом и удерживает СССР от таких, например, рискованных шагов, как оккупация Западного Берлина.

Во-вторых, на внутренних трудностях в самом СССР и на его недоверчивых отношениях с восточноевропейскими странами; эти трудности побуждают СССР к экономическому сотрудничеству

с Западом и к попыткам установить стабильные отношения в Европе.

В-третьих, на постоянной угрозе со стороны Китая и на желании иметь спокойный тыл на случай открытой советско-китайской конфронтации.

Но если безопасность Западной Европы действительно основана на совокупности этих трех факторов, то ее нужно признать весьма неустойчивой.

Во-первых, американское военное присутствие в Европе нельзя считать вечным. В США могут победить идеи изоляционизма и даже готовность рассматривать всю Европу — а не только Восточную — как естественную сферу влияния СССР и как своего рода плату за то, чтобы СССР не трогал США. Идея, что вывод войск США из Западной Европы взамен на частичный вывод войск СССР из Восточной смогут привести к лучшему взаимопониманию СССР—США и способствовать стабильности в мире, может быть очень популярна в США. Американская общественность не понимает, что такое Советский Союз, и склонна рассматривать его как такую же сверхдержаву, как и США, — с внешнеполитическими амбициями, но со стремлением к разумному компромиссу. Если же войска будут выведены, то СССР, пользуясь сухопутной границей, сможет их без труда снова быстро ввести, тогда как для США будет чрезвычайно трудно это сделать как по соображениям стратегического, так и политического характера. Если же к этому времени будет подписан договор об отказе от применения ядерного оружия, руки СССР будут развязаны.

Во-вторых, внутренние трудности — экономический кризис, обострение национальных противоречий, конфликт с интеллигенцией и другие — смогут побуждать советское руководство искать их разрешения как раз во внешнеполитических конфликтах, как это русское правительство уже пыталось делать накануне революций 1905 и 1917 годов. К тому же рост армии, если ей не находить то или иное внешнее применение, будет постоянной угрозой для партийного руководства внутри СССР.

И в-третьих, всегда остается возможность для СССР и Китая найти общий язык. Это особенно вероятно после смерти Мао Цзе-дуна, когда в Китае будет происходить внутривластная борьба и Китай постарается не обострять отношений со своим северным соседом. К тому же весьма вероятно победа умеренных элементов, которые постараются установить с СССР хотя и сдержанные, но добрососедские отношения и дадут ему чувство надежного тыла. Существует к тому же мнение, что в китайской армии все еще сильны просоветские элементы. Я не думаю, чтобы СССР и Китай установили хорошие отношения надолго и считаю конфликт между ними рано или поздно почти неизбежным, но на какое-то время между ними возможно взаимопонимание и даже договоренность о разделе сфер влияния в Европе и Азии — и тогда для Европы могут наступить тяжелые времена. К тому же безразличие Европы к Китаю и двусмысленная позиция США, которые при Никсоне стремились сблизиться с СССР, используя флирт с Китаем скорее как средство шан-

тажа, смогут ускорить процесс сближения Китая с СССР.

Если западные государства, и прежде всего США, не обнаружат достаточно политической воли, чтобы противостоять СССР в Европе и пытаться повлиять на либерализацию его изнутри, и достаточно политического здравомыслия, чтобы попытаться сблизиться с Китаем и поощрить его независимую от СССР позицию, то Франция и Англия в один прекрасный момент смогут оказаться в положении Венгрии и Чехословакии.

*11 октября 1976,
Утрехт*

Опубликовано в « Survey » № 100, 1976 (Великобритания) и « U.S. News and World Report » 17.1.77 (США)

ЕСТЬ ЛИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ В СССР ?

Интервью заместителя министра юстиции СССР г-на Сухарева журналу «Новое время» (1976, № 1) заслуживает, чтобы на него ответил один из тех, кто на себе испытал действие представляемой им юстиции.

После шести лет тюрьмы, лагеря и ссылки я прочел это интервью со смешанным чувством радости и отвращения. С радостью — поскольку сама попытка пространного — на пяти журнальных страницах — оправдания карательной политики говорит о том, насколько чувствительно советское правительство к реакции мирового общественного мнения на нарушения прав человека в СССР, и следовательно, сколь многого могло бы общественное мнение здесь добиться. С отвращением — поскольку почти все, что утверждает г-н заместитель министра, — это ложь, а ложь всегда противно читать.

Он утверждает, что «советский закон» с самого начала преследовал только за «конкретные действия», а не за убеждения, не за принадлежность к тем или иным социальным группам или партиям.

В действительности же с первых месяцев большевистской революции была введена система заложников — система ответственности одних за других. В июле 1918 года Троцкий предложил держать в концлагерях в качестве заложников жен и детей призванных в Красную армию офицеров. В августе Ленин, призывая к «беспощадному террору», приказал: «Сомнительных запирать в концентрационный лагерь». В сентябре нарком внутренних дел Петровский телеграфировал местным советам: «Взять из буржуазии и офицерства... значительное количество заложников».

А вот человек, убивший посла Мирбаха, «чтобы вызвать войну Германии против Советской России», — г-н заместитель министра ссылается на это убийство как на пример «конкретного действия», — в действительности никаким преследованиям не подвергся, продолжал служить в ЧК и был уничтожен только в период сталинских чисток.

Так же из советских источников хорошо известно, что в 1929-31 годах сотни тысяч людей подвергались ссылке и заключению в концлагерь не за «конкретные действия», а только за то, что были так называемыми «кулаками» и «подкулачниками», т. е. зажиточными крестьянами и теми, кто хотел жить зажиточно. С ними высылались и их жены и дети.

В 1941-45 годах, чтобы подвергнуться репрессиям, тоже не нужно было совершать «конкретных действий»: достаточно было быть крымским татаринном, волжским немцем, калмыком, ингу-

шем, чеченом. Известно, что эти и другие малые народы в полном составе подверглись депортации.

Так в основу деятельности советской юстиции — если ее можно назвать юстицией — был положен сначала классовый, а потом и расовый подход, а отнюдь не понятие «конкретного действия».

Г-н заместитель министра настойчиво повторяет, что в СССР никого никогда не судили за политические и религиозные убеждения, и что он не знает закона, по которому можно было бы преследовать за убеждения. Такой закон есть — это ст. 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и ст. 190¹ УК РСФСР (распространение сведений, порочащих советский строй), не говоря о том, что можно использовать и другие статьи кодекса или даже внесудебное помещение в психиатрическую больницу.

Работники советской юстиции придают специфический смысл слову «убеждение». Мне и другим заключенным неоднократно говорили: «Вы можете иметь убеждения, но не высказывать их. Мы вас судим не за убеждения, а за то, что вы их высказали». Очевидно, что за убеждение, никак не высказанное и ничем не проявленное, судить невозможно, ибо еще не изобретен аппарат, позволяющий читать чужие мысли. Но коль скоро неортодоксальная мысль — печатно, письменно или устно — была высказана, она считается действием, за которое можно судить. При этом, расценивать ли высказанную мысль как «антисоветскую» или нет, зависит целиком от конъюнктурных соображений, никакого юридического определения понятия «антисоветский» нет.

Не надо считать, что «антисоветское» высказывание — это призыв к насильственному свержению советского строя. Во всех известных мне случаях речь шла или о критике его отдельных сторон или о путях его возможной эволюции — зачастую критике с марксистских позиций. Так же в большинстве случаев осужденных вовсе не обвиняли в связях с какими-либо «зарубежными центрами», а в тех случаях, когда это делали, — это осталось недоказанным.

Судят не только за собственные высказывания и записи, но и за чтение и хранение книг, которые следственными органами и судом могут быть признаны «антисоветскими». При этом никакого опубликованного списка книг, которые запрещено хранить и читать, нет.

Не исключено, что в политлагерях есть люди, действительно осужденные за «конкретные действия», — г-н заместитель министра упоминает, в частности, лиц, осужденных за сотрудничество с немцами во время войны. Люди эти зачастую используются в лагерях его коллегами для травли настоящих политзаключенных, а он хочет спрятать за их жалкими фигурами тысячи людей, воевавших с фашизмом или выросших после войны — и осмелившихся иметь собственные взгляды.

Столь же ложное впечатление он хочет создать и о «местах заключения». В действительности упоминаемые им «нормы питания» рассчитаны на истощение, пятикилограммовые продуктовые передачи разрешены по истечении половины срока один раз в полгода, переписка ограничена и

многие письма конфискуются или просто крадутся администрацией, свидания раз в полгода — и тех лишают по произволу администрации, приобретение литературы ограничено, заключенному разрешено иметь не более пяти книг.

Нередки случаи избиения: меня швыряли из конца в конец вагона на перегоне Свердловск — Камышлов, после перенесенного в тюрьме менингита били головой об стену в лагере на Талой, волоком тащили за волосы с третьего этажа в подвал Магаданской тюрьмы. Каждый раз я обращался с жалобой в МВД или в прокуратуру — и каждый раз безрезультатно.

О тяжелом положении заключенных после «освобождения» г-н заместитель министра вообще не говорит ни слова. Между тем они существенно ограничены в выборе места жительства и работы. За многими бывшими заключенными, которые приезжают навестить свои семьи, милиция устраивает настоящую охоту — в частности за мной. Три раза за три месяца меня задерживали и угрожали новым арестом.

Как, наконец, понимать слова, что за «послевоенные годы судимость сократилась в нашей стране более чем в два раза?» Понимать ли это так, что в 1975 году осуждено вдвое меньше людей, чем в 1945, или что сейчас заключенных вдвое меньше, чем было в первые послевоенные годы? Если это так, то это выглядит довольно страшно.

Ведь в конце сороковых годов у нас насчитывалось, по осторожным оценкам, около пятнадцати миллионов заключенных, после войны на восток

эшелон за эшелонам везли бывших пленных, «власовцев», «бандеровцев», бытовиков, политических, колхозников, уголовников. Неужели же теперь — после тридцати лет относительного благополучия, после массовых реабилитаций — число заключенных уменьшилось только наполовину?

Общее число заключенных у нас скрывается. По приблизительным подсчетам, их не менее трех миллионов — свыше 1% всего населения. Но г-н заместитель министра, желая прихвастнуть «сокращением судимости», рисует более мрачную картину — что-то около семи-восьми миллионов.

Сравнивая свои тюремные впечатления 1965 и 1970-73 годов, хочу сказать, что число заключенных за это время скорее увеличилось, чем уменьшилось. Хотя почти во всех тюрьмах, где мне пришлось побывать — в Москве, Свердловске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Магадане, — построены или строятся новые корпуса, но камеры переполнены, на десять мест иногда приходится тридцать человек, на этажах в семиместное купе набивают пятнадцать-двадцать. В Магаданской области, с населением 400 000, где сейчас отбывают наказание только местные жители, при мне к двум тюрьмам и пяти лагерям добавили еще один, вдобавок женщин и несовершеннолетних отправляют в лагеря в другие области.

Положение политзаключенных трагично — они принадлежат к наиболее чуткой и наиболее честно мыслящей части нашего народа и вместе с тем к изнуренной и озлобленной многомиллионной массе заключенных. Надеюсь, что тем, кто лишили

их свободы, не удастся к тому же еще и оболгать их.

*Январь 1976,
Москва*

Опубликовано в отрывках в «Le Monde» 11-12.1.76 (Франция), «Elseviers Magazine» 24.7.76 и «Centraal Weekblad» 5.3.77 (Голландия), «Menschenrechte» № 6, 1976 (ФРГ)

НЕЖЕЛАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В КАЛУГУ

Утром 24 февраля в Москве должен был начаться XXV съезд КПСС.

Вечером 20-го мы с женой были в гостях у нашего друга, американского дипломата. Мы попросили его встретить нас на улице : очень часто милиционер, стоящий у ворот, не пускает гостей, спрашивая : куда ? зачем ? ! предъявите паспорт !

Меня насторожило, что кроме постового, у ворот стояли подполковник и майор милиции, оба в парадной форме. Они напряженно молча смотрели на нас. Я подумал, что это, быть может, усиленные меры безопасности накануне съезда, но тревожное предчувствие не оставляло меня.

Когда мы вместе с нашими друзьями Иной и Виталием Рубиными выходили около часу ночи, в воротах уже никто не стоял. Переулок был пуст, но метрах в двадцати позади нас как-то неожиданно появилось двое мужчин. Выйдя на Ленинский проспект, мы простились с Рубиными и прошли несколько шагов к стоянке такси.

Почти сразу же возле нас затормозила машина, выскочили двое и со словами : « Сюда, сюда, Андрей Алексеевич ! » — схватили меня. Я стал

отбиваться, говоря: «Я сяду, но предъявите сначала ваши документы». Уже наполовину затолкав меня в машину — а третий помогал им изнутри, — один из них, видимо старший, грузный мужчина с испитым и обвислым лицом, показал мне красную книжечку, ладонью закрывая, впрочем, свою фамилию и название учреждения, которое ему эту книжку выдало. Некоторая форма тем самым все же была соблюдена, и я без дальнейшего сопротивления сел в машину. Растерявшаяся Гюзель успела только крикнуть: «Куда вы его везете?» — и мы отъехали.

— Ну вот, давно бы так, Андрей Алексеевич, — сказал старший, — ведь не первый раз.

При этом он все время нервно оглядывался. То, что он не показал мне своего удостоверения, меня даже успокоило: значит, боятся меня. Все, впрочем, носило скорее характер киднаппинга, чем законного задержания.

Обвислый все еще пыхтел и нервно ерзал, не успокоясь от азарта борьбы.

— Чего ж вы так нервничаете, — сказал я, — ведь вы же власть, вы сила, чего вам беспокоиться?

— Мы же живые люди, не из железа, — ответил он обиженно.

Вообще, надо сказать, в продолжение этой истории я сохранял больше хладнокровия, чем мои похитители и те, с кем мне пришлось потом говорить. Отношу это не за счет своей храбрости или выдержки и не хочу сказать, что я не боялся за свою участь, но все это действительно было привычно для меня — не первый раз, все уже не раз

пережито, и этот оттенок рутины как-то делал меня спокойным.

Также я думал, что Рубины еще не успели сесть на троллейбус, и Гюзель с ними. Так оно и оказалось. Едва мы приехали в 5-е отделение милиции на Арбат и меня завели в комнату, как за окном я услышал голоса Гюзель и Виталия. Дежурная часть, где они уселись дожидаться, находилась справа от входа, а комната, где находился я, — слева. Она служила, видимо, классом для милицейских занятий, по стенам были развешены схемы автоматического оружия и выдержки из приказов и инструкций.

Здесь я провел часа два. Охраняли меня то двое, то один — человек еще довольно молодой и совершенно индифферентный. Он предложил мне «Вечернюю Москву», и я даже начал решать кроссворд. Как оказалось, похитители мои тоже этот кроссворд решали и даже стали спрашивать меня то или иное слово. К стыду своему должен сказать, что силы наши оказались примерно равны, я, так же, как и они, споткнулся на трагедии Эврипида — а они почему-то думали, что уж что-то, а трагедии Эврипида я знаю. Несколько раз спрашивали они у меня паспорт — и тут же возвращали. Наскучив ждать, я лег на лавку и задремал немного.

В 1965 году меня арестовывал капитан Киселев. Я описал его впоследствии в своей книге «Нежеланное путешествие в Сибирь».

Тут дверь в комнату открылась, и вошел майор Киселев. Оказалось, что он дежурный по отделению, да я его уже видел мельком. Он обиженно завел разговор, что же это я с ним не

здоровуюсь, не узнаю «старых друзей». Я уже был устал и к разговорам не расположен. Когда Киселев начал отца моего вспоминать, я его оборвал: такие, как он, свели отца в могилу. Киселев обиделся еще больше, но стал рассказывать, что вот он постарел — вид действительно было очень уж обрюзглый и серый, — но на пенсию еще идти не хочет.

— Что ж, тебе твоя поганая работа так нравится? — спросил я.

— Должен же кто-то здесь работать! — раздраженно ответил Киселев, ушел и больше не заходил.

Свое раздражение он начал срывать на Гюзель и Рубиных. Но, впрочем, и с моими посетителями был не очень любезен. Как мне потом рассказали, он все время повторял, препираясь с ними за стеклянной перегородкой: «Меня это не касается! Это ваше дело! Я в это вмешиваться не буду! Он человек известный! Я вам и так выделил комнату, сами все решайте!»

Те суетились, звонили куда-то, один подсел к жене и друзьям, выставив огромное ухо, приехали на машине еще двое. Я лежал и дремал в комнате в другом конце коридора.

— Вставайте, Андрей Алексеевич, поедем, — сказал входя тот, кого я принимал за старшего. Мы сели в ту же машину, молодой рядом с шофером, а я сзади, по обе стороны подсели мои похитители. Были они довольно толсты, но на меня же и ворчали, садясь, что я занял много места.

Куда меня везут, я не спрашивал, как не спрашивал и о причинах задержания. Повернули мы к центру, и я подумал: не на Лубянку ли? Но

на проспекте Маркса свернули направо, к Каменному мосту, я подумал: в Лефортово? Но мы выехали на Варшавское шоссе. Все молчали, один оглядывался, нет ли за нами машины. Вдруг сосед мой слева, лет пятидесяти, тоже обрюзглый и с нездоровым цветом лица — почти общий их признак — и с отвратительным запахом изо рта, повернулся ко мне и спросил: «Как ваша фамилия?»

— Ну вот, задержали меня и даже не знаете, как моя фамилия, — сказал я.

— Амальрик Андрей Алексеевич, — насупившись, сказал мужчина, и неожиданно зло добавил, — Ты где работаешь?!

— Что ж это, были на «вы» и вдруг сразу на «ты»?

— А вам это не нравится?

— Я уже столько всего от вашего брата слышался, что мне в общем все равно, — сказал я, — но если вы хотите со мной разговаривать, вам лучше быть вежливым и также самому назвать себя. Кто вы такой?

— Сотрудник уголовного розыска Чернов, — сказал тот, обдавая меня мерзким запахом. Из какой-то странной стыдливости оперативники КГБ постоянно выдают себя за сотрудников уголовного розыска. Помню, еще в 1962 году меня вот так же ночью схватили, предъявили даже удостоверение уголовного розыска — и отвезли на Лубянку, при этом старший мне сказал гордо: «Видите теперь, кто мы такие!»

— Что вы так нагло себя ведете?! — продолжал мой сосед.

— Разве я оскорбил вас чем-нибудь?

— Не меня, вы наше общество оскорбляете вашей клеветой!

— А вы, — сказал я любезно, — говорите сейчас как бы от имени общества?

— Да, от имени общества.

— Вы, я вижу, с недоверием к этому относитесь, Андрей Алексеевич, как и ко всему другому, — миролюбиво вставил мой правый сосед.

Мы помолчали. И снова левый завел разговор: вы нигде не работаете, ваша работа — распространение клеветы. «Мы все знаем, выдаете себя за историка, понимаете ли, всякие враждебные интервью даете — и в них не все правда! Кто вашу жену вызывал, предлагал ей развестись?! Пишите всякую клевету!»

Я догадался потом, что, видимо, у него так в голове отразилось мое письмо президенту Форду и премьер-министру Ден Ойлу. Я пишу там, что советские власти отказываются рассматривать приглашения советским гражданам от иностранных университетов, и что я и по частному приглашению не смог бы выехать, поскольку жене моей в выезде было отказано, а я боюсь выезжать без жены: известны случаи, когда советское правительство не разрешает женам выехать к мужьям, а мужьям вернуться к женам.

Между тем «Чернов» все продолжал бубнить, что им мои интервью известны, статья о политзаключенных тоже — «да, лагеря у нас есть, вот для таких, как вы», — ждут только из-за границы некоторые дополнительные материалы, чтобы дать мне хороший срок. Я молчал, все эти разговоры — а они утомительно один на другой похожи — давно мне известны; так мне было

неинтересно все это, что даже неинтересно было сказать ему что-нибудь обидное. Я молчал, но это его, вероятно, еще более злило.

Тут мы подъехали к границе Москвы. Постовой ГАИ махнул жезлом, чтоб мы остановились, но мои похитители только усмехнулись — и тот отскочил с дороги, сам что-то сообразив.

— К вам на родину едем, — сказал мне правый.

— Ну, родился я в Москве, так что скорее едем с родины, а впрочем здесь все кругом моя родина.

— Да есть ли у вас родина! — снова ввязался левый.

Тут обнаружилось, что едем не туда: шофер не знал дороги. Мы выехали на кольцевую и через несколько километров снова повернули от Москвы — на этот раз по Калужскому шоссе.

— Теперь Андрей Алексеевич «Нежеланное путешествие в Калугу» сможет написать, — все не унимался левый, — мы ведь знаем ваше «Нежеланное путешествие в Сибирь».

Хотя мне приходили в голову самые мрачные соображения, я теперь наиболее вероятными считал, что либо меня везут в Ворсино — поселок, где я прописан и снимаю комнату, и там поместят до конца съезда под домашним арестом, как это следали с Иной Рубиной, либо в Боровск — районный центр, где без всякого «оформления» продержат в КПЗ до конца съезда, как Виталия Рубина держали во время визита Никсона. Сам Никсон, насколько я знаю, против этих превентивных арестов никак не протестовал.

«Представитель советского общества» наконец замолчал и больно уперся локтем мне в бок. Я выждал, пока он поднял руку, чтоб закурить,

изловчился и сам уперся локтем. Было душно, от неподвижности начали затекать ноги. Между тем мои догадки не подтвердились: мы миновали поворот на Ворсино, затем на Боровск.

Через два с половиной часа мы въехали в пригород Калуги: по обочинам замелькали маленькие деревянные дома. Левый сосед снова заговорил: клевета, интервью, собираем материал, вас ждет судьба Ковалева — я это вам гарантирую, третий срок — пойдете на особый режим, довольно с вами по-хорошему разговаривали. Заговорил так убедительно, что я уже подумал, что действительно привезли в Калугу за третьим сроком — зачем же еще им меня сюда везти? Говорил ли он это по своей инициативе или ему поручено было меня пугать — не знаю. Если специально его выбрали для этого, то удачно, потому что мерзкий запах, исходивший от него при каждом слове, очень усиливал впечатление.

Шофер снова не знал дорогу, с трудом выехали на центральную улицу. Сосед справа сказал: «В Калуге музей космонавтики хороший, теперь вот Андрей Алексеевич сможет посмотреть». «Как же я его посмотрю, — ответил я, — когда, по словам гражданина Чернова, я буду сидеть на особом режиме».

— Себя хоть пожалейте, Андрей Алексеевич, — сказал, выходя и предлагая мне выйти, сосед справа, таким тоном, что нас, мол, не жалеете, заставляете по ночам работать, пожалейте хоть себя.

Прождав в холле УВД десять минут, я снова был усажен в машину и, наконец, доставлен в райотдел милиции на окраине Калуги.

— Выкладывай вещи, деньги! — вместо всякого приветствия сказал дежурный офицер. Мои похитители стояли в дверях с безразличным видом.

— Я хотел бы узнать, за что я задержан и почему привезен сюда.

— Откуда я знаю, — ответил лейтенант, — придет завтра начальник, у него спроси.

Так же равнодушно я был обыскан — отобрали бумажник, записную книжку, очки, часы, шарф и кошелек, — отведен в туалет, и сержант распахнул дверь камеры.

Человек пятнадцать, большей частью пьяных, лежали и сидели на грязном полу. Казалось, некуда даже ступить. Запах был нестерпимый, кто-то уже помочился в угол. Через зарешеченное окно без стекла, выходящее в комнату дежурного, проникало немного воздуха, через окно я увидел, как похитители принялись потрошить мою записную книжку. Удивило меня, что мне не предложили подписать какой-нибудь протокол и даже описать изъятых вещей.

С трудом подвинув двух спящих, я разложил дубленку и прилег на полу. У одного из сокамерников не отобрали часы: было шесть утра. Он сказал, что начальник придет около десяти.

Я лежал, закрыв глаза, но заснуть не мог. Открываю: какая-то страшная рожа передо мной, щетинистая, морщинистая, грязная, вся в синяках, в крови, дышит перегаром. Кто-то матерится бессмысленно, кто-то кричит во сне, размахивает руками. Часам к восьми все начали просыпаться, рассаживаясь по узким лавкам вдоль стен. Один только, с опухшим лицом, без пальто и шапки

продолжал лежать на полу. Он, собственно, и попал сюда за то, что хотел спяну снять пальто с кого-то: на улице было довольно морозно, а куда он свое дел — не знаю.

К тому, что меня привезли из Москвы, все отнеслись без интереса. Сидели хмурые, с похмелья, ожидая суд и расправу. Многие попали за драку, некоторых жены посадили. Сидело много и просто пьяниц. Один, к моему удивлению, тут же выпил собственную мочу, чтобы от него не пахло. Остальные одобрили это. Все почти были здесь уже не первый раз. Просились у дежурного сержанта в туалет, просили, чтоб дверь открыл — дышать нечем. Тот отвечал лениво и вызывал по одному подписывать протоколы.

Веселился только блатной лет тридцати, отпускал шуточки и прибауточки, через несколько часов я увидел его весьма приунывшим — его обвинили в краже и переводили в тюрьму, это был его второй срок. Обратил мое внимание мужчина почтенного вида: он разошелся с женой, получил новую квартиру, поехал на старую за своей мебелью и не отказал себе в удовольствии спяну всю мебель переколотить — как свою, так и жены, ей самой, я думаю, попало при этом. Теперь он очень убивался и говорил, что много бабам воли дали, слова им не скажи.

Действительно, создался у нас странный вид семьи, где всякие семейные неурядицы решаются только с помощью милиции. Жены все время призывают милицию, мужья садятся на пятнадцать суток или на несколько лет, а потом к этим же женам возвращаются. Впрочем, и мужья хороши.

В полдесятого пришел заместитель начальника

отдела, в штатском, как сказали, майор, и началось разбирательство. Вызывали из камеры поодиночке. Майор, сидя за столом, орал: «Сколько мне, негодяи, еще с вами возиться, отравляете жизнь и себе, и людям! Ты сколько не работаешь?! Ты почему пьешь?! Ты почему нассал на улице?! Ты почему рукам волю даешь?!» — и так далее. В ответ провинившийся, стоя перед майором, мямлил что-то, у всех выходило так, что никто ни в чем не виноват. Решения принимались быстро: этому штраф 30 рублей, того на суд получать пятнадцать суток, того к следователю для начала уголовного дела. Одного только, обругав, отпустили.

Кто-то, я слышал, назвал начальнику мою фамилию. «Это я даже смотреть не буду», — ответил тот и ушел.

Народ постепенно начали выводить из камеры — кого в КПЗ в ожидании суда, кого к следователям. Часов в 12 я сказал лейтенанту, зашедшему за кем-то, что сижу с ночи и мне не объяснили, за что я задержан, почему привезли сюда и что со мной собираются делать.

— Не работаешь! — ответил тот.

— Пусть даже не работаю, это ведь не основание для задержания и привоза сюда, к вам-то я никакого отношения не имею.

— Имеешь! — сказал лейтенант и захлопнул дверь.

Так прошло несколько часов. Меж тем ввели в камеру явно сумасшедшего, который непрерывно громко говорил какую-то бессмыслицу. Я вспомнил, как в 1965 году, сразу же после суда, провел я в камере несколько часов с таким же

вот сумасшедшим — и как мучительно это для меня было, казалось, что сам с ума сойду. И вот как я теперь притерпелся: я почти и не замечал этого человека, так, досаждал немного.

Меня перевели в соседнюю камеру, одного, потом привезли двух пьяных женщин и меня вернули в общую. У женщин этих тоже началась дискуссия о работе.

— Сука ты! — кричала одна. — Я какая никакая, но я работаю, я пользу обществу приношу. А ты?

— Проститутка! — кричала другая, но не так уверенно.

— Скоро ли решится дело со мной? — обратился я к старшему лейтенанту, который переводил меня из камеры в камеру.

Тот, по виду армянин, ответил вежливо: «Подождите немного, вопрос решается», — и предложил мне, раз у меня есть деньги, кого-нибудь послать купить мне поесть.

— Послать можно, — сказал я, — но ведь вы, очевидно, обязаны накормить меня.

— Да нет, мы к вам никакого отношения не имеем, — ответил старший лейтенант.

Мне купили две бутылки кефира и булочки. Я попросил также вернуть очки — и тут же их вернули. Вообще со мной делались все любезнее.

Выпив бутылку кефира, я в одиночестве разувал по камере: сумасшедшего отпустили, чтобы не возиться с ним. Глядя на закиданные бетоном коричневые стены, я снова чувствовал себя зэком.

В дежурку меж тем ввели нового задержанного. Размазывая кровь по лицу, он заплетающимся языком предлагал старшему лейтенанту забрать

себе двадцать рублей, а ему оставить только деньги на троллейбус, чтобы он мог доехать к горячо любимым им детям. У него было два портфеля. Раскрыли один — в нем оказалась только дамская сумка. Начали открывать второй, но что в нем было — я так и не узнал: в дежурку вошли двое молодых людей в штатском, меня сразу же вывели из камеры, а владельца портфелей и сумок втолкнули на мое место.

Молодые люди поздоровались со мной — любезно, но сдержанно, забрали мои вещи, я расписался за купленные продукты. Во дворе ждала зеленая машина, похожая на армейский джип, без каких-либо милицеских знаков на ней, но с милиционером за рулем. Мы снова проехали через центр, мимо зданий УВД и УКГБ и выехали на шоссе, ведущее в Москву. Было 4 часа дня, 21 февраля, суббота.

— Вы знаете, куда мы едем? — спросил молодой человек на переднем сиденье.

— Нет, — сказал я, — я не спрашиваю обычно, куда меня везут, так как мне все равно не отвечают.

— Мы едем в Боровск.

— Зачем же? — спросил я.

— Вот мы приедем, там об этом с вами будет разговор, — ответил тот, подтвердив тем самым еще раз, что ничего не нужно спрашивать.

Старший лейтенант, дежурный Боровского райотдела милиции, встретил нас широкой улыбкой.

— Мы знакомы, мы знакомы, — говорил он моим штатским спутникам. — И с вами мы, кажется, знакомы, — обратился он ко мне, улыбаясь.

Ввели меня в коридорчик за комнатой дежурного, сюда выходили двери КПЗ и слышны были веселые голоса и смех заключенных. Старшина из коридора ободряюще кричал: « Скоро будет чай, ребята! » Все носило довольно патриархальный характер, и я подумал, что среди этих « ребят » мне будет лучше отбывать пятнадцать суток, чем в Калуге.

Я прождал минут десять. « Прошу, пожалуйста », — сказал дежурный и провел меня наверх, в кабинет заместителя начальника отдела. Черноволосый майор, с добродушным лицом, еще не старый, сидел за своим столом. Справа от него, набычившись, сидел прокурор в мундире советника юстиции, точь-в-точь напомнивший мне тех районных прокуроров, которых мне приходилось видеть раньше. Сбоку присел доставивший меня молодой человек, он назвался Суриным.

Я поздоровался и присел к столу, тут и майор, впрочем, сказал: « Садитесь ». Он же и начал разговор с упреков, что вот посылают они мне четыре месяца повестки, а я по ним не являюсь, в связи с этим и пришлось меня задержать.

Я ответил, что за прошедшие четыре месяца никаких повесток от них мне в Ворсино не приходило, равно как и на адрес жены в Москву.

— Жена ваша нас не касается, мы ей для вас посылать ничего не будем, — сказал прокурор.

— Вы у себя найдете повестку на 26 февраля, — сказал майор, — можете по ней не приезжать, так как мы вызывали вас для этого разговора.

Эта милицейская повестка — единственная за все время моей прописки там — действительно пришла в Ворсино и, вопреки словам прокурора,

в Москву, на адрес жены. Повестка была отправлена из Боровска 19 февраля, пришла в Ворсино 21-го, в Москву 22-го, в ней я приглашался « по вопросам прописки » в райотдел милиции 26 февраля. Вот в связи с тем, что по этой повестке я 26 февраля не явился в Боровск, я и был задержан в Москве в ночь с 20-го на 21 февраля. Так были смещены все законы времени и пространства, но никого это, кажется, не удивило.

Да и в самой повестке был маленький обман, вызывался я вовсе не по вопросам прописки.

— Где вы работаете ? — спросил прокурор. И не успел я рта раскрыть, как он еще раз повторил : — Где вы работаете ? Вы зачем прописались в Боровском районе ?

Я ответил, что прописался в Боровском районе — причем с большими трудностями — не потому, что хотел бы жить и работать здесь, а потому, что мне не разрешили жить в Москве у моей жены, и что я нахожу в высшей степени нелепым, что мужу не разрешают поселиться у жены.

Прокурор начал возражать обстоятельно, что многие у них так прописываются, живут и работают, пока у них судимость не снимается, — и тогда они могут возвращаться к женам, но почувствовал, что это отвлекает его от главной темы, и снова несколько раз настойчиво повторил :

— Где вы работаете ? Где вы работаете ? ! У нас такой принцип : кто не работает, тот не ест !

— Ну да, это слова апостола Павла, — согласился я. Я тут вообще немножко развеселился, как увидел, что самые мои мрачные предположения не сбылись.

Прокурора же, напротив, апостол Павел очень раздражил :

— Что вы, понимаете, тут нам апостолом Павлом тычете, мы это знаем лучше вас. Где вы работаете ?

— Вот вы так кипятитесь, так напираете, не даете мне слова сказать, — сказал я, — а посмотрите на меня, только что пережил я такую передрагу, а посмотрите : я прямо-таки излучаю доброту.

Я при этом улыбнулся как можно шире, эту доброту излучая, и хотел добавить еще, что в народе даже сложилась поговорка « добр, как Амальрик », но этого не понадобилось : прокурор успокоился как-то, и разговор пошел спокойней.

Вступил майор : я у них в районе более четырех месяцев прописан, они меня это время не тревожили, а теперь хотят узнать, как я, где работаю ?

Я ответил словами Юрия Мальцева, что работаю за своим письменным столом. Я писатель, это моя работа, и я не вижу необходимости заниматься какой-нибудь другой. Я состою в писательской организации : я член-корреспондент голландского отделения пен-клуба.

— Но этот же пен-клуб в Голландии, — сказал прокурор, — а нам нужно, чтобы вы работали на территории Боровского района.

Я сказал, что еще были некоторые обстоятельства. Мы с женой подавали заявления на временный выезд за границу — тоже не было смысла устраиваться куда-либо, ведь у нас наоборот увольняют людей, подавших заявления о выезде. Не исключено также, что после такого обращения со мной, как за эти сутки, мы подадим заявление

на постоянный выезд из СССР. Наконец, из-за последствий гнойного менингоэнцефалита я очень быстро устаю, в лагере был инвалидом второй группы и никаким принудительным трудом заниматься не буду.

Прокурор и майор приводили мне по ходу дела возражения, примерно в том духе, что пока я еще не за границей и что работу мне можно подыскать нетяжелую. Затем они сказали, что пока что просто беседуют со мной, хотя могли бы сделать формальное предупреждение, что они советуют мне съездить в Москву, посоветоваться с женой о трудоустройстве, и что вот он, прокурор, приглашает меня к себе 24 февраля на беседу, он хочет помочь мне в устройстве на работу.

Я сказал, что я заеду к прокурору и с удовольствием с ним поговорю, что же касается формального предупреждения, то, насколько я слышал, СССР ведь подписал международную Конвенцию об упразднении принудительного труда.

— Мы ведь не ради вас ее подписывали, — здраво возразил прокурор.

После этого он ушел, мне же майор начал подсовывать бланк для объяснения, где я живу, почему не работаю. Я ничего писать не стал. Сначала я мягко говорил, что мне, дескать, прокурор велел сначала с женой посоветоваться, а я такой муж, что за меня все жена решает, — таких мужей, кстати, в России много, а затем, уже немного рассердившись, сказал, что ничего подписывать не буду, а если задержат меня, как грозят, то и вообще разговаривать не буду.

Бланк тогда майор убрал и начал заполнять формальное предупреждение об устройстве на

работу в течение месяца; оно было отпечатано на ротапринте, выдержано в довольно туманных выражениях, говорило об ответственности, но ни на какие статьи УК не ссылалось. Так что и здесь они меня немножко обманули, говоря сначала, что хотят просто побеседовать, думали, что я так охотней соглашусь писать объяснение.

Ввели двух женщин, понятых — пожилую учительницу и еще какую-то девушку. Учительница все ахала: как же это так вы не работаете, мы вот и детей на труд воспитываем! Было в ней что-то трогательно провинциальное, такой тип сейчас встречается только в маленьких городках.

Я спросил, не возьмут ли они меня на работу в школу.

— У нас штатных мест мало, несколько учителей, завхоз.

— А вот завхозом, из меня получится прекрасный завхоз.

— Не надо, Андрей Алексеевич, издеваться над людьми, — сказал мне с укором майор.

Меж тем улыбчивый дежурный написал уже рапорт, что я отказался давать объяснения. Понятые все подписывали, спрашивая: «Нас-то не посадят?»

Я хотел сказать, что их посадят, если я не устроюсь на работу, но вспомнил, что не надо издеваться над людьми.

Никто, впрочем, ни над кем не издевался, все были друг с другом вежливы, ни в майоре, ни в старшем лейтенанте не чувствовалось никакой личной вражды ко мне, делали то, что им приказали, но без азарта. Только прокурор еще в начале разговора упрекнул меня, что вот, дескать,

из-за меня им приходится сидеть здесь вечером в субботу.

Желая сделать майору приятное, я напомнил, как он однажды удачно выразился о милиции. Майор заволновался, человек в штатском вытянул ухо. Когда я хлопотал о прописке и меня отсылали за разрешениями в Москву и в Калугу, я сказал этому майору: «Ведь вопрос можно было решить на месте, вы сами себе даете лишнюю работу». «Ничего, нас зато много», — ответил он словами Зои Космодемьянской.

Человек в штатском тоже поговорил со мной.

— Вот вы сказали, что вы писатель. Что вы пишете?

— Пьесы.

— «Просуществует ли СССР до 1984 года?» — это вы написали?

— Да, я. Вы, значит, слышали об этом?

— Слышал от Гинзбурга, когда в Тарусе был в командировке.

В Тарусе я сначала хотел прописаться и думал даже купить там дом, но меня остановило то, что там открыли отделение КГБ, не говоря уже о наездах командировочных. Когда я заметил моему собеседнику, что в Москве меня задержала не милиция, а оперативники КГБ, он поспешно сказал: «Я к КГБ не имею никакого отношения».

Меня проводили вниз, вернули все вещи, и через час я был на железнодорожной станции, а около десяти подъезжал к Москве. В поезде я дремал все время, после бессонной ночи.

С вокзала я позвонил Гюзель, но ее не было дома. Я подумал, что она скорее всего у Рубиных, поеду к ним. По пути я решил сойти на Смо-

ленской площади и купить бутылку шампанского в честь моего счастливого освобождения.

Вагон метро был почти пуст; напротив меня сидел молодой человек в красном шарфике, на моей стороне, немного подальше, другой. «Как все же тяжело, — подумал я, — как система формирует людей, вот двое первых попавшихся советских людей, а лица у них — настоящих стукачей». С этой мыслью я поднялся и пошел к дверям: поезд подходил к Смоленской. С безразличным видом поднялся один молодой человек, следом за ним второй.

Оказалось, что гастронорм уже закрыт. Я повернул назад, сразу же за углом стоял один из моих вагонных попутчиков. Не оглядываясь, я спустился в метро, как раз подходил поезд, пассажиры толпились у дверей, я остановился на платформе, двери закрылись, и поезд отошел. Остался я, двое молодых людей в красных шарфиках и еще один, немного в стороне.

Я повернулся, чтобы идти назад, и тут один из них подошел ко мне и, с ненавистью глядя в глаза, сказал: «Долго ты, падла, будешь с нами в прятки играть?!»

Я весь напрягся, а тот продолжал: «Тебя, суку, еще отпустили, нянчатся с тобой! Ты что, не понимаешь, что съезд на носу, мы из-за такого говна, как ты, не будем рисковать нашим славным съездом! Пиздуй домой и сиди там — дома мы тебя не тронем!»

Я оглянулся: нет ли поблизости милиционера? Хотя обращение к милиции в таких случаях не помогает, но все же какая-то зацепка. Вспоминаю рассказ Петра Григорьевича Григоренко, как в

1968 году следил за ним такой же филер, и Петр Григорьевич подошел к милиционеру, тоже в метро, и сказал: « Меня все время преследует какая-то подозрительная личность, не знаю, что у него на уме ».

Милиционер решительно направился к филеру и гаркнул: « Кто такой?! Почему пристаёте к гражданину! Где работаете?! »

— Я к нему не пристаю, просто гуляю, работаю слесарем, — отвечал тот.

Какой милиционер будет церемониться со слесарем, а у Петра Григорьевича вид был еще довольно генеральский, и милиционер начал бесцеремонно охлопывать « слесаря » по карманам и вытащил из нагрудного красную книжечку, заглянув в которую изменился в лице и гаркнул уже на Петра Григорьевича: « Что вам, гражданин, надо! Никто вас не преследует! Проходите! »

На этот раз милиционера поблизости не было, вообще станция была пустынна.

Тогда я миролюбиво ответил ему, что им нечего беспокоиться, ничем съезду я мешать не собираюсь, домой я сейчас не поеду, да я и боюсь после этих угроз быть один дома — а поеду к друзьям.

— Поедешь к друзьям — пеняй на себя! — сказал филер, добавив несколько ругательств. — Здесь тебя не тронем, а на улице будем ты да я — тогда смотри!

— Беда в том, что не один ты здесь, как я вижу, — сказал я.

— Нас здесь таких много, — ответил он, опять словами Зои Космодемьянской, и отошел.

Я не знал, как мне лучше поступить. Эти угро-

зы могли быть не пустым звуком — известны были случаи, когда агенты КГБ избивали людей на улицах. Моему колымскому знакомому Николаю Жуку проломили голову, а затем поместили на несколько месяцев в психбольницу — якобы для излечения.

Дом мой был тут же, на улице Вахтангова, рядом со Смоленской. Но домой я не пошел. Доехав до площади Революции, я вышел из метро, пересек проспект Маркса и свернул на Кузнецкий мост. Я шел в сторону Телеграфного переулка, где жили Рубины и где я надеялся застать Гюзель.

Проходя по уже пустынному Кузнецкому, я слышал за собой шаги соглядатаев. Уже на выходе на Лубянскую площадь — ныне площадь Дзержинского — я остановился у застекленной двери, задернутой кремовой занавесочкой, и хотя внутри было темно, надавил на дверь и вошел внутрь. Этот новый план пришел мне в голову еще на Смоленской.

Внутренняя дверь оказалась закрытой, но был еще ход вбок, в маленький тамбур, где стоял стол и висел ящик с прорезью для бумаг. Тут же во внутренней двери, с такими же кремовыми занавесками, открылось окошечко и просунулось лицо прапорщика в форме с голубыми петлицами. Это была приемная КГБ.

— Что вам угодно? — вежливо спросил прапорщик.

— Моя фамилия Амальрик, — сказал я, — я хотел бы поговорить с кем-либо из ваших старших сотрудников.

Тот вызвал дежурного офицера, совсем молодого

го лейтенанта, видимо только-только из курсантов. Он спросил у меня паспорт, смотрел в него с удивлением, и попросил рассказать, в чем дело, он здесь один, из-за позднего часа никого старше нет.

Ему все объяснять было довольно бесполезно, но я все же в общих чертах сказал, что их сотрудники, которым поручено следить за мной, мне угрожают : избить меня или чуть ли не убить. Лейтенант ушел звонить кому-то, вернулся и говорит :

— Есть два варианта : либо напишите сейчас заявление, либо зайдите в понедельник, здесь будут товарищи, они вам окажут помощь.

— Какую же помощь, — сказал я, — если они мне сегодня голову проломают ?

Лейтенант руками развел, что ж, мол, поделаешь. Я все же попросил бумагу и написал заявление в КГБ, что их люди похитили меня, отвезли в Калугу и в довершение угрожают мне. Пока я писал, с улицы вошел мужчина в штатском, с широким обрюзглым лицом.

— Ну как, Вася, у тебя все в порядке ? — обратился он к лейтенанту, не обращая на меня внимания. Он прошел внутрь, а затем в окошечко вновь просунулся лейтенант и сказал :

— Это наш начальник обходит посты. Хотите поговорить с ним ?

Я к этому времени закончил свое сочинение и сунул в прорезь ящика.

— Ну что ж, поговорю, — сказал я, и лейтенант впустил меня.

Из вестибюля, довольно просторного, вел коридор направо, куда выходили двери кабинетов. Тут

меня начальник охраны встретил уже с радостной улыбкой, которая по его лицу — поперек себя шире — расплзлась от уха до уха. Вошли мы в кабинет довольно большой, со столом для заседаний, видимо, начальника приемной.

— Сотрудники ваши перед съездом нервничают, — сказал я, — начудили со мной немного. — И вкратце пересказал ему обстоятельства задержания и сегодняшние угрозы.

— Что-то странное вы говорите, — ответил тот, улыбаясь еще шире, — за такие дела, как вы говорите, самим можно в тюрьму угодить. Это, вероятно, не наши сотрудники были, а просто хулиганы.

— Чего ж хулиганам о съезде беспокоиться, — ответил я, — да они знали хорошо, кто я. Я ведь от вас и не требую, чтобы вы тотчас признали, что это ваши. Я не новичок: если им поручило начальство меня припугнуть, то мои жалобы бесполезны, но если они несут отсебятину — дело другое. Если им приказано за мной только следить, а они избить грозятся, то это уже нарушение приказа, а за нарушение приказа необходимо строго наказать. В России-матушке без строгости нельзя, у нас не Америка какая-нибудь.

Тут он снова заулыбался и закивал, мысль о строгости ему понравилась. Я тут еще вспомнил историю с Александром Воронелем, которому филеры грозились «ноги оторвать», если он от них «бегать будет», и им за это «самое большое выговор объявят». «Сравните, то человек без ног, а то всего выговор». Опять улыбка до ушей — сравнил: выговор или остаться без ног!

— Хорошо, хорошо, сразу же доложим начальству.

Я прошу, чтоб мне дали телефон, узнать насчет своего заявления. Начальник, дежурный и прапорщик мнутя: вы в любом справочнике найдете. «Вот и дайте мне из справочника, я же не Андропова телефон прошу». (Как оказалось, впрочем, жена моя Андропову сегодня уже звонила, меня разыскивая). Шепчутся долго и дают мне телефон.

Без четверти двенадцать я вышел на улицу. Кузнецкий мост был совершенно пуст. Я подумал: уж не решили ли мои преследователи, что раз я зашел в КГБ, то уже оттуда не выйду.

И только выйдя на улицу Кирова, я заметил: по одной стороне идет один, по другой — другой. Темным переулком я выходить к Телеграфному побоялся, пошел кружным путем через Чистые Пруды. Возле Меньшиковой башни нагнал пожилую еврейскую пару — единственных людей в переулке — и некоторое время шел прямо перед ними, чтоб были свидетели. Затем быстрее пошел вперед и вошел в подъезд шестиэтажного дома, где жили Рубины. Лифт не работал, и я поднялся на пятый этаж пешком. Казалось, что никто не вошел за мной.

Сердце у меня сильно билось. Я нажал кнопку звонка. Никто не подходил к двери. Я нажал еще несколько раз. Внизу стали слышны осторожные шаги: кто-то поднимался, но остановился посередине. Я позвонил еще раз — и начал медленно спускаться.

Навстречу мне поднимался мужчина в рабочих рукавицах, лица его я не рассмотрел: завидев

меня, он повернулся и стал спускаться. Когда я проходил в парадном мимо лифта, он сосредоточенно ковырялся там. Я подумал, что поздновато в 12 часов ночи в субботу чинить лифт.

В переулке не было видно ни одного пешехода. Метрах в десяти стояла машина с шофером. Я решил зайти во двор и посмотреть, есть ли свет в окнах, может быть Рубины дома и только боятся открывать так поздно. Едва я свернул в подворотню, как увидел, что во дворе, прямо при выходе из подворотни, стоят трое и тоже смотрят на окна. Отступать было поздно — и я пошел прямо на них. Когда я подходил, я слышал, как один сказал громким шепотом : « Сохраняйте спокойствие ! »

Не дойдя до них несколько шагов, но так, что видны были уже окна пятого этажа, я глянул вверх и увидел, что у Рубиных темно.

Недалеко жили мои друзья, и я решил переночевать у них. Идя по Телеграфному, я слышал, как заработал мотор машины. Когда я вышел на совершенно пустую и темную улицу Жуковского, мне стало не по себе. Был легкий мороз, каблуки мои отчетливо ударяли по льду. Так же отчетливо слышал я шаги за собой. Улица казалась мне длинной, шаги все приближались, я слышал уже пыхтенье за спиной. Или они хотели напугать меня, или действительно думали бить, или просто боялись упустить из виду — но они меня нагоняли.

Но тут я уже свернул во двор, в подъезд, на второй этаж — и позвонил, разбудив друзей, не чаявших меня увидеть. Прошли ровно сутки, как я вышел из дома дипломата на Донской.

Утром я был у Рубиных. Оказалось, что Гюзель нет у них: вчера поздно вечером она вернулась домой. Рубины рассказали, как они долго сидели в 5-ом отделении милиции, пока Киселев не сказал Гюзель: «Что вы сидите — вашего мужа отвезли по месту прописки...».

На следующий день поехали в Ворсино — «по месту прописки». Мои квартирные хозяева сказали, что я не появлялся. Пошли звонить в Боровск. Милицейский дежурный сказал, что меня там нет — действительно, меня привезли только через два часа. Попросили узнать в райотделе КГБ — говорят, там висит замок; прямо как у Войновича в «Необычайных приключениях солдата Ивана Чонкина».

Вернувшись в Москву, стали звонить дежурному милиции по городу — тот ничего не знает. Звонила ему энергичная Люда Алексеева, тот вешает трубку — она звонит снова. Наконец, позвонили Андропову — я в это время уже ехал из Боровска в Москву. Секретарь Андропова был очень любезен, говорил: «Я вам сочувствую, но мы тут ни при чем, нажимайте на милицию». Делал вид, что никак не может запомнить мою фамилию, было, однако, впечатление, что он знает о моем задержании.

У Рубиных телефон отключен. Я позвонил Гюзель из автомата — она уже ушла. Пока мы брали такси, недалеко от нас топтался человек, которого Рубины видели прошлой ночью и прозвали «кувшинное рыло». Едва мы сели, шофер сказал с удивлением: «За нами слежка».

За нами шла машина с номером «оби» — не московским и не калужским, хотя именно на ней

возили меня в Калугу. Видимо, на время съезда командировали в Москву « работников » из разных областей. Ввиду аврала на филерскую работу бросили, как ученых на уборку картошки, гебистов, привыкших сидеть по кабинетам. На Арбате за нами ходил и бегал, как мальчишка, дядя весьма начальственного вида.

Я не стал запоминать номера машин, которые за нами следили. Они их могут менять, когда им вздумается, на следующий день у одной машины они вообще спереди сняли номер. Знакомый рассказывал мне, что как-то за ним ездила машина с разными номерами спереди и сзади. Расплачиваясь с таксистом, я сказал: « Вдобавок к этому рублю вы получите еще и развлечение — сейчас вас будут допрашивать, о чем мы тут говорили ».

За Рубиным, когда он вышел от меня, слежки не было. Когда приехала Гюзель, она сказала, что и за ней никто не следил. Но стоило ей теперь выйти в магазин, как тут же появился хвост. Возле дома дежурили две машины: на улице и во дворе, в каждой четверо-пятеро человек. Гюзель стала свидетелем странной сцены: на нашу улицу въехала большая машина с иностранным номером и, остановившись вплоты к машине гебистов, включила полный свет. Осветились их бледные лица, они засуетились лихорадочно. Машина тут же дала задний ход, развернулась и уехала. Скорее всего кто-то и заехал для того, чтобы развернуться, но вышло довольно комично.

Машины дежурили всю ночь, мы утешали себя мыслью, что хотя и нам не очень приятно в осажденном доме, им, должно быть, еще хуже в душной, прокуренной машине. Гюзель видела,

впрочем, как в гастрономе, ходя за ней по пятам, один из них успел купить бутылку водки.

На следующий день, накануне съезда, мы решили уехать из Москвы, чтоб нас оставили в покое.

Поздно вечером позвонил Андрей Дмитриевич Сахаров и спросил, не смогу ли я завтра заехать к нему. Я обещал, но вообще немного побаивался, не подстроят ли провокацию по дороге. Я не исключал, что такая плотная слежка установлена на случай наших возможных совместных действий перед съездом. Теперь я думаю, правда, что скорее боялись каких-то моих шагов в связи с намерением выехать в Голландию и США.

Утром Андрей Дмитриевич позвонил, что, быть может, не стоит «искушать судьбу», и прочитал обращение об амнистии политзаключенных, которое он предлагал сделать в связи с открытием съезда. В середине нас прервали, однако через несколько минут ему удалось дозвониться и, хоть голос звучал еле-еле, мы благополучно закончили разговор.

Во второй половине дня я позвонил в приемную КГБ. Никто не отвечал. Тогда я позвонил начальнику приемной, снова повторил, что их сотрудники угрожали мне. Тот первым делом спрашивает: «Кто дал вам мой телефон?» — и продолжает в том духе, что надо, мол, проверить, кто кому угрожал. Я ответил: «Я и хочу проверить, я, во всяком случае, им не угрожал, и проверяйте быстрее — сегодня вечером или завтра утром мы уезжаем из Москвы».

В этот день, 23 февраля, если мы ехали на такси, за нами впритык шла машина, если шли

пешком — несколько человек, но машины останавливались на некотором расстоянии и к нам никто не подходил и ничего не говорил. Арбат выглядел, как улица в оккупированном городе: на каждом шагу милицейские и военные патрули и фигуры в штатском довольно недвусмысленные, полно служебных машин. Гюзель зашла в охотничий магазин рядом с нашим домом купить рюкзак — вместо привычных продавщиц за прилавком незнакомые мужчины, такой же сидит за кассой.

Вечером, нагрузившись книгами и продуктами — даже молоко приходится теперь возить с собой в деревню, — мы отправились на Киевский вокзал. В поезде, в конце вагона, виднелись те же самые лица, я сел к ним спиной. Однако в Ворсино никто из них за нами не вышел.

До нашего поселка идти километра полтора, частью темным перелеском. По счастью, с поезда сошло много народу — шли группами. Нас насторожило несколько мужчин, остановившихся впереди нас и как бы поджидавших кого-то, но, может быть, нас это уже не касалось. Забегая вперед, скажу, что в Ворсино мы не чувствовали никакой слежки, я сидел дома и спокойно писал эти записки *). К прокурору я, конечно, не поехал, но послал ему телеграмму, что если у него срочное дело, то милости прошу ко мне. Около один-

*) Как оказалось, на станции они дежурили, упустили нас все же, потом в Москве через неделю снова нашли и следили до 19 марта, с момента задержания получается ровно месяц.

надцати мы уже стучали в темные окошки дома, где я снимаю комнату.

На следующий день, 24 февраля, в Москве начался XXV съезд КПСС.

Несмотря на как будто благополучный конец, все происшедшее со мной напугало меня. Напугала, собственно, та нервность, с какой действовали власти, и то, что в каждый новый момент они как будто не знали, что со мной делать.

Заходил 18 февраля участковый инспектор на улицу Вахтангова, возбужденно спрашивал, где я могу быть. 19-го из Боровска послали мне приглашение на 26 февраля. Заранее еще, прослушивая телефонные разговоры, узнали, что вечером 20-го я буду в гостях, и схватили по выходе. Повезли зачем-то в 5-е отделение милиции и там долго выясняли, что делать со мной. Зачем-то отвезли в Калугу, там опять долго «согласовывали». Повезли 21-го в Боровск, не возвращая вещи, вроде бы с намерением посадить там на 10-15 суток, — и неожиданно отпустили, сделав только нелепое предупреждение и столь же нелепое приглашение к прокурору в день открытия съезда. Посоветовали поехать в Москву к жене — и тут же установили слежку, и не просто слежку, а с угрозами, чтоб сидел дома на улице Вахтангова — откуда ранее всеми мерами выживали. И наконец две машины и восемь-десять человек,

приставленных ко мне; ни за кем в Москве, кого я знаю, не было в эти дни подобной слежки.

Зачем все это? Если уж видели во мне какую-то помеху съезду, не проще ли было заранее предложить мне уехать из Москвы*). Мы и сами с Гюзель хотели уехать из Москвы накануне съезда.

Вообще в действиях КГБ есть, на первый взгляд, что-то странное. Все их обращение со мной по моем возвращении из ссылки оставляет впечатление, что они нарочно провоцируют меня на действия, ими же расцениваемые как «враждебные», вместо того чтобы дать мне возможность жить спокойно и не беспокоить их. Даже желая удалить меня из Москвы, они поступают как-то странно — разрушают наш загородный дом в Рязанской области, так что от него остается только часть стен, словно в него бомба попала.

Еще в 1970 году Борис Шрагин заметил, что по мере того как советское общественное движение выходит из подполья, открыто заявляя о себе, «в подполье» уходит КГБ, и методы его приобретают все более уголовный характер, даже с точки зрения того государства, безопасность которого он призван охранять.

Напоминает он своими действиями не только арабскую террористическую группу, не только сицилийскую мафию, но прямо-таки труппную подростковую банду: не только без суда прячут

*) В. Войнович, прочитав рукопись, предложил изменить эту фразу так: «Если уж видели во мне какую-то помеху съезду, не проще ли было заранее отменить съезд».

здоровых людей в психушки, не только похищают на улицах, избивают или угрожают избиением, не только отравляют наркотиками, но и разрушают и поджигают дачи, крадут деньги, прокалывают шины у автомобилей, рассылают анонимные письма, часто с матерной бранью, и так же бранятся по телефону.

Я уже много лет наблюдаю за этими людьми и вывел заключение, что их преобладающая черта — какая-то детскость или, действительно лучше сказать, подростковость. В них жестокость подростков, происходящая от незрелости подростковая неспособность понять чьи-либо чужие чувства, подростковая склонность отрицать все «не свое», подростковое стремление из всего делать тайну, подростковое преобладание эмоций над разумом, подростковые лживость и хитрость, а главное — типично подростковые ранимость и обидчивость.

Никого так нельзя больно ранить словом, как сотрудника КГБ, никто так болезненно не реагирует на любую насмешку, как они. Эта, кстати сказать, готовность к обиде, своеобразная презумпция обиженности, вообще черта полицейских в странах, где полиция играет исключительную роль, но у наших гебистов она уж как-то чрезмерно развита. Что же касается до меня, то тут они никак не могут успокоиться. Видимо, чем-то задел я их очень, раз они так злятся.

Но есть, быть может, в их действиях и расчет, и хитрость, тоже скорее подростковые. Раздувая случаи инакомыслия и даже провоцируя людей, КГБ хочет показать партийной верхушке свою

необходимость. КГБ, конечно, необходим этой системе, но подчас он приносит ей больше вреда, чем пользы.

*25 февраля—1 марта 1976,
Ворсино*

Опубликовано в « L'Express », июль 1976 и « Русская мысль » 1-15.7.76 (Франция), « Het Parool » 22-26.6.76 (Голландия), « Die Zeit » 2-4.7.76 (ФРГ), « Berlinske Tidende » 18.6.76 (Дания), « Harpers Magazine », август 1976 (США)

ВЗГЛЯД РУССКОГО НА СВОБОДУ СЛОВА

Я родился и рос в такой стране и в такое время, что само понятие свободы слова долго оставалось недоступным для меня. Составляя в тринадцать лет «свод законов» некоей воображаемой страны, я предусмотрел трехлетнее тюремное заключение за высказывание «неправильных мыслей». Когда моя тетя, которую я познакомил со своими законодательными планами и муж которой незадолго перед тем был посажен в тюрьму за «клевету на социалистический реализм», робко пыталась возражать мне, что высказывание своих мыслей еще не есть преступление, я горячо заспорил. Я убеждал ее — и она со мной согласилась, — что начини все говорить что хотят, неизбежно наступили бы полный разброд и анархия.

К сожалению, миллионы моих соотечественников и сейчас думают так же. Не все считают идеальным или даже нормальным то общество, в котором они живут, но, как и я четверть века назад, они полагают, что необходимо одномыслие, точнее «одноправильномыслие». Даже некоторые из тех, кто, отстаивая свои убеждения, шел за них в тюрьму, не захотели бы примириться со

свободой слова для своих идейных противников.

Можно условно выделить три степени свободы слова.

Во-первых, свободу мысли, когда человек берет на себя труд осмысливать происходящее, пытается давать ему свою оценку или сознательно принимает или отвергает ту оценку, которую ему предлагают другие.

Свобода мысли требует свободы высказывания; потребность сообщить свою мысль другим и получить тот или иной отклик на нее должна реализоваться, иначе невысказанная мысль умирает, как плод в утробе матери.

Наконец, потребность в общении между людьми настолько велика, что свобода высказывания перерастает в свободу печати, когда высказывание благодаря книгам, газетам, радио и телевидению становится достоянием практически всех, кто хочет познакомиться с ним. Право свободно читать и слушать так же важно, как и право свободно писать и говорить.

Опыт показывает, что это действительно три степени некоего единого понятия. Уничтожим свободу печати — и свобода высказывания, замкнувшись в маленьких группках, начнет хиреть и принимать все более провинциальный и узкий характер. Уничтожим свободу высказывания — и мысль, заключенная в голове, как в одиночной камере, неизбежно начнет хиреть и вырождаться.

Моя страна прошла через эти три фазы уничтожения мысли. После полной ликвидации свободы печати обмен идеями еще как-то пульсировал в отдельных группах и семьях, но затем страх и

огромное число доносов привели к тому, что те, кто еще продолжал думать, перестали говорить. Но невозможно было и думать, не имея возможности высказаться самому и услышать другого, а получая только однообразный идеологический паек. И люди переставали мыслить или, вернее, начинали «мыслить» точно в предписанных им рамках. Если бы в год смерти Сталина была внезапно объявлена полная свобода слова, едва ли великая страна сумела бы сказать что-нибудь значительное — было задавлено не только слово, но и мысль.

К счастью, сейчас мы наблюдаем начало обратного процесса. Одно из немногих русских слов, понятных всем без перевода, — это самиздат.

К пониманию необходимости свободы слова для всех меня привело сознание этой необходимости для меня, прежде всего как для писателя, ибо слово стало моей профессией и смыслом жизни. Но как только я начал отстаивать свое право на свободное слово, я стал получать один за другим трехлетние сроки заключения. Те самые трехлетние сроки, которые я тринадцатилетним мальчиком назначал за высказывание «неправильных мыслей».

Кажется очевидным, что свобода слова нужна писателям, журналистам — во всяком случае тем из них, кому есть что сказать, — ученым и вообще тем, кого в России называют интеллигенцией. Но можно думать, что для тех, кто занят повседневным и не связанным со словом трудом, кто озабочен мыслями о хлебе насущном, для тех свобода слова — роскошь, без которой можно обойтись и ради которой не стоит рисковать.

Казалось бы, во всяком случае в моей стране, подтверждения такому взгляду можно услышать на каждом шагу. « Живи и помалкивай » — девиз многих, « сболтнул лишнее » — пренебрежительно говорят о том, кто сказал что-то неугодное властям.

Между тем мой опыт общения с народом убедил меня, что все это совершенно не так, что потребность высказаться и быть услышанным — одна из самых глубоких потребностей человека. Все невысказанные мысли, как и произнесенные проклятия, не разлагаются бесследно, а разрушают человеческую психику и деформируют сознание.

Общество, лишенное свободы слова, — психически больное общество. Как психически больной человек может казаться нормальным, пока вы не заденете больные для него вопросы, так и подобное общество может казаться неискушенному взгляду здоровым. Но коснитесь запрещенных тем — число их в моей стране достаточно велико, — и вы столкнетесь с патологической реакцией. Западное общество снижает значительную долю своего напряжения уже тем, что оно говорит о своих проблемах.

Статью о свободе слова я хотел бы закончить осторожной похвалой цензуре. Писателю и вместе с ним всему обществу необходимы преграды и преодоления преград, чтобы чувствовать себя реально свободным и осознавать ценность свободы. Трагично положение человека, который всю жизнь простоят перед наглухо закрытыми воротами; положение того, кто всю жизнь обречен

ломиться в открытые ворота, — может стать комичным. Поэтому вопрос о свободе есть вопрос о ее пределах.

*5 августа 1976,
Брабант*

Статья была написана по просьбе Голландского объединения владельцев типографий и опубликована в их ежегодном сборнике за 1976 год, перепечатана в «Crossbow», весна 1977 (Великобритания)

С НЕДОВЕРИЕМ И НАДЕЖДОЙ

*Письмо в редакцию газеты « Унита »,
Рим, Италия*

Уважаемые господа !

В номере от 17.10.1976 Ваша газета поместила изложение моей беседы по телевидению с итальянскими журналистами, а на следующий день статью проф. Лучо Ломбардо Радиче. То, что представитель ИКП принял участие в беседе, а Ваша газета уделила ей столько места, очень радует и меня, и других советских инакомыслящих. Если ИКП не избегает дискуссии с нами, значит она гораздо более уверена как в своей идеологии, так и в своей независимости от КПСС, чем многие другие европейские компартии.

Однако статья проф. Радиче — выражает она мнение Вашей газеты или нет — оставляет впечатление, что ее автор либо не знает многих фактов, либо неверно истолковывает их. Поэтому мне хотелось бы сделать следующие разъяснения.

1. Проф. Радиче пишет, что ИКП много лет публично выражает несогласие с запрещением высказывать свои мнения и с преследованиями за это.

Однако на протяжении многих лет « Унита » не напечатала ни одного письма, направленного ей советскими инакомыслящими — некоммунистами, как Павел Литвинов и Юрий Орлов, и коммунистами, как Петр Григоренко и Иван Яхимович. Как раз то, что западноевропейские компартии, в том числе ИКП, проявляют безразличие к их борьбе с насилием, привело многих советских инакомыслящих к постепенному разочарованию не только в советской модели социализма, но и в возможности построения демократического социализма.

2. Проф. Радиче считает, что советские инакомыслящие теряют доверие и престиж, если они не заботятся о свободе повсюду, где ее угнетают.

В действительности большинство советских инакомыслящих понимает неделимость свободы и выступает против насилия во всем мире, откуда бы оно ни исходило — справа или слева. Вот примеры: Юрий Галансков перед посольством США в Москве устроил демонстрацию против введения американских войск в Доминиканскую республику; моя жена и я пикетировали английское посольство, протестуя против английских поставок оружия в Африку как против одной из форм неокolonизма; советская группа Международной Амнистии защищает политзаключенных не только в Югославии и в Шри Ланка, но и в Уругвае и в Испании, где ей уже удалось добиться освобождения нескольких коммунистов; весной этого года двадцать инакомыслящих, в том числе акад. Сахаров, проф. Орлов, д-р Турчин, ген. Григоренко и я, обратились с письмом к президенту Уругвая, протестуя против пыток в уругвайских

тюрьмах. Кстати сказать, *право* подписать это письмо получили только те, кто не боится выступать в защиту политзаключенных и у себя на родине, в СССР.

Но вот обратный пример — когда тот же Юрий Галансков был сначала заключен в лагерь за составление самиздатского сборника, а затем умирал в лагере из-за того, что ему не оказывали медицинской помощи, ни ИКП, ни другие левые партии Запада ничего не сделали для его спасения. Галансков называл себя и был по своим убеждениям пролетарским демократом, его трагическая смерть — упрек не только ИКП, но и всем западным левым.

Мы думаем о свободе для всех в мире, но мы понимаем, что когда чилиец получает возможность публично выступить — он прежде всего говорит о Чили, индонезиец — об Индонезии, испанец — об Испании. Почему же проф. Радиче удивляется, что я говорил о нарушении прав человека в СССР, а не в других странах? Проф. Радиче забыл также, что дискуссия состояла из вопросов и ответов и я мог говорить только о том, о чем меня спрашивали. Если бы кто-либо из журналистов, например член ИКП г-н Сприано, спросил меня об отношении советских инакомыслящих к преследованию свободы в Чили или Уругвае, он получил бы недвусмысленный ответ. Но г-н Сприано не задал мне этого вопроса, он был задан проф. Радиче уже *после* дискуссии — и сам же проф. Радиче дал на него неверный ответ.

И если Движение за права человека в СССР, несмотря на свою малочисленность, постоянные

аресты и высылки его участников, находит все же силы, чтобы помогать политзаключенным правых диктатур, то находит ли силы полуторамиллионная ИКП, чтобы помогать политзаключенным в СССР и в других восточноевропейских странах? Чем, например, ИКП помогла коммунисту Григоренко, который провел пять лет в тюрьме и психбольнице только за то, что он представляет социализм иначе, чем г-н Брежнев? Ведь и г-н Берлингуэр представляет социализм иначе, чем г-н Брежнев.

3. Проф. Радиче негодует, что я назвал СССР самой консервативной и реакционной страной в мире и что таким образом я стал на дорогу антисоветизма, по которой легко скатиться вниз.

Я считаю консервативным режим, который не хочет проводить в своей стране никаких реформ, а если при этом режим пытается свести на-нет предыдущие реформы и преследует всех, кто подвергает его малейшей критике, то это реакционный режим. 1956 г. — год десталинизации — был началом несбывшихся надежд и незавершенных реформ, а последующие двадцать лет, несмотря на быстрый рост военной мощи и медленный рост благосостояния, не привели ни к каким социальным изменениям в СССР: советский человек не стал более свободным, советская экономика — более эффективной, советская наука после запуска первого спутника сдала свои позиции, даже отношение КПСС к другим компартиям не стало более терпимым, о чем свидетельствует хотя бы цензура речей г-на Берлингуэра в «Правде». А ведь еще полтора десятилетия назад та же «Правда» полностью напечатала политическое

завещание г-на Тольятти. Вот почему я говорю о реакции, а не о прогрессе в СССР.

Не приму упрека и в «антисоветизме». «Советский» происходит от слова «Совет» — советы были созданы во время первой и второй русских революций и включали представителей всех социалистических партий, большевики составляли в них меньшинство. Когда Ленин выдвинул лозунг «Вся власть Советам!» — речь шла именно о власти многопартийных советов, а не о власти одной партии. Но постепенно большевиками вся реальная власть Советов была ликвидирована и они превратились в простой придаток компартии. Поэтому в 1920 году кронштадские матросы выдвинули лозунг: «За советскую власть без коммунистов!»

Демократическая оппозиция в СССР не выдвигает такого лозунга. Многие советские коммунисты понимают необходимость демократизации, а многие советские демократы сознают, что компартия, очистившись от бюрократов и карателей, может играть достойную роль в жизни страны. Поэтому я, как и многие мои товарищи, считаю своевременным лозунг: за советскую власть, в том числе и с коммунистами! И хотя на свободных выборах КПСС едва ли получит столько голосов, как ИКП, она все же — соревнуясь с другими партиями, — сможет сыграть более конструктивную роль, чем играет сейчас.

Таким образом, я, выступая за восстановление подлинной роли Советов депутатов трудящихся, — настоящий советский человек, а г-н Брежнев, который возглавляет партию, узурпировавшую

роль этих Советов, — типичный пример антисоветчика.

4. В связи с « опасностью антисоветизма » проф. Радиче пишет о постепенном движении Солженицына в « сторону от социализма ».

Но интересно спросить, почему же наиболее крупный русский писатель шел « от социализма », а не к социализму — ведь в юности Солженицын был убежденным марксистом. А произошло это, по-видимому, потому, что сама практика компартий разочаровала Солженицына: насилие в тех странах, где компартии стоят у власти, как в СССР и Китае, и под разными предлогами оправдание этого насилия там, где компартии находятся в оппозиции, как во Франции и Италии.

Восхищаясь Солженицыным как писателем, я не разделяю многих его политических взглядов и не считаю, что все зло исходит из СССР. В мире есть и другие источники зла. И я не думаю, что Солженицын прав, когда начинает сравнивать, какая диктатура мягче — правая или левая; диктатура всегда остается диктатурой. Но ведь те же самые сравнения делает и проф. Радиче, называя одни диктатуры — правые — « самыми жестокими », а другие — левые — всего лишь « нечистым и несовершенным социализмом, который пока что дала история ».

5. Проф. Радиче пишет, что можно и нужно критиковать « ошибки » Сталина, но нельзя забывать, что главным врагом Сталина был Гитлер.

Как главным врагом греческих полковников были не турецкие генералы, а греческая демократия, так и главным врагом Сталина был не Гитлер, а « социализм с человеческим лицом » —

потому что Сталин сделал все, чтобы уничтожить возможность такого социализма еще в зародыше.

Борьба между двумя диктаторами, как война между двумя королями, не делает их принципиальными врагами. Проф. Радиче пишет, что ИКП была на стороне Сталина, когда он воевал с Гитлером. А на чьей стороне была ИКП, когда Сталин заключал с Гитлером договор о дружбе? Когда Сталин и Гитлер делили вместе Польшу?

Чемберлен поощрил Гитлера к захвату Чехословакии, Сталин — к захвату Польши; Гитлер, Чемберлен и Сталин — вот три лица, которые несут главную ответственность за вторую мировую войну и миллионы человеческих жертв. Англия заменила Чемберлена Черчиллем, с которым тоже, надо полагать, солидаризуется проф. Радиче, поскольку Черчилль воевал с Гитлером, а наша страна не нашла сил сбросить Сталина — несмотря даже на то, что он дезертировал в первые дни войны, — и до сих пор тащит на себе его мертвое тело.

Уничтожение Сталиным интеллигенции, крестьян, своих партийных товарищей, высшего и среднего состава проф. Радиче называет «ошибкой». Но для Сталина как раз это не было ошибкой, со своей людоедской точки зрения он действовал безошибочно — именно благодаря тому, что он уничтожил все активные силы в стране, он смог остаться у власти даже несмотря на свой просчет в дружбе с Гитлером, смог присвоить себе победу советского народа над Гитлером и навсегда очаровать таких людей, как проф. Радиче.

6. Проф. Радиче противопоставляет моему

взгляду на будущее советской системы взгляд Роя Медведева.

Сравнение разных взглядов всегда полезно, конечно, при условии, что такое сравнение делается в интересах истины. Я рисую картину разрушения СССР, с тем чтобы указать на опасность такого исхода и, пока есть время, предотвратить его. Рой Медведев разрабатывает план перехода от тоталитарного социализма к демократическому, надеюсь, что «верхи» примут его план всерьез. Я возлагаю надежды на демократическую оппозицию, Медведев — на «оппозицию» внутри партаппарата, не имея почти никаких сторонников среди инакомыслящих. Я вовсе не претендую на то, чтобы проф. Радиче соглашался со мной, а не с Медведевым, но я против того, что он пытается противопоставить одних инакомыслящих другим на том основании, что одни критикуют взгляды других.

То, что Сахаров, Солженицын, Григоренко, Турчин, Плющ, Орлов, Медведев, Амальрик и другие критикуют друг друга, говорит о том, что мы — после долгих лет принудительного единомыслия — понимаем важность разномыслия и взаимной критики, если мы хотим разработать лучшую стратегию перехода нашей страны к демократии. Но у всех есть одно общее: понимание, что никакое справедливое общество невозможно без уважения к правам человека. Движение за права человека — вот что объединяет всех подлинных инакомыслящих в СССР.

Движение за права человека в СССР смотрит сейчас на еврокоммунизм — и прежде всего на ИКП — с двойным чувством: недоверия и на-

дежды. Недоверия, потому что мы хорошо знаем, как часто коммунисты меняли свои лозунги, приходя к власти. С надеждой, потому что еврокоммунисты говорят, что социально-экономические изменения возможны в условиях свободы и в новом обществе права человека будут незыблемы.

У нас есть два критерия для оценки искренности еврокоммунистов :

Во-первых, это отношение к оппозиции внутри собственной партии; если внутрипартийной оппозиции не существует, едва ли партия, придя к власти, потерпит оппозицию другой партии или даже отдельного лица.

Во-вторых, это отношение к оппозиции в тех странах, где коммунисты уже находятся у власти. Для нас это прежде всего отношение ИКП к инакомыслящим в СССР.

Пока что мы видели от вас больше пренебрежения, чем понимания, больше безразличия, чем помощи. Но мы хотим верить вашим словам. Наша надежда перевешивает наше недоверие. Мы протягиваем вам руку и спрашиваем вас: с кем вы в СССР? С сильными или со слабыми? С теми, кто сидит в тюрьме за свои убеждения, как Буковский, или с теми, кто сажает в тюрьму за убеждения, как Андропов? С теми, кто считает, что социализм — это советские танки в Праге, или с теми, кто не верит, что социализм можно построить с помощью танков?

Мы протягиваем вам руку и надеемся, что наша рука не повиснет в воздухе. Вы скажете: среди вас есть те, кто не верит в социализм. Да, они есть. Но есть именно потому, что сталинский и брежневский социализм сделал все, чтобы вы-

звать недоверие ко всякому социализму. Если вы хотите справедливого общества, прислушайтесь к голосу тех, кто говорит вам о трагическом опыте *неудавшегося социализма*. Не всегда это будут друзья социализма и не всегда они будут говорить вещи, приятные для вас, но их опыт нужен именно вам, если вы не хотите повторения «социализма танков».

Я начал с того, что Ваша газета не публиковала писем советских инакомыслящих — надеюсь, что это письмо будет опубликовано. Чтобы между сторонниками демократического социализма в Италии и противниками тоталитарного социализма в СССР было больше понимания, я предлагаю начать дискуссию между нами, которая может стать плодотворной для обеих сторон.

Когда я был в Риме, ко мне подошел один служащий, пожал мне руку и сказал: как итальянский коммунист я желаю вам успеха в вашей борьбе. Это рукопожатие значило для меня больше, чем статья проф. Радиче, и я хочу, чтобы люди знали подлинные взгляды советских инакомыслящих. Я предлагаю устроить мою встречу с итальянскими коммунистами, чтобы рассказать им о Движении за права человека в СССР, высказать критику в их адрес и выслушать критику от них.

С уважением и надеждой

А. Амальрик

1 ноября 1976,
Утрехт

Письмо было направлено в «l'Unita», и после двухнедельной проволочки секретарь главного редактора со-

общил по телефону Юрию Мальцеву, который перевел письмо на итальянский язык и вел переговоры с газетой, что письмо опубликовано не будет, так как «Унита» «печатает только материалы, выражающие мнение ИКП». После этого письмо было опубликовано в «Il Giornale» 24.11.77. и вышло отдельной брошюрой (Италия), по-русски опубликовано в «Континенте» № 10, 1977 (ФРГ)

КТО РАБОТАЕТ В КГБ

В начале пятидесятых годов, в маленьком сибирском городе в местный отдел КГБ — тогда он еще назывался МГБ — зашел сорокалетний человек, сказал, что он ненавидит существующий строй, не может дышать этим воздухом, не может больше лицемерить — и просит, чтобы его посадили.

Взволнованные гебисты принялись успокаивать его : « Зачем смотреть так мрачно, ведь не только же темные стороны в нашей жизни. И с чего вы взяли, что мы должны вас сажать, мы боремся с врагами, а вы просто путаник. Успокойтесь, идите домой, работайте, смотрите на жизнь без предвзятости — и вы увидите, что все не так плохо. И еще зайдете поблагодарить нас потом ».

Прошло несколько месяцев, никто его не трогал, он начал успокаиваться — и действительно, после этого взрыва что-то переломилось в нем, и жизнь в СССР показалась не такой уж плохой. Через полгода он снова зашел в КГБ : « Товарищи, вы были правы, спасибо вам ! » Его дружески похлопали по плечу — и той же ночью арестовали.

Этот эпизод очень характерен для гебистов.

Марксизм — во всяком случае его советский вариант — был земной религией, и КГБ — своего рода монашеским орденом. Долгое время из всей массы советских функционеров он впитывал, с одной стороны, наиболее фанатичных, с другой — наиболее циничных и лицемерных. Несколько раз за свою историю этот орден резко обновлялся (сначала поколение, которому предстояло погибнуть, физически уничтожалось, позднее — просто выталкивалось на другую работу или на пенсию) — и тем не менее его сущность никогда не менялась.

Чтобы лучше понять психологию сотрудников КГБ — они сами всегда называют себя этим расплывчатым словом «сотрудник», — надо проследить, как и откуда они набирались.

Основу заложили большевики-подпольщики и те, кто до революции боролся с ними, чины царской политической полиции — «охранки», на вторых, впрочем, ролях — нечто вроде инженеров-специалистов при «красных директорах». Дзержинский понимал необходимость специалистов.

Партия хотела контролировать свою полицию — и «органы» все время пополнялись партийными функционерами. «Органы» — название, которое тоже они сами себе дали, сокращение от «органы государственной безопасности». В годы моего детства слово «органы» наводило ужас, сейчас оно кажется скорее смешным, ассоциируясь с половыми органами. Более молодое поколение гебистов говорит «комитет».

Что же касается контроля со стороны партии,

то он не всегда удавался: было время, когда «органы» контролировали партию, а не наоборот. Да и сейчас партийные функционеры, попав на работу в «органы», начинают быстро проникаться их специфическим духом.

Комсомол (главным образом слой его высших функционеров) — один из основных поставщиков кадров КГБ. Сейчас существует, например, такая система. Когда ответственный комсомольский работник достигает определенного возраста (35 лет, кажется, ведь комсомол — организация молодежи), то его переводят на другую работу: наиболее отличившихся — в партаппарат, глуповатых и неповоротливых — в профсоюзы или Министерство культуры, золотую середину — в КГБ.

Поскольку КГБ должен проникать всюду, он хочет и может отовсюду впитывать сотрудников для себя: КГБ связан с милицией — они переманивают тех, кто им понравился там; присматриваются к тем, кто на срочной службе в войсках МВД и КГБ — и предлагают им «расти»; охотно берут бывших спортсменов; ищут специалистов в разных областях — биологов, математиков, лингвистов, инженеров-электриков. Под наблюдением одного такого инженера, довольно симпатичного молодого человека, я в ссылке на Колыме ездил осматривать строительство Колымской ГЭС.

Страна всегда была покрыта гигантской сетью внештатных осведомителей — одни работают по убеждению, другие — желая получить маленькие блага или возможность рассчитаться с кем-то, третьи — из страха. Те из них, кто показал себя наилучшим образом, переходят на постоянную службу.

И конечно — такова вообще человеческая природа — стараются брать своих : детей, братьев и сестер, дальних родственников, хороших знакомых и тех, в ком они инстинктивно чувствуют нечто родственное себе. Все эти потоки проходят через разного рода спецшколы и проникаются сильным кастовым духом.

И подобно тому, как сердце, вбирая кровь, разносит ее по всему телу, так и КГБ — сердце советской системы, — вбирая отовсюду « сотрудников », повсюду же проталкивает их — и уж конечно в торговые организации, в печать и на дипломатическую службу, чтобы они растекались не только по стране, но и по всему миру.

Это проникновение и соприкосновение с живой жизнью делают гебистов гораздо более информированными и более прагматичными, чем, скажем, советские идеологи. Но за последние двадцать лет — по мере снижения роли КГБ в системе — заметна тенденция превращения гебистов из фанатиков — или делающих вид фанатиков — в обычных чиновников, более или менее безразлично выполняющих свои обязанности.

Однако кастовая отгороженность от общества сильна. Она порождает не только чувство собственнo превосходства, но и более бессознательное чувство отчужденности и обиженности. Я не встречал более уязвимых людей, чем гебисты — любая насмешка может вывести их из себя, в мгновение ока слетает напускная вежливость, некоторые стараются улыбаться, но видно, как внутри они страдают. Не все, конечно, как и не все, впрочем, пытаются насмешничать над сотрудниками « органов ».

Можно сказать, что на работу в КГБ добровольно идут люди, жаждущие власти как своего рода компенсации за собственную незначительность, и часто люди, ущемленные в детстве неспособностью к учению, или трусостью, или садизмом, или другими столь же печальными качествами.

Как и все советские люди, они в глубине души восхищаются Западом. Гебист как-то говорил мне с восхищением :

— Подумайте только, в Америке полицейский — уважаемый член общества, многие женщины рады выйти за него. А у нас какая умная баба пойдет за милиционера ? !

Вы можете видеть их слабости, но вам не всегда удастся сыграть на них. Прежде всего потому, что вы ни с кем из них не имеете дела как с самостоятельным человеком — вы имеете дело с огромной машиной, и каждый из них — это только колесико, сцепленное с другими колесиками, и самостоятельно оно не может повернуться на миллиметр, только уже если вся машина становится слишком расхлябанной.

Но зато они постараются всячески сыграть на ваших слабостях. Они не столь уж тонкие психологи и ищут в человеке какую-то явную и понятную им слабость, чтоб уж вовсю давить — страх, ревность, зависть, склонность к деньгам, к женщинам, к мужчинам, к водке, к наркотикам. Ставка на самое дурное и примитивное происходит еще и потому, что их самих никак нельзя назвать сложными или добрыми натурами. Я помню, что мне, чтобы обмануть их, нужно было прикидываться много хуже, чем я есть на самом деле, —

и они как-то даже по-детски раскрывались мне навстречу.

Помню, как начальник Магаданского управления КГБ уговаривал меня эмигрировать из СССР (так хотели, чтоб я уехал, что даже четыре месяца ссылки обещали скостить).

— Что вам здесь пропадать, Андрей Алексеевич, — улыбаясь, говорил он. — Поедете на Запад, вот там жизнь, две машины себе купите, сходите в кабаре.

Часто я видел его озабоченным, особенно когда он рассказывал о коварстве американских империалистов и японских рыбаков — рыбаки ему досаждали в Охотском море, — а тут его лицо как бы даже засветилось изнутри. Видно было, что две машины и кабаре — его собственная мечта.

Но вот я уже полгода на Западе и, к стыду своему, не купил ни одной машины и даже не был в кабаре. Я думаю, гонорара за статью о КГБ мне не хватит на покупку машины, но тем более мой долг тогда — пропить его в кабаре.

5 декабря 1976,
экспресс Париж—Амстердам

Опубликовано в «Far Eastern Economic Review»
31.12.76 (Гонконг)

РЕЧЬ НА ПРИЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИГИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

(9 декабря 1976, Нью-Йорк)

Уважаемый г-н председатель !
Уважаемые дамы и господа !

Прежде всего я благодарю Лигу за высокую честь, оказанную мне присуждением премии. Эта награда тем более важна для меня, что одним из моих предшественников был Андрей Дмитриевич Сахаров — борьба за права человека в СССР связана для нас прежде всего с его именем.

Я думаю, что присуждая эту премию Сахарову и теперь мне, вы имели в виду не только нас, но и все Движение за права человека в СССР — всех тех известных и неизвестных мужчин и женщин, которые словом и делом говорят миру, что свобода — не пустой звук.

В отличие от Андрея Сахарова я могу сейчас непосредственно обратиться к вам. Я чувствую себя сейчас не просто писателем Андреем Амальриком, но послом нашего движения, послом тех, кто в тюрьмах, лагерях, ссылках и психбольницах отстаивает свое человеческое достоинство и тем самым достоинство всех людей на земле.

Я не хочу сказать, что все эти люди дали мне мандат говорить от их имени или что они будут полностью согласны с тем, что я скажу здесь. Но мое участие в движении, мой опыт тюрем, лагерей и ссылок, мое стремление всегда писать правду и мой долг человека, которого готовы выслушать, дают мне право и обязанность просить вас смотреть на меня как на посла тех, чей голос едва доносится из СССР сквозь тюремные стены и барабанный бой официальной пропаганды.

Говоря о правах человека, мы не забываем, что существует как бы два вида человеческих прав: одни условно можно назвать гражданскими правами;

вторые — социально-экономическими.

К первым относятся права на мысль, слово, передвижение, создание ассоциаций, инициативу — это право проявлять себя, нужное прежде всего активной части общества. В целом это право на свободу.

Ко вторым относятся право на оплачиваемую работу, медицинское обслуживание, социальное обеспечение — это право быть защищенным от социальных несправедливостей, нужное прежде всего менее активной, но более многочисленной части общества. В целом это право на безопасность.

Я начал с различия этих прав, но хочу сказать, что это — неделимые права человека. И тем более опасно, что в мире начинает торжествовать точка зрения, которая пытается не только разделить эти права, но и противопоставить одни другим.

Есть люди, которые говорят, что ради достиже-

ния социально-экономических прав нужно отказаться от прав гражданских. Есть и менее крайняя точка зрения, что сначала нужно накормить людей, а затем уже думать о свободе слова.

Этот взгляд, во-первых, безнравствен, во-вторых, исторически неверен.

Он безнравствен потому, что у человека есть не только желудок, но и голова, и сердце. Мало накормить — крестьянин кормит свой скот, чтобы тот работал. И у сытого раба остается рабская психология, если он голодный не думал о свободе. Если вы уважаете голодных людей, вы должны не только накормить их, но и дать им чувство собственного достоинства. Если два этих процесса не будут идти рука об руку, мы будем жить в страшном мире.

Исторически неверен этот взгляд потому, что там, где свободой человека было пожертвовано для достижения социально-экономических целей, там и социальные права оказались гораздо хуже обеспечены, чем в свободных странах. В СССР выше уровень безработицы, ниже пенсии и хуже медицинское обслуживание, чем в странах Запада.

Однако наступление марксизма в мире не случайно. И оно объясняется не только «заговорами Кремля», не только ставкой на такие присущие людям чувства, как ненависть и зависть, не только обаянием силы, которое исходит от СССР и так импонирует многим.

Успех марксизма объясняется, как мне кажется, и тем, что классический либерализм — идеология, которая создала современное западное об-

щество, — переживает кризис и, быть может, кризис смертельный.

Я не люблю слова «идеология», с годами я все более убеждаюсь, что главное в жизни — это простые человеческие чувства, как любовь к своей семье или уважение к своим друзьям. Я вижу зло, которое внесли в мир идеологии, вижу, как для одних идеология становится религией, а для других — религия идеологий. Не знаю, что хуже.

Однако я понимаю, что идеологии неизбежны. И необходимы, если рассматривать их только как рабочий инструмент, нужный для изменения мира.

Либеральная идеология была таким инструментом, и она изменила мир к лучшему. Но она не ответила на многие вопросы. Она как бы бросала человека в море и говорила: плыви или тони. Либерал говорил: не мешайте мне делать мое дело, и я не трону вас.

По-видимому, здесь и есть причина кризиса. Люди хотят, чтобы их трогали, они хотят, чтобы о них думали, чтобы что-то требовали от них и что-то им давали. Человеку тяжело сознание, что от него ничего не зависит в мире. Либерализм не дает ответа, что делать с чувством одиночества и отчужденности.

И тут начинает орудовать марксизм.

Марксизм сделал ставку на насилие, которое Маркс называл повивальной бабкой истории, — и хотя все время эта бабка принимает уродов, а не нормальных детей, марксисты не устают обещать, что следующий ребенок будет великолепным.

Я не верю марксистам. Многие им не верят. Но у них есть одно громадное преимущество. Какие бы дурные рецепты они ни предлагали, они понимают, что мир неизбежно меняется, и они хотят взять это изменение в свои руки и делать его по-своему.

А чего хотят либералы? Что они предлагают? Только сохранение того, что есть, только взгляд назад, только «признание реальностей» — и отсюда бесконечные уступки коммунизму, чтобы сберечь лишний год своего спокойствия.

В таком случае я тоже левый. Я среди тех, кто понимает, что мир меняется, и кто хочет его активно менять. Но я не коммунист! И я хочу бороться с коммунизмом — но бороться глядя вперед, а не назад. Не пятиться раком, а искать новый путь.

Я думаю, все, кому дорога свобода в мире, стоят перед проблемой создания новой идеологии, которая преодолет и либерализм, и коммунизм и поставит в центр проблемы — неделимые права человека.

Одни в мире жаждут революции, другие боятся ее. Но о какой революции идет речь?

Я хотел бы сравнить сейчас две революции.

Ту, которая произошла 200 лет назад в вашей стране, и ту, которая произошла 60 лет назад в моей. 200 лет стекаются в вашу страну люди со всего мира — и едва ли не больше людей бежало из моей страны за последние 60 лет.

Не нужно лучшего сравнения революций, чем их отношение к человеку и отношение человека к ним. Я за революцию в мире! Но я за гуманисти-

ческую революцию! Я за идеологию — но я за идеологию гуманизма!

И когда я обращаюсь к вам — я обращаюсь к американскому революционному духу. Я обращаюсь к вашему желанию нести в мир семена новой революции, а не к желанию жить спокойно, расплачиваясь за свое спокойствие кредитами, зерном и пепси-колой! Короче, я обращаюсь к духу Джефферсона, а не к духу Киссинджера.

И я не боюсь говорить такие наивные вещи. Я большой реалист, чем так называемые реальные политики. Вы никогда не почувствуете себя спокойно, пока вы будете идти на сделки с насилием, а не бороться с ним. Вам навязывают борьбу — и вам не удастся от нее уклониться.

Я говорил о преодолении марксизма и либерализма и создании гуманистической идеологии. У меня нет в кармане «Гуманистического манифеста». Эта идеология будет еще долго рождаться в муках — и я еще не знаю, какая повивальная бабка примет ее.

Но при ее создании не должен пропасть тот уникальный трагический опыт, который несем мы — советские инакомыслящие.

В нашей стране впервые произошла марксистская революция, и в нашей же стране впервые началось ее преодоление изнутри. Преодоление трудное, часто с неверными шагами и с неправильными решениями — и тем не менее я надеюсь, что новая идеология родится здесь. Движение за права человека в СССР дает этому надежду.

Когда мы имеем дело с СССР, мы имеем дело с попыткой преобразования общества. Хотите ли

вы добиться изменений в мире или, наоборот, не допустить в нем никаких изменений — вы не сможете пройти мимо уроков этой попытки. И вы не сможете пройти мимо тех — как бы мало-численны они ни были, — кто не примирился с ее кажущейся удачей.

Мы возвращаем словам « свобода » и « человек » смысл, который был утрачен у нас, а, может быть, утрачен и у вас. Я прошу вас помнить о тех, кто сидит сейчас в тюрьмах и лагерях ради того, чтобы существовало самое понятие свободы.

Еще раз благодарю за высокую награду.

Речь по случаю вручения Премии прав человека за 1976 год Международной лигой прав человека. За прошлые и последующий год Лигой были награждены : Андрей Сахаров, Роджер Болдуин, Мстислав Ростропович, Даниэл Патрик Мойнихан, У Тан, Моррис Б. Абрам и Марио Соареш. Речь опубликована в « Новом русском слове » 11.12.76, « The New York Times » 3.2.77 (США) и в « The International Herald Tribune » 7.2.77 (Франция)

ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СССР

Почти двенадцать лет в СССР существует феномен, известный сначала под именем Демократического движения, а сейчас — Движения за права человека.

В широком смысле слова к Демократическому движению можно отнести всех — вне зависимости от их методов и конечных целей, — кто выступает за демократизацию существующего в СССР режима, за расширение прав общества и ограничение прав власти (при этом надо оговориться, что «общества» в западном смысле слова в СССР не существует, а права власти практически безграничны). В узком смысле слова к движению относятся те, кто сам себя считал и называл участником Демократического движения.

Начало движения

Реформы Хрущева, при всей их противоречивости, отвечали общему стремлению общества к либерализации. Поэтому намерение послехрущевского руководства повернуть назад не могло не вызвать сопротивления, тем более что за годы

хрущевской оттепели общество разморозилось и чувствовало себя уже смелее.

Первым столкновением между властью и обществом был суд над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Маленькая демонстрация на Пушкинской площади 5 декабря 1965 года, организованная Александром Есениным-Вольпиным, с требованием гласности суда, может считаться началом движения.

Суд не был гласным, но он был задуман властями как «показательный»: газеты проклинали двух писателей, публиковавших свои книги за границей, проводились собрания с их осуждением. Однако суд оказался скорее «антипоказательным»: он показал, что и на скамье подсудимых можно сохранить свое достоинство, что в СССР возможен политический судебный процесс без покаяния и с явной моральной победой подсудимых над судьями.

Суд скорее воодушевил людей на борьбу, и эта борьба приняла форму, хорошо известную многим обществам, жившим под диктатурой, — обращение к власти с весьма скромными петициями: о гласности суда, о смягчении приговора, не возрождать сталинизм, не проводить репрессии.

В ответ власти решили провести новый «показательный» суд — над Александром Гинзбургом и Юрием Галансковым, первый из которых составил сборник материалов о деле Синявского и Даниэля, а второй — самиздатский литературно-политический сборник «Феникс». Однако их арест в январе 1967 года и суд над ними через год опять стали скорее катализаторами общественного движения, чем его глушителями.

Владимир Буковский организовал демонстрацию в их защиту и был сам арестован, но и на суде он отстаивал право человека на выражение своих мнений. Павел Литвинов был вызван в КГБ и предупрежден, что если он подготовит сборник материалов о суде над Буковским, то будет сам осужден. Литвинов сделал беспрецедентную вещь: он записал свой разговор в КГБ и начал распространять запись.

Ни Галансков, ни Гинзбург не признали себя виновными. Ежедневно у здания суда — в суд их не пускали — собиралась толпа сочувствующих, а также иностранные корреспонденты. Благодаря им об этих событиях узнавала мировая печать — а западное радио транслировало новости обратно на СССР, так что в СССР почти не было людей, которые так или иначе не узнали бы о движении протеста.

Эти примеры воодушевляли и побуждали к действию, тем более что развитие событий в Чехословакии с конца 1967 года давало многим надежду, что такое же развитие возможно и у нас.

Число обращений — уже не только к власти, но и к советскому и мировому общественному мнению, уже не только робких, но и достаточно резких — все более возрастало, число подписавших их перевалило за тысячу, речь шла уже не только о конкретных случаях несправедливости, но и о том, как вообще будет развиваться наша страна. Многие из подписывавших обращения надеялись, что власти примут их во внимание и вернутся к политике реформ.

Тогда же появился и термин Демократическое

движение. КГБ утверждал впоследствии, что этот термин, как и все дурное, был придуман за границей, в действительности его предложили весной 1968 года Павел Литвинов и я.

Борьба между идеей равенства и идеей свободы была, пользуясь марксистским термином, «снята» советским режимом, соединившим несвободу с неравенством. Таким образом, Демократическое движение привлекало сторонников как свободы, так и равенства.

Оно не было и в условиях тоталитарного режима не могло быть многочисленным, но оно объединяло людей из самых разных слоев общества. Движение привлекло писателей и ученых, недовольных отсутствием творческой свободы, рабочих, остро ощущавших свое социальное неравенство, коммунистов, которые видели, что действительность не отвечает их теориям, людей, никогда не веривших в коммунизм, бывших заключенных, боявшихся возрождения сталинизма, тех, кто был в сталинские годы ребенком, людей, сделавших карьеру внутри системы, и тех, кого эта система отбросила еще до того, как они кончили университет. Меня всегда поражало, как могли оказаться вместе люди столь непохожих судеб и темпераментов.

Невозможно сказать, сколько людей в стране считали себя сторонниками движения, только ничтожная часть из них активно проявила себя. Несомненно, что если бы не репрессии властей, в демонстрации, в которой сегодня участвовало 50 человек, завтра приняло бы участие 50 тысяч. Легче сделать приблизительный анализ социального состава движения, основываясь на данных

о подписавших письма протеста по делу Гинзбурга и Галанскова (1967-68, 700 человек) и об арестованных участниках движения (1969-70, 200 человек).

	Письма протеста	Аресты
Интеллигенция	88 %	52 %
Студенты	5 %	14 %
Рабочие	7 %	34 %

Разница объясняется, во-первых, тем, что репрессии против студентов и рабочих были суровее, чем против интеллигенции, а во-вторых, тем, что часть студентов и рабочих была арестована не за письма протеста, а за участие в подпольных группах.

Уже в 1968 году перед движением, до этого стихийным, встал вопрос о программе и организации. Можно сказать, что участники движения, хотя и не всегда четко, разделились на « политиков » и « моралистов » : на тех, кто хотел сделать движение зародышем политической партии и выработать определенную программу политических и социально-экономических преобразований, и на тех, кто индивидуально или коллективно просто хотел стоять на позициях морального неприятия, неучастия и сопротивления тому злу, которое совершал советский режим.

Компромиссом между этими течениями — скорее бессознательными — было правозащитное движение, оно требовало от советского правительства, во-первых, соблюдать собственные законы и, во-вторых, привести их в соответствие с международным правом. Уже на демонстрации 5 декабря 1965 года был лозунг « Уважайте собственную

конституцию!» — и хорошим примером проведения этой линии служит «Хроника защиты прав в СССР», издаваемая с 1973 года в Нью-Йорке под редакцией Валерия Чалидзе.

Однако правовое движение, при всей его важности в бесправной стране, не несло в себе никакого харизматического элемента, не могло для большинства людей стать альтернативой той законченной системе, которую предлагала обществу официальная советская идеология.

С другой стороны, общество тогда, по-видимому, еще не созрело для создания политических программ и партий. Так, появившаяся в 1969 году анонимная «Программа Демократического движения СССР» хотя и была составлена как своего рода программа партии, почти никакого отклика не нашла; кроме того, она все внимание сосредоточила на том, каким должно быть наше общество, но совершенно обошла вопрос, что и как для этого нужно сделать.

Мне кажется теперь, что стоял и стоит вопрос о выработке совершенно новой идеологии, на основе которой можно было бы предлагать обществу конкретную программу, идеологии, которая преодолела бы и марксизм, и авторитарный национализм, и классический либерализм. Все это легко сказать!

Вопрос об организации, о создании какой-то рабочей группы, необходимой при любой ориентации движения, тоже возник в 1968 году и наткнулся на сильный психологический барьер. Казалось, что если объявить открыто о создании какого-то правозащитного комитета, то сразу же все его члены будут арестованы и осуждены на

долгие сроки : ведь до сих пор создание конспиративных групп кончалось арестом всех членов, как только КГБ группу раскрывал.

В 1969 году этот барьер был преодолен, и была создана Инициативная группа по защите прав человека в СССР в составе 15 человек. Сразу группа не была арестована и власти как бы игнорировали ее, но постепенно 10 ее членов оказались в лагерях или психбольницах по разным обвинениям. Однако начало было положено, и в рамках движения периодически стали создаваться открыто заявляющие о себе группы и комитеты.

Участники движения стали не только активными авторами и распространителями самиздата. По инициативе Натальи Горбаневской был создан журнал «Хроника текущих событий», который благодаря усилиям сотен людей выходит уже девять лет — вещь в условиях советского тоталитаризма, казалось бы, невозможная.

Принятие решения о вводе советских войск в Чехословакию сопровождалось резким усилением репрессий внутри СССР. Демонстрация 25 августа 1968 года на Красной площади против вторжения показала, впрочем, что у движения есть силы к сопротивлению.

В это же время произошло еще одно важное событие : была опубликована статья академика Андрея Сахарова «Размышления о прогрессе». Положение, которое занимал Сахаров в советском обществе, его моральная чистота не только обеспечили ему ведущее место в движении, но и движению придали новый оттенок.

Если попытаться сформулировать, что было тогда наиболее характерным для движения, то,

по-моему, оно прежде всего выступило против двоемыслия — привычки думать одно, а говорить и делать другое. Говоря открыто, что они думают, ставя вопрос о правах человека и одновременно о его моральной ответственности, участники движения начали расшатывать одну из невидимых, но важных опор советской системы. Движение было антимарксистским — не в том смысле, что оно выступало против марксизма, многие его участники считали себя марксистами, а в том, что на первое место оно ставило изменения в человеческом сознании, а уже на второе — социально-экономические изменения в обществе.

И теперь, спустя десять лет, можно сказать, что нравственная атмосфера в обществе изменилась и продолжает меняться. Это, правда, не только не снимает вопрос о некоей политической альтернативе советскому режиму, но даже делает его все более острым.

Кризис движения

В 1969 году начинается, отчасти вызванный репрессиями, период растерянности и спада. Общество, обескураженное провалом кампании петиций и концом «пражской весны», отшатывается от движения, и движение все в большей степени замыкается на себя. Развитие идет по такой затухающей кривой: арест — протест — новый арест — более слабый протест... Движение как бы идет за властью, все сводя только к реакции на ее репрессивные действия.

Арест и суд над Петром Якиром и Виктором Красиным в 1972-73 годах и провозглашенная

г-дами Брежневым и Никсоном разрядка означали, как думали многие, конец Демократического движения.

« Покаяние » и « саморазоблачение » двух ведущих участников движения, потянувшее за собой целую серию « покаяний », произвело самое тяжелое впечатление как на диссидентов, так и на общество, лишая движение морального ореола. Это совпало с выездом из страны известных и неизвестных участников движения, которые или предпочли выезд новому аресту или просто решили, что борьба бесполезна.

С другой стороны, новорожденная « разрядка » превращала движение из союзника западных демократий, каким оно само себя считало, в досадную помеху на пути соглашения Запада с СССР. Вопрос о правах человека мешал как правым, так и левым политикам на Западе, и они хотели бы свести его в лучшем случае к вопросам гуманитарной помощи той или иной жертве репрессий или лицу, желающему эмигрировать.

Если Демократическое движение рассматривало гласность как один из наиболее важных инструментов изменения советской системы к лучшему, то западные сторонники разрядки захотели прежде всего покончить как раз с гласностью, говоря, что все гуманитарные вопросы надо рассматривать с советскими властями келейно. Началось распространение советского двоемыслия на весь мир: можно было думать о советской системе что угодно, но говорить ей только то, что угодно ей.

И внутри самой оппозиции движение было атаковано с двух противоположных сторон: христианские демократы утверждали, что программой

движения было только продолжение хрущевских реформ, причем руками самой партии; либеральные марксисты упрекали движение в отсутствии программы, романтических методах и объективной провокации, указывалось, например, что обращение к власти с коллективными заявлениями — это просто предоставление КГБ списка людей, с которыми нужно расправиться.

Обе эти точки зрения содержали в себе много верного, но по своей сути были не точны и несправедливы. Обе они упустили из виду, что основным делом Демократического движения было восстановление человеческого достоинства, без которого любые социально-экономические или даже религиозные реформы будут бесполезны. Едва ли верна была и оценка обращений к власти, потому что очень важна задача навязать власти диалог. Оказалась неправильной и сама оценка движения как бы постфактум : движение не поггло, но со временем даже усилилось.

Кризис 1970-73 годов показал еще одну интересную вещь : хотя само Демократическое движение еле держалось, оно успело дать мощный толчок национально-демократическим движениям. Как пример можно привести движение крымских татар за возвращение в Крым и движение евреев за выезд в Израиль.

Движение крымских татар возникло до Демократического движения, но участие татар в Демократическом движении и участие в их движении таких известных демократов, как Петр Григоренко, придало их делу размах и гласность и в конечном счете заставляет власти мало-помалу уступать им (сходное влияние Демократическое

движение оказало на Украине, в Литве, в Грузии, в Армении).

Движение за выезд евреев в Израиль возникло также до Демократического движения, но оставалось почти неизвестным и невлиятельным, пока Демократическое движение и участие в нем евреев не дало ему мощный импульс (как впоследствии волжским немцам). Еврейское движение, пользуясь активной поддержкой из-за рубежа, на время заслонило Демократическое движение — например, вопрос о праве свободного выезда из СССР рассматривался западной печатью как вопрос о праве выезда евреев.

Можно сказать, что все национальные движения в СССР, как те, кто ставит своей задачей выезд их участников из СССР, так и те, кто стремится к национально-государственному выходу или обеспечению своих национальных прав внутри СССР, делятся как бы на две части каждое: часть их участников считает, что национальным движениям не надо касаться «чужих дел», другая — что только участием в общем Демократическом движении можно решить и свои национальные проблемы.

Несомненно, что Демократическое движение оказало влияние и на религиозные движения в СССР. Религиозные движения не только активизировались, но отдельные их представители начали искать контактов с участниками Демократического движения, стараясь с их помощью привлечь внимание мировой общественности к преследованиям религии в СССР.

С конца 1973 года начинается постепенный рост активности Демократического движения, или, как

оно теперь себя называет, Движения за права человека — борьба за права человека представляет очень широкую основу для объединения людей разных политических взглядов.

Большую роль в это время сыграла публикация « Архипелага Гулаг » и высылка Александра Солженицына, что всколыхнуло оппозиционную часть общества, и чтобы остановить начавшийся подъем, власти снова проводят аресты, в том числе Сергея Ковалева, Андрея Твердохлебова, Анатолия Марченко, Мустафы Джемилева.

Присуждение Андрею Сахарову Нобелевской премии мира в октябре 1975 года дало новый толчок Движению за права человека в СССР, оно показало, что отношение к этой проблеме Запада постепенно меняется — и это обнадеживало. Быть может, с этого момента среди диссидентов начался интерес к Хельсинкскому соглашению, на которое до этого все смотрели просто как на уступку Запада.

Создание в мае 1976 года Группы содействия выполнению Хельсинкского соглашения во главе с проф. Юрием Орловым было новым шагом в развитии движения — и было встречено властями очень болезненно. Группа собирает и анализирует весь доступный ей материал о нарушении гуманитарных аспектов Хельсинкского соглашения и направляет свои отчеты правительствам всех стран —участниц соглашения. Группа впервые в истории движения занялась нарушениями социально-экономических прав, что позволило ей установить контакт со многими рабочими и еще более напугало и разозлило власти.

Успеху группы во многом способствовал удач-

ный выбор руководителя. Юрий Федорович Орлов родился в 1924 году в деревне, в юности работал слесарем на заводе, поступил в артиллерийское училище и во время войны был офицером, уже в зрелом возрасте закончил университет и стал профессором теоретической физики. Во время войны он вступил в компартию и в 1956 году был исключен за критику антидемократического стиля в партии и в стране. За участие в борьбе за права человека его неоднократно увольняли с работы, хотя вновь принимали на другую как выдающегося ученого, пока в 1974 году все научные институты не закрыли перед ним двери. Отточенное научное мышление соединяется у него с большим житейским опытом, и мне кажется, что он один из наиболее стойких и здравомыслящих людей в Советском Союзе.

Кризис власти

Есть признаки, что советская система переживает сейчас кризис власти, — и судьба движения во многом зависит от того, как этот кризис разрешится. Долгое время «наверху» существовал своего рода баланс между умеренными и неосталинистами, обеспечивавший стабильность власти, безопасность ее носителей, и ради его сохранения власти терпели диссидентов, проводя ограниченные, но не массовые репрессии.

Сейчас, однако, всей верхушке Политбюро уже за семьдесят, ни для кого не секрет, что неизбежна просто биологическая смена руководства, и это обостряет борьбу между двумя названными фракциями власти.

Подобная ситуация была уже в конце сороковых — начале пятидесятых годов, когда ожидаемая смерть Сталина побуждала его самого и радикальную часть Политбюро усиливать репрессии, чтобы и после его смерти заранее сделать невозможными любые позитивные либеральные изменения, и это наталкивалось на пассивное сопротивление умеренной части партийной верхушки.

Эта невидимая борьба имела вполне видимые и осязаемые всеми симптомы: так называемая «ждановщина» (поход против писателей и композиторов), партийные чистки (ленинградское и мингрельское дела), а также раздувание антисемитизма, который принял тогда форму «борьбы с космополитизмом». Точные, хотя и гораздо более бледные, аналогии всему этому мы находим и сейчас. Истерическое поощрение антисемитизма сверху вообще характерно для всех кризисов русской власти в XX веке.

Кульминацией борьбы с «космополитами» было появление в январе 1953 года в советской печати статей об «убийцах в белых халатах» — врачах-евреях, убивавших якобы советских людей по указанию международного сионизма и американской разведки и разоблаченных «врачом-патриотом» Л. Тимашук. Через несколько месяцев последовала смерть Сталина, освобождение арестованных врачей — и это означало победу фракции умеренных.

В марте 1977 года «Известия» публикуют письмо нового «врача-патриота» хирурга С. Липавского, бывшего участника еврейского движения, о том, что это движение, равно как и движение за права человека, руководится зарубежными

сионистскими организациями и американской разведкой. За несколько дней до публикации письма произошел загадочный взрыв в московском метро — и полуофициальное заявление, что это может быть делом рук диссидентов. За короткий срок было арестовано 13 членов Хельсинкской группы: Юрий Орлов, Александр Гинзбург, Микола Руденко, Олеся Тихий, Анатолий Щаранский, Звиад Гамсахурдия, Мераб Костава, Микола Маринович, Мирослав Матусевич, Викторас Пяткус, Левко Лукьяненко, Сурен Назарян и Эдуард Арутюнян.

Конечно, делая эти сопоставления, я помню, что ситуация во многом отличается от сталинской: изменилась структура советского общества, страна менее изолирована от остального мира, есть хотя и слабая, но слышная во всем мире оппозиция, наконец, нет Сталина.

Перспективы движения

В стране существует реальное недовольство — движение его выражает; несмотря на репрессии и высылку из СССР его участников, оно просуществовало более десяти лет и, проходя через кризисы, будет существовать и дальше. Его будущее, конечно, зависит от многих политических факторов.

Как я сказал, ради сохранения баланса советские власти избегали массовых репрессий, расчетливо комбинируя аресты, принудительную госпитализацию, увольнение с работы и высылки за границу. Кстати, когда на Западе говорят об эмиграции, то не совсем понимают, что это не только

и не столько следствие разрядки, сколько следствие необходимости выпуска лишнего пара из котла, это своего рода мягкая форма ликвидации диссидентов и потенциальных диссидентов в стране.

Если сейчас победят неосталинисты и будет сделана попытка покончить со всяким гласным протестом, тогда общественное недовольство сможет принять форму террористических актов. Взрыв в метро — скорее всего дело КГБ, но мы уже знаем несколько примеров одиночного террора, взрывов и поджогов, не инспирированных властью. Если террористические акты не получили широкого распространения, то только потому, что практике всегда должна предшествовать теория. Как только появятся книги и брошюры, идеологически обосновывающие террор, терроризм распространится по стране. Если таких брошюр пока нет, это объясняется только тем, что среди оппозиционеров доминирует движение за права человека. Его ликвидация — прямой путь к террору снизу.

С другой стороны, если «наверху» начнут побеждать умеренные, им понадобится поддержка движения, чтобы справиться с неосталинистами. Если движение подойдет к этому моменту без всякой политической программы, его шансы на влияние будут весьма невелики.

Большая часть интеллигенции недовольна существующим положением вещей, но это не значит, что она в целом поддерживает движение. Движение беспокоит, требует выбора, а это всегда неприятно людям с парализованной активностью, многие готовы смотреть на движение как на опас-

ную провокацию. Многие, кто в душе сочувствует движению, считает, что ничего изменить невозможно, — а это парализует волю подчас сильнее, чем страх. Однако интеллигенцию в целом все более беспокоит ее фальшивое положение в советской структуре.

Рабочие с самого начала участвовали в движении, поскольку для рабочего, как и для любого человека, играет роль не только материальное положение, но и чувство человеческого достоинства. Однако они тоже требуют ответа на социально-экономические вопросы.

Интеллигенция, которая в большинстве только-только «вышла из народа», не хочет «идти в народ», разрыв до последнего времени увеличивался, хотя сейчас появилась и обратная тенденция. В последнее время делались попытки сближения с рабочими — события в Польше дали и интеллигенции, и рабочим хороший пример. Недовольство среди рабочих очень сильно, но оно не может ими самими быть ни достаточно ясно сформулировано, ни достаточно громко выражено.

Между освободительными движениями Восточной Европы и Движением за права человека в СССР существует не прямая, но весьма отчетливая косвенная связь. Трудно, однако, сказать, сможет ли в Восточной Европе произойти что-то решающее без предварительных изменений в СССР. Что касается национальных движений в самом СССР, то здесь движение в будущем сможет сыграть роль примирителя.

Опасность со стороны Китая подталкивает СССР к Западу, критика китайского тоталитариз-

ма косвенно помогает развенчанию советского. С этой точки зрения советско-китайский разрыв — фактор, работающий в пользу движения. КНР довольно внимательно следит за проявлениями инакомыслия в СССР и репрессиями властей.

И левые, и правые политики Запада, заинтересованные прежде всего в сохранении статус кво, смотрят на Движение за права человека в СССР отрицательно, как на источник известного беспокойства. Вся экономическая политика Запада в отношении СССР — включая технологические, кредитные и продовольственные вливания, — направлена на стабилизацию существующего в СССР репрессивного режима. Однако нельзя исключать, что есть или появятся политики, которые понимают важность для Запада в его же собственных интересах содействовать постепенной демократизации СССР и роль в этом процессе Движения за права человека. Сам факт гласных протестов и критики изнутри советского общества не может не оказывать влияния на разные стороны западной жизни, развитие еврокоммунизма — один из примеров этого.

Президент Картер, по-видимому, понял, что политика, лишенная моральной основы, постепенно приводит к преобладанию чувства самосохранения над всеми остальными и что моральной основой западной политики могут быть как раз права человека (в отличие от национальных прав, как у третьего мира, или классовых прав, как у коммунистов). Возвращение политике моральной основы, которой ее лишили нереалистичные «реальные политики», сможет вернуть Западу утраченную уверенность в себе и дать ему новую

цель. Кроме того, США могли убедиться, что коль скоро за политическим насилием и двоемыслием признается право на существование в одном месте, они начинают расползаться повсюду, захватывая и Запад.

Поэтому, если г-н Картер будет проводить твердую линию в вопросе прав человека, советское руководство вынуждено будет считаться с движением в гораздо большей степени.

Президенту Картеру — новому человеку в международной политике — удалось привести в замешательство советских руководителей, давно никто не разговаривал с ними подобным языком. Создается, однако, впечатление, что по мере того как г-н Картер приобретает опыт международной политики, он все более склонен отодвигать вопрос человека на задний план. Если сравнить его политику со зданием, то покажется, что проблема прав человека — это не несущая конструкция, а скорее орнаментальное украшение. Особенно это заметно в отношении СССР, с которым г-н Картер, как и его предшественники, надеется достичь быстрых соглашений и поэтому не склонен «раздражать» советское руководство.

Но для США уже невозможно махнуть рукой на судьбу арестованных участников Хельсинкской группы, не потеряв при этом своего престижа. Особенно это заметно в деле Анатолия Щаранского, обвиненного советскими властями в государственной измене и сотрудничестве с Си-Ай-Эй. Поскольку президент Картер лично заявил, что Щаранский не был связан с Си-Ай-Эй, осуждение Щаранского будет прямым вызовом президенту.

Для советских же властей — это прежде всего проблема сохранения контроля над собственным народом, и неясно, какой проблеме они отдадут приоритет: внешнеполитической или внутренней.

Трудно делать прогнозы относительно судьбы конкретных людей и даже конкретных форм сопротивления. Для меня несомненно, однако, что полное уничтожение оппозиции в СССР сейчас невозможно.

1977,

Утрехт—Вашингтон

Опубликовано в «The Washington Post» 5.6.77 (две последних главки) и «Journal of Current Social Issues» весна 1978 (США), «Libération» 27-29.6.77 и «Русская мысль» 1-7.7.77 (Франция), «Rusland Bulletin» № 5/6, июль 1977 (Голландия), «Українські Вісті» 7-14.9.77 и «Mercur» № 355, декабрь 1977 (ФРГ)

ЧЕМ БЫЛА ДЛЯ НАС ВЕНГЕРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Я думаю, что Венгерская революция 1956 года была поворотным пунктом в истории коммунистического блока.

Она не привела — и не могла привести — ни к развалу этого блока, ни к освобождению Венгрии, но она достаточно ясно показала, что существуют две возможности и два пути для сопротивления.

Во-первых, национальное сопротивление доминирующему советскому коммунизму. Такие разнородные феномены, как национальный коммунизм в Румынии, национально-либеральное движение в Словакии в 1967-68 годах, рост национальных чувств внутри СССР, а также еврокоммунизм — равно были бы невозможны без венгерского примера.

Во-вторых, социальное сопротивление. Ни «пражская весна», ни волнения польских рабочих, ни движение за права человека в СССР не были бы возможны без Венгерской революции 1956 года.

Таким образом, когда я говорю о «поворотном пункте», я имею в виду поворот от пассивного

принятия вещей такими, как они есть, и от чувства безнадежности — к пониманию того, что сопротивление возможно, что мир можно менять и он будет меняться, хотя это и потребует долгих лет и огромных жертв. Уже сейчас можно сказать, что многие жертвы были не напрасны: Венгрия пользуется наибольшей свободой среди восточноевропейских стран именно потому, что венгры показали свою способность сопротивляться с оружием в руках. И хотя революция была подавлена, коммунистические власти не могли не запомнить этого урока.

События 1956 года в СССР и Восточной Европе, кульминацией которых была Венгерская революция, наложили огромный отпечаток на меня и многих моих сверстников, с полным основанием мы можем назвать себя поколением 1956 года. На всем, что мы сделали и сделаем, лежит и будет лежать отпечаток этого героического года.

*12 апреля 1977,
Утрехт*

Опубликовано по-венгерски в « Új európa », июль-август 1977 (ФРГ)

ЕВРОКОММУНИЗМ ДО 1984 ГОДА ?

Запад обычно рассматривается как общество, ориентированное на перемены, как общество, где решающее слово принадлежит детям, а не отцам, в отличие, скажем, от многих восточных обществ с их установкой на неизменность и почитанием стариков. Не удивительно, что эта ориентация Запада благоприятна для тех политических сил, кто предлагает перемены, — а именно, для левых. Хороши или плохи их предложения, другой вопрос.

Правые в целом предлагают только сохранение того, что есть, и вместо социально-политических изменений имеют в виду только поддержание или увеличение экономического роста. Лидера с политическим мышлением все более вытесняет технократ — опасный симптом, свидетельствующий об отсутствии политических перспектив.

Левые, которых вынуждает к известному единству сама конфронтация «правые—левые», в сущности говоря, не едины. Левые демократы рано или поздно бывают вынуждены размежеваться с левыми-тоталитаристами, для которых идея равенства оборачивается идеей единообразия как

своего рода суррогата реально недостижимого равенства. Однако этот водораздел среди левых проходит неявно, и именно здесь разворачивается игра еврокоммунизма.

Будет общим местом сказать, что стремление к большей демократичности и к большей независимости от советского тоталитаризма составляет, с одной стороны, сущность еврокоммунизма, с другой, его тактическую уловку — но где кончается существо дела и начинается тактика?

По-моему, есть два хороших критерия для оценки искренности еврокоммунистов.

Во-первых, это их отношение к оппозиции внутри собственной партии. Если не допускается оппозиция и свободная дискуссия внутри партии, то кажется весьма сомнительным, чтобы партия придя к власти, потерпела и какую-либо оппозицию вне партии. На предыдущем съезде ФКП был *единогласно* исключен за ревизионизм член политбюро Роже Гароди, а на последнем съезде так же *единогласно* — но без упоминания его имени — была принята его программа. Вот это-то *единогласие* и пугает больше всего.

Во-вторых, это отношение еврокоммунистов к оппозиции в тех странах, где компартии уже находятся у власти. ИКП, хотя и очень осторожно, говорит о необходимости соблюдать права человека в СССР. Но ее газета за десять лет не опубликовала ни одного письма от советских инакомыслящих, хотя к ней многократно обращались. Когда я послал письмо в ответ на появившуюся обо мне статью, главный редактор «Униты» ответил, что они публикуют только материалы, выражающие точку зрения ИКП.

Приход еврокоммунистов к власти в какой-либо латинской стране повлечет изменения в самой партии, причем, скорее всего не в пользу ее «еврокоммунистических» элементов. Условно представим себе структуру партии в виде треугольника, верхушка и основание которого (т. е. руководство и рядовой состав вместе с голосующими за партию избирателями) пусть на большую часть состоят из еврокоммунистов и только на меньшую — из сталинистов. Однако середина — партаппарат, бюрократия партии — в значительной степени состоит из сталинистов, видящих во всякой демократии помеху для своей работы. Но они-то и будут решающей силой, если партия придет к власти.

После февральской революции без большой натяжки можно было бы назвать большевиков еврокоммунистами, Сталин до приезда Ленина занимал почти такую же позицию, как сейчас Берлингуэр, и предлагал своего рода «исторический компромисс» — сотрудничество с буржуазным временным правительством. Известно, однако, во что превратился Сталин, когда стал олицетворением партийной бюрократии.

При этом я охотно соглашусь с доводом еврокоммунистов, что у них «будет не так». Действительно, как это было в России, уже нигде не будет. Еще Маркс сказал, что то, что сначала происходит как трагедия, потом повторяется как фарс. Но и фарс будет достаточно тяжелым.

По-видимому, многие на Западе при оценке еврокоммунизма в такой же степени принимают желаемое за действительное, как это уже было двадцать лет назад при оценке хрущевского ре-

формизма. Однако вместо ожидаемой « либерализации » советской системы и « конвергенции » с Западом в СССР постепенно произошла замаскированная рестаилизация.

Отношение правых к еврокоммунистам показывает отсутствие у правых сколько-нибудь далекой политической перспективы. Страх перед « своими » коммунистами заставляет их все время угрожать Москве в надежде, что в обмен на их уступки Москва будет играть сдерживающую роль. В действительности это позволило, например, ФКП создать облик независимой от Москвы партии, а на следующих выборах, возможно, приведет ее в правительство.

Тот, кто поощряет советский коммунизм, по существу бессилён и перед коммунистами у себя дома. Правые делают ставку на страх обывателя перед коммунистами — но невозможно строить всю политику только на таком негативном чувстве, как страх. Мы видим, например, что в Италии страх перед беспорядком скоро может оказаться сильнее страха перед коммунистами.

Предположим, что коммунисты придут к власти в Италии. Можно с уверенностью сказать, что они постараются сохранить на своих местах менеджеров и будут осторожны с частной собственностью, по первым делом унифицируют все средства массовой информации. Уже сейчас многие в Италии перебегают на сторону коммунистов не потому, что верят в коммунизм, а потому, что уверены в победе коммунистов.

Победа коммунистов в Италии может совпасть с послетитовским кризисом в Югославии, и это облегчит ввод в Югославию советских войск.

Тогда не только Югославия, но и Албания снова войдут в советскую орбиту, изолированная Греция окажется в положении Финляндии, Италия — в положении сегодняшней Югославии, а Испания — в положении сегодняшней Италии. Южный фланг НАТО перестанет существовать, вернее, на южном фланге окажутся Германия и Бельгия.

Конечно, для того чтобы это произошло, Советский Союз должен преодолеть тот внутренний кризис, который начинает разъедать его, — но, быть может, внутренний кризис как раз и будет преодолен таким образом.

Существует точка зрения, что для СССР нежелательна победа еврокоммунистов в Италии или Франции, поскольку это создает еще один независимый вид коммунизма в мире. Если это будет демократический коммунизм, то он будет слишком привлекателен для советских народов, а если тоталитарный, то он будет представлять вызов Москве своей независимостью.

Все это кажется мне неверным. Более свободная, чем СССР, коммунистическая Италия окажется, в конце концов, на советских граждан не больше влияния, чем оказывает более свободная, чем СССР, Польша. А тоталитарная коммунистическая Франция сможет быть не более независимой, чем тоталитарная Румыния.

И французский, и итальянский коммунистические режимы будут чувствовать себя слишком неуверенными как внутри страны, так и по отношению к своим западным соседям, чтобы проводить независимую от Москвы политику. Напротив, СССР будет единственным гарантом того, что они смогут удержаться у власти, и это заста-

вит их принимать все советские условия. Даже такой колосс, как Китай, долго не мог себе позволить роскошь разрыва с СССР.

Конечно, приход к власти еврокоммунистов не неизбежен, а их участие в оппозиции может играть даже положительную роль. Сам феномен еврокоммунизма еще может претерпевать долгую эволюцию, и здесь мне кажутся важными два диалога.

Во-первых, диалог еврокоммунистов с сильными — с руководителями США, которые могут дать еврокоммунистам некоторое пространство для маневра, некоторую возможность отрыва от СССР без страха перед США. Во-вторых, диалог со слабыми — с инакомыслящими СССР и Восточной Европы, которые могут напоминать еврокоммунистам, к чему приводит построение коммунизма насильственными методами. Отказ или готовность еврокоммунистов к такому диалогу сами по себе есть хороший показатель их демократичности.

Хотя сейчас еврокоммунизм натывается на сопротивление главным образом справа, я думаю, что по-настоящему он сможет быть преодолен только слева. Новая идеология, если она сумеет найти баланс между свободой и безопасностью и положит в основу неделимые права человека, будет означать конец коммунистической идеологии.

18—19 мая 1977,
Утрехт

Опубликовано в «The International Herald Tribune»
21.6.77 (Франция)

АМЕРИКАНСКАЯ ПРЕССА И СОВЕТСКИЕ ДИССИДЕНТЫ

Бывший московский корреспондент «Вашингтон Пост» г-н Питер Оснос в своей статье в «Коламбия джорнализм ревью» (ноябрь-декабрь 1977) выдвигает, говоря огрубленно, два положения: во-первых, диссиденты обязаны своей известностью и влиянием западным средствам массовой информации, которые преувеличивают их значение; во-вторых, из-за общения с диссидентами западные корреспонденты рисуют искаженную и упрощенную картину советской жизни.

Несомненно, что средства массовой информации делают человека или движение известными, а известность увеличивает возможность влияния. Если бы журналисты договорились между собой не писать и не говорить ни слова, например, о президенте Картере, то, несмотря на все рычаги влияния в его руках и самые драматические жесты, он превратился бы в как бы несуществующую фигуру. Однако позиция и действия г-на Картера важны не потому, что о них пишет пресса, а наоборот, пресса пишет о них потому, что они важны. Каких бы хороших друзей не имел г-н Картер в

« Нью-Йорк Таймс » или « Вашингтон Пост », они не написали бы о нем ни слова, если бы он не делал ничего, чтобы привлечь общественное внимание. То же относится к любым людям в мире, в том числе и к диссидентам.

Есть много свидетельств, что западная пресса скорее долго игнорировала случаи диссента в СССР, чем преувеличивала их. В 1962-65 годах несколько человек было арестовано за их политический или художественный нонконформизм — и хотя иностранные корреспонденты знали об этих случаях, они ничего не писали об этом, не считая арест малоизвестных людей событием. В частности, непосредственным поводом для моего ареста в 1965 году послужила попытка дать интервью для « Ньюсуик » — ни слова о моем аресте ни в « Ньюсуик », ни в другом месте не появилось. Г-н Оснос упоминает меня как пример человека, который « достиг международной известности, потому что корреспонденты « Нью-Йорк Таймс » и « Вашингтон Пост », которые были его друзьями, писали восхищенно о его мужестве ». Я действительно многим обязан своим друзьям-корреспондентам, но писать обо мне они стали только в связи с моей книгой « Доживет ли СССР до 1984 года ? », успех которой на Западе и сделал меня известным. Кстати, тогда в американской прессе писали не только о моем мужестве, но и о том, что книга написана по прямому или косвенному заданию КГБ, привожу это как пример неподготовленности западной прессы к появлению диссидентов в СССР.

Еще более характерный пример — рабочее восстание в Новочеркасске в 1962 году, которое

было подавлено властями с помощью танков и стоило десятков человеческих жертв, американская печать ничего не писала об этом. Конечно, если бы подобное событие произошло теперь, то именно благодаря движению диссидентов оно могло бы сразу же стать известно, и г-н Оснос не смог бы сказать, что в СССР невозможны события вроде рабочих беспорядков в Польше в 1976 году. Такие события весьма возможны в СССР, как возможно и то, что из-за обширности и закрытости страны они окажутся недостижимы для непосредственного наблюдения иностранных журналистов. Внимание иностранных журналистов сосредоточено, главным образом, на нескольких ведущих диссидентах, вышедших из советского истаблишмента, и это порождает тенденцию писать о движении диссидентов как о деле исключительно интеллигенции, между тем анализ известных арестов по политическим мотивам за 1969-70 годы, например, показывает, что 34% арестованных были рабочими. Теперь же стали известны и попытки рабочих защитить свои экономические права, когда они обратились за помощью к диссидентам и иностранным корреспондентам (см. статью Д. Шиплера в «Нью-Йорк Таймс», 9 декабря 1977).

Интерес журналистов к диссидентам начался в 1966 году, когда власти устроили «показательный» процесс над Юлием Даниэлем и Андреем Синявским, освещая его в печати, по радио и телевидению. Только увидев, какое большое значение придадут этому процессу советские власти, западные журналисты начали много писать о деле Синявского и Даниэля, а затем и о диссиден-

тах вообще. Если бы власти осудили двух писателей без всякого шума, то и западные журналисты в Москве не придали бы никакого значения им. В интересы властей вовсе не входило делать рекламу Синявскому и Даниэлю, но они гораздо раньше и лучше иностранных журналистов поняли, какую опасность для режима представляет инакомыслие, и хотели этим процессом запугать потенциальных диссидентов и одновременно настроить общество против них.

В качестве примера, как «маленькое число мало известных частных граждан в наиболее могущественном тоталитарном государстве» смогло оказать влияние на Запад, г-н Оснос приводит Хельсинкскую группу во главе с Юрием Орловым и добавляет: «Только западные репортеры в Москве могли вывести их так быстро на глаза публики и удерживать ее внимание».

Факты не говорят об этом. Западные корреспонденты в Москве мало писали о деятельности группы до ареста трех ее членов — Юрия Орлова, Александра Гинзбурга и Анатолия Щаранского, а точнее — до заявлений по этому поводу сначала представителей Госдепартамента, а затем президента Картера. Именно когда этот вопрос — вне всякой зависимости от его освещения иностранными корреспондентами в Москве — стал предметом внимания американской администрации, о нем стала много писать американская пресса. Группа все время имела открытый контакт с комиссией Конгресса США, передавая туда свои документы о нарушении прав человека в СССР.

Мне кажется, что не отвечает фактам и противопоставление г-ном Осносом эмиграции, как он

пишет, « основного населения » из Восточной Германии эмиграции из СССР « второклассных национальностей ». Эмиграция из СССР носит не только национальный (еврейский и немецкий), но и социальный характер — отъезд интеллигенции, причем многие эмигранты принадлежат к самой верхушке интеллигенции, к гражданам « первого класса », пользуясь терминологией г-на Осноса, и это весьма характерный симптом для больного общества. Кроме того, анализ материалов Хельсинкских групп показывает, что сейчас все большее число русских обращается к властям за разрешением эмигрировать.

Также спорным представляется мне поднятый в статье вопрос, переоценивает американская пресса значение диссидентов в СССР или недооценивает. Еще в Москве г-н Оснос неоднократно говорил, что американская печать должна уделять диссидентам не больше места, чем они реально занимают в советском обществе. Если исходить из математических посылок, что на 250 миллионов советского населения приходится не более 250 получивших известность диссидентов, то американская печать должна была бы уделять им примерно одну миллионную долю общей информации об СССР. Но если исходить из того, что диссиденты — это единственный индикатор брожения, которое происходит в молчащем советском обществе, а также один из бродильных ферментов этого брожения, то вывод напрашивается совсем иной.

Долголетняя борьба одиночек с системой — пожалуй самое драматическое событие внутрисоветской жизни. Не удивительно, что арест и судьба

« частного человека », например, Анатолия Щаранского вызывают гораздо больше интереса и внутри страны, и за границей, чем, например, внезапное смещение президента страны г-на Подгорного, о котором через месяц просто забыли.

Я вполне согласен с г-ном Осносом, что существует своего рода симбиоз между иностранными журналистами и диссидентами. Но это и есть нормальные отношения между прессой и активными группами в обществе. Так же и в американском обществе любая активная группа старается привлечь внимание прессы и дает прессе интересующий ее материал, который — пусть даже в преувеличенной форме — всегда сигнализируют о реальных нуждах и проблемах вашей страны.

Кроме того, как это пишет г-н Оснос, диссиденты служат для западных корреспондентов источников информации о многих других сторонах советской жизни, а также связующим мостом с более типичными советскими гражданами. Например, хотя в своих недавних книгах о России Роберт Кайзер и Хендрик Смит уделили диссидентам по одной главе каждый, хорошо видно, что без знакомства с диссидентами и большинство остальных глав едва ли было бы написано. Раньше корреспонденты могли встречаться только с официальными лицами, что действительно давало искаженное представление о советской жизни.

Г-н Оснос считает, что диссиденты дают искаженную информацию, сравнимую с той, какую давали бы о США их « наиболее разочарованные и преследуемые граждане ». Едва ли это сравнение уместно из-за большой разницы между социально-политической ситуацией в США и СССР,

положением со свободой информации в обеих странах, а также в разном социальном опыте американских и советских «диссидентов». Мне кажется, например, что такие ученые, как Сахаров, Орлов, Турчин, Шафаревич, всем опытом своей предыдущей работы приучены тщательно взвешивать любую информацию и искать сбалансированный подход к любой проблеме. Журнал диссидентов «Хроника текущих событий» в течение уже десяти лет дает достоверную информацию, всегда четко отделяя слух от проверенного факта.

Безусловно среди диссидентов есть люди, склонные преувеличивать одни факты и недооценивать другие или рассуждать по принципу «кто не с нами, тот против нас». Однако диссиденты и не претендуют на то, что их деятельность должна быть единственным сюжетом американских журналистов, а их информация — единственным источником их информации. Диссиденты претендуют только на то, чтобы и их информация учитывалась в картине советской жизни, которую рисуют американские корреспонденты, чтобы работа корреспондента не сводилась к перетолковыванию статей из официальной советской печати.

В том, что г-н Оснос пишет о диссидентах, все время проглядывает как бы удивление перед тем, как несколько, как он их называет, «частных граждан», не представляя никакой могучую организацию, сравнимую с КГБ или хотя бы с «Вашингтон Пост», могут, тем не менее, оказывать влияние. Вера в надличностную организацию и неверие в силы отдельной личности лежит по моему в основе всего, что он написал о Советском Союзе. Скорее всего именно этим объясняется

его репутация « антидиссидента » среди участников Движения за права человека в СССР, поскольку движение вдохновляет именно вера в возможность отдельной личности противостоять системе.

И наконец, г-н Оснос в своей статье совершенно не касается моральной стороны положения свободного журналиста в стране, где отсутствует свобода, в частности, свобода печати. Он упоминает, правда, что известность диссидента за границей заставляет власти более считаться с ним — но упоминает об этом скорее как о факторе, затрудняющем для журналиста объективное описание советской действительности. Между тем ни к кому, как к журналистам, так не применимы слова маркиза де Кюстина, что в России « каждый иностранец представляется спасителем толпе угнетенных, потому что он олицетворяет правду, гласность и свободу для народа, лишенного всех этих благ... Всякий, кто не протестует изо всех сил против подобного режима, является до известной степени его соучастником и соумышленником ».

*Декабрь 1977,
Вашингтон*

Опубликовано в « Columbia Journalism Review », март-апрель 1978 (США)

СПАСЕТ ЛИ ЗАПАД СОХРАНЕНИЕ СТАТУС-КВО?

Доклад в Гессенском кружке

Уважаемые дамы и господа!

Цель моего доклада — познакомить вас с точкой зрения советского диссидента на развитие событий в СССР и на отношения СССР с Западом. Поскольку в основу подхода Запада к СССР — иногда неявно, а иногда явно — положена идея сохранения статус-кво, я коснусь сначала самого этого понятия. Вполне возможно, что я повторю при этом вещи, уже высказанные до меня, причем с большей ясностью, — но поскольку я скажу их, исходя из моего собственного опыта, для Запада пока не типичного, это даст сказанному до меня некоторую добавочную убедительность.

Орвелл писал, что общество можно разделить на три части: верхи — не заинтересованные в изменениях, середину — заинтересованную в том, чтобы занять место наверху, используя низы, и низы — готовые смести оба верхних слоя. Запад — это привилегированная часть мирового сообщества, а вы принадлежите к привилегирован-

ному слою Запада, так что, казалось бы, вдвойне заинтересованы в сохранении статус кво, причем не только на Западе, но — ввиду все более растущей взаимозависимости — и во всем мире, в том числе и в СССР.

Вместе с тем всем более или менее ясно, что так или иначе мир меняется, и подлинная стабильность — скорее в движении, чем в насильственном сохранении того, что есть. Правда, никогда нельзя с достаточной уверенностью сказать, в каком направлении это движение происходит и есть ли оно результат Божьего промысла, объективных исторических законов или человеческой воли. Но поскольку человеческая воля — это единственное, что зависит от нас самих, мы должны возлагать все надежды только на нее.

XIX век — век относительного сохранения статус-кво, наиболее характерно представленный фигурой Меттерниха, но за это желание сохранить социально-политическую структуру неизменной пришлось в следующем веке заплатить страшной ценой революций и мировых войн. Одновременно развитие технологии для многих стало казаться смыслом истории — на Западе шел процесс отмирания идеологии у истаблизмента, политические доктрины становились скорее следствием технологического развития, а руководителей с политическим мышлением все более вытесняли технократы. Развивающаяся экономика кажется сейчас гарантией политической стабильности, хотя именно экономически сильные, но политически нецеленаправленные и безвольные общества потенциально представляют весьма опасный источник напряжения как вовне,

так и внутри. В частности, лево-радикальный терроризм особенно силен в тех странах, где экономическому росту сопутствовало отсутствие политической перспективы и воли у «верхов», — а именно в Западной Германии, Италии и Японии.

Мне кажется не совсем честной передержкой выдавать отсутствие идеологии и политической воли за присущее демократии нахождение баланса всех интересов в обществе, печально, если равнодействующая интересов близка к нулю. Но ведь само западное общество было сформировано христианской и либеральной идеологиями, и демократии проявили достаточно воли для экспансии в мире. Идеи и воля всегда предшествовали их материальному воплощению, и если мы наблюдаем технологический рост в обществах без идеологий, то это нечто вроде роста волос и ногтей у мертвеца.

Технологическому развитию способствовала вера в разум, но трудно поверить, что рационализм лежит в основе человеческой истории и человеческой природы. Если бы Иуда Искариот пустил 30 сребреника в оборот из самых скромных 5% годовых, то сейчас его наследники имели бы капитал, при переводе в золото превышающий вес земного шара, но, увы, человечество почти столько же разрушало, сколько и строило. Да и стремление производить и продавать, пожалуй, есть не проявление разума, а такой же инстинкт, как и стремление разрушать. Мы знаем много примеров, когда «созидательный инстинкт» противоречил самым разумным интересам самосохранения, — и прав был Ленин, когда сказал свою знаменитую фразу, что мы повесим капиталистов

на той веревке, которую они нам продадут. Инстинкт не внемлет голосу разума, для бизнесмена так же естественно производить и продавать, как для Божьей птички петть, и потому я не буду здесь делать никаких призывов не торговать с СССР. Но не рассчитывайте и на те, что СССР будет вести себя « разумно » по отношению к вам, — никакими рациональными доводами вообще нельзя объяснить существование этой бесчеловечной системы.

Советский Союз представляет пример, когда, наоборот, иррациональная идеология и политическая воля ведут технологию за собой. Хотя и идеология, и воля сейчас все в более значительной степени результат инерции, но инерция действует тем дольше, чем сопротивление слабее. Не будет ошибкой назвать СССР больной системой, однако больные часто живут дольше здоровых и порядком отравляют им жизнь. Быть в кризисе — это естественное состояние СССР, и сам по себе кризис — не есть свидетельство его слабости, но перманентный кризис — есть свидетельство исторической недолговечности этой системы.

Одна из самых болезненных проблем сейчас — это конфликт между меняющейся структурой общества и неизменной структурой власти, которая сложилась на рубеже двадцатых—тридцатых годов, когда большинство населения составляли малограмотные крестьяне, а высшие и средние классы общества были уничтожены. Сейчас подавляющее большинство населения имеет образование, появился новый средний класс, и он не хочет, чтобы с ним обращались как с бессловесной массой.

Этот конфликт может принимать драматические формы открытого диссидентства, но в значительной степени носит характер пассивного сопротивления и разрушает основы системы незаметно.

Другая болезненная проблема — национальная. В СССР 22 национальности численностью свыше миллиона каждая, само разнообразие народов, часть из которых ранее имела свои государства, вступает в конфликт с советской унитарной системой. Наличие союзных и автономных республик, несколько смягчая национальный антагонизм, все же носит декоративный характер, и стремление центральной власти заменить национальные обычаи и языки — общесоветским, то есть русским, становится все сильнее. Но хотя число лиц, знающих русский язык, и растет, он остается только средством коммуникации между разными народами. Как знание немецкого языка не делает голландца немцем, так и знание русского не превращает узбека в русского, скорее необходимость говорить по-русски способствует обострению ущемленной национальной гордости. Два процесса идут параллельно: 1) рост национального самосознания, вызванный ростом национальной интеллигенции, особенно второго поколения, и 2) изменение национального баланса — уже сейчас русские составляют менее 50 % населения, неславянские народы — более 30 %, русские только воспроизводят себя, тогда как среди мусульманских народов уровень рождаемости высок, и если эта тенденция сохранится, то к 1984 году русские будут в значительном меньшинстве. Как и в социальных конфликтах, основная масса не выражает своих национальных чувств откры-

то, но пассивно оказывает осязаемое сопротивление русификации. Даже среди русских возникло интеллектуальное движение, желающее, чтобы они отказались от своей имперской роли и жили только национальными интересами.

Рост национализма и усиление русификации — два инспирирующих один другой процесса — отчасти объясняются кризисом идеологии. Все более заметно превращение марксизма из живой идеологии, каким он был в России первую половину XX века, в обязательный, но мертвый ритуал. Если считать молодежь наиболее характерным идеологическим индикатором, то можно сказать, что она наиболее дезидеологизирована. Между тем тоталитарная власть нуждается в идеологии как своей первооснове и оправдании. И мы замечаем в советском обществе подспудные, но интенсивные поиски новой идеологии — для сторонников сильной власти это может быть только национал-большевизм, который вступит в неизбежный конфликт с региональным национализмом.

Признаки экономического кризиса видны в неэффективности сельского хозяйства, снижении эффективности капиталовложений, замедлении роста производства, диспропорциональном развитии отдельных отраслей, надвигающемся энергетическом кризисе и все возрастающей апатии рабочих. Сердцевина этого кризиса — кризис управления экономикой, за последние двадцать лет делалось несколько попыток перестроек, опирающихся скорее на здравый смысл, чем на разработанную экономическую теорию, и ни одна из них не была доведена до конца. Существует, по край-

ней мере, три открытых конфликта: 1) между партаппаратом и менеджерами, 2) между менеджерами и рабочими; 3) между рабочими и партаппаратом.

Один из постоянных для СССР кризисов — болезненный кризис преемственности власти. Поскольку власть сосредоточивается в руках одного человека и нет легального механизма, который позволил бы у него эту власть отобрать или ему самому назначить преемника, то его смерть или ожидание смерти приводит к борьбе «наверху». Положение сейчас более всего напоминает время перед смертью Сталина, когда «ортодоксальная» фракция, включая самого Сталина, начала борьбу с «умеренными» за сталинское наследство, сопровождаемую антисемитской кампанией и репрессиями, — Сталин хотел сделать невозможным какое-то ослабление режима даже после своей смерти. Ожидание смерти Брежнева, чистки в Политбюро и усилившиеся репрессии против диссидентов — при общей атмосфере неуверенности — повторяют это, хотя и не в таком страшном масштабе.

Наиболее серьезная внешнеполитическая проблема СССР — это проблема Китая; хотя угроза прямого конфликта как бы отошла на задний план, но смерть Мао Цзе-дуна скорее увеличила эту угрозу, поскольку новое, более прагматичное руководство сразу же взялось за ускоренную модернизацию военной промышленности и армии.

Во-вторых, это проблема Восточной Европы и еврокоммунизма. Советское руководство долго может удерживать Восточную Европу военной силой, но его политическое и экономическое влия-

ние ослабевает. Еврокоммунизм, с одной стороны, может служить инструментом для разложения Западной Европы, но, с другой, в гораздо большей степени — идеологическим орудием восточноевропейских стран против СССР, у СССР не хватит гибкости, чтобы использовать феномен еврокоммунизма в своих целях, а в его общей тенденции руководство КПСС видит угрозу ортодоксальной идеологии.

В-третьих, это проблема отношений СССР с « третьим миром ». Деколонизация создала обширные зоны с политическим вакуумом, и для такой агрессивной и идеологически ориентированной страны как СССР открыла огромные возможности. Правда, СССР постепенно вытесняют из тех районов, где он сначала доминировал — с Дальнего, а затем и с Ближнего Востока, но этот процесс долгов и противоречив, а кроме того, СССР « открывает » для себя все новые районы и действует все увереннее, как это показывает советско-кубинская экспансия в Африке. Весь опыт России говорит, что пока возможна внешнеполитическая экспансия, внутренних реформ не будет. Как это ни странно, пусть « человек с улицы » где-то в Рязани даже и знает, где находится Эфиопия, но советские успехи в Эфиопии примиряют его с тем, что в Рязани нет молока и мяса. Так что отношения СССР с « третьим миром » — хотя и несущие в себе потенциальную опасность — в настоящее время скорее способствуют стабилизации режима.

Наиболее же стабилизации режима способствуют отношения с Западом. Можно сказать, что нигде в мире г-н Брежнев не имеет таких хоро-

ших друзей, как г-да Жискар д'Эстен или Хельмут Шмит, которые не только в прямом смысле слова помогают ему встать на ноги, но и позволяют стоять на ногах его режиму.

Запад — даже помимо своей воли — всегда играл роль стабилизирующего фактора для советской системы. Во-первых, наличие « идеологического врага », причем богатого, а не бедного, оправдывало существование агрессивной и репрессивной системы, ибо какой же был бы в ней смысл, если бы у нее не было врагов. Во-вторых, технологически развитый Запад давал стимул для развития: его все время надо было « догонять и перегонять ». Если бы технологически Запад достиг состояния стагнации, то и технологическое развитие СССР остановилось бы, ибо идея социализма — это остановка исторического развития: история не нужна, когда ее цель достигнута.

Наконец, стабилизации режима в СССР содействует сознательный подход западных политиков и бизнесменов, в котором можно выделить три взаимосвязанных стороны: 1) сохранение статус-кво, 2) воспитание, 3) политический компромисс.

Поскольку западному обществу « есть что терять », стремление сохранить статус-кво понятно. С этой точки зрения, надо сделать СССР как можно более богатым, чтоб ему тоже было что терять, а также нужно « платить » СССР кредитами, технологией, продовольствием, чтоб он не нарушал статус-кво в мире — нечто вроде отношений лавочника и рекетира. Но СССР наиболее заинтересован в том, чтобы с помощью « низов » — « третьего мира » — уничтожить « верхи » — индустриальный Запад, и все попытки вовлечь

его в « клуб богатых » СССР примет при условии, что остальные из него выйдут.

Идея « воспитания » СССР начинается еще со времен Ллойд-Джорджа, который считал, что торговля цивилизует даже людоеда. Увы, людоед часто требует, чтоб ему продавали человеческое мясо, продает же Запад полицейское оборудование для КГБ. Боюсь, что за 60 лет не людоед был цивилизован, а торговец все в большей степени принимал навязываемые ему людоедом правила. Еще более СССР равнодушен к « уговариванию » : пока г-н Киссинджер рассуждал, как дурно поступает СССР в Анголе, СССР прибрал Анголу к рукам; сейчас он прибирает к рукам Эфиопию — под проповеди г-на Картера, что поведение СССР « может повредить разрядке » — при этом делаются заверения, что ни торговле, ни поставкам технологии и зерна, ни переговорам о разоружении это не повредит, — тогда чему же ?

Идея « политического компромисса » — основа западной политики, но основа советской политики — это бескомпромиссная идеология, это достижение конечной цели, а не примирение интересов. Там, где один хочет наступать, а другой только обороняться, результат легко предсказуем. И если компромисс все же достигается и статус-кво устанавливается, то только для того, чтобы в скором времени СССР, обходя очередную политическую « линию Мажино », потребовал бы нового компромисса и нового статус-кво. В частности, совсем нелепой мне кажется попытка либерально-консервативных кругов Запада взамен внешнеполитических уступок получить от СССР гарантии против своих « левых » — это только позволит

СССР быть арбитром внутривнутриполитической борьбы этих стран.

Комбинация трех этих подходов дает Западу иллюзию успокоения, а СССР сознание силы, но, в сущности, они не помогут и СССР избежать кризиса. Даже тоталитарный режим не в состоянии контролировать всё, и рано или поздно накапливаются противоречия между контролируемым сектором и не поддающимся контролю. Конечно, экономическая помощь Запада помогает режиму Брежнева не проводить экономические реформы — но тем самым она только усугубляет экономический кризис. Нежелание Запада всерьез обратить внимание на проблему прав человека помогает режиму Брежнева расправляться с политическими инакомыслящими — но тем тяжелее будет грядущий политический кризис. Западно-европейские кредиты помогли царскому правительству справиться с революцией 1905 года, целью которой был буржуазно-демократический парламентаризм, — но именно задержанная революция привела через 12 лет к развалу страны и созданию тоталитарного режима, который, кстати сказать, царские долги платить отказался.

И сейчас попытка Запада помочь СССР избежать «малого кризиса» — то есть кризиса, из которого можно выйти путем реформ, в конечном счете может привести систему к большему кризису, который кончится внутренней «войной всех против всех». Я не берусь предсказывать сроки, но с уверенностью могу сказать, что первое же крупное внешнеполитическое поражение необычайно ускорит все деструктивные процессы в советском обществе. И не надо обольщаться, что

чем труднее будет положение внутри, тем осторожнее будет подход СССР к Западу. Наоборот, если Запад к тому времени утратит остатки политической воли, то СССР — чувствуя смертельное дыхание кризиса — захочет разрешить внутренние трудности ударом по Западной Европе. Наконец, проблема отношений Запад—СССР — это проблема, какие ценности будут господствовать в складывающемся сейчас миропорядке. Если Запад идет в мир только с технологией, то СССР — с идеологией, и сколько бы эта идеология ни «отмирала» в СССР, в мире она жива. И страны, испытывавшие на себе советское влияние, даже если им удастся от этого влияния избавиться, будут уже в значительной степени заражены тоталитаризмом и менее восприимчивы к идеям демократии.

СССР странным образом соединяет в себе черты развитой, европейской, и слаборазвитой, азиатской, страны. Экономически он тяготеет к Западу, но идеологически — к «третьему миру». Быть может, трагически разрешившаяся конфронтация между «развитыми» и «неразвитыми» группами русского общества — страшная русская революция 1917-20 годов — явилась предвестником того, что должно произойти в мировом масштабе. Тем более наша попытка «очеловечивания» ее наследия должна казаться важной для вас.

Тоталитарный характер советской системы не позволил создать в стране параллельную политическую элиту и политическую альтернативу, что скажется особенно болезненно, как только кризисная ситуация станет достаточно явной. Движение диссидентов было преимущественно

движением «морального неучастия», но, по-видимому, мы прошли эту необходимую стадию, и в обществе начал расти интерес к чисто политическим проблемам, а среди рабочих — к проблемам защиты своих экономических прав. Движение за права человека всегда было немногочисленным, но тот факт, что за 12 лет его не удалось уничтожить, говорит о том, что оно выражает глубокую потребность общества. Благодаря диссидентам настроения в советском обществе меняются, и если только движение сумеет выработать политические цели — этот процесс необычайно ускорится, поскольку в обществе существует потребность в позитивной оппозиционной идеологии.

Роль в формировании этой идеологии смогут сыграть и диссиденты в эмиграции, тем более что идеологическая проблема — хотя и в другой форме — существует и на Западе. Можно сказать, что уже сейчас общественное мнение Запада не безразлично к диссидентам, на нас указывают как на живую иллюстрацию того, к чему приводит левый тоталитаризм. Но это очень утилитарный подход, будет гораздо важнее, если на Западе поймут роль диссидентов в превращении советской системы из закрытой в открытую, что одно только даст Западу уверенность в своей безопасности. Для Запада значение диссидентов в том, что мы начали преодоление тоталитарного марксизма не справа — что не привело ни к каким результатам, а слева — путем мучительных и порой неправильных, но все же поисков новой гуманистической идеологии. Как идеология просвещения родилась из кризиса христианства, а марксизм из кризиса просветительной идеологии,

так наша идеология рождается в муках из отвергнутого нами антигуманистического воплощения марксизма. В интересах тех на Западе, кто верит в достоинство человеческой личности, поддержать нас.

Доклад прочитан 5.6.1978 во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) перед группой бизнесменов и журналистов

ОБ АВТОРЕ

Андрей Алексеевич Амальрик родился в 1938 году в Москве, в семье историка. В 1963 году был исключен с исторического факультета Московского университета. До и после университета — в поисках заработка — сменил много профессий, считая своей основной работой работу писателя. За участие в Движении за права человека и за свои книги в 1965-66 годах был в ссылке в Западной Сибири, в 1970-73 годах в тюрьме и лагере на Урале и Колыме, в 1973-75 годах в ссылке в Магадане. В июле 1976 года был вынужден эмигрировать. В 1977-78 годах в Утрехтском университете (Голландия), Университете Джорджа Вашингтона, и Гарвардском университете (США) прочел курсы лекций о Советском Союзе.

Автор книг :

Норманны и Киевская Русь, 1960 (Флоренция, 1979)

Шествие времен года, 1961-63 (готовится к печати)

Пьесы, 1963-67 (Амстердам, 1970)

Нежеланное путешествие в Сибирь, 1966-67 (Нью-Йорк, 1970)

Статьи и письма, 1967-70 (Амстердам, 1971)

Искусство «гнилого десятилетия», 1967-79 (готовится к печати)

Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?, 1969 (Амстердам, 1969, 1970)

Записки революционера, 1977-78 (готовится к печати).

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
Просуществует ли Советский Союз до 1984 года ? (предисловие к третьему изданию и текст 1969 года)	9
Идеологии в советском обществе	78
Разрядка : Запад — СССР	95
1. США и СССР в одной лодке ?	96
2. Внешнеполитические приоритеты Запада	110
3. Европа и Советский Союз	116
Есть ли политзаключенные в СССР ?	120
Нежеланное путешествие в Калугу	127
Взгляд русского на свободу слова	161
С недоверием и надеждой	166
Кто работает в КГБ	177
Речь на приеме Международной лиги прав человека	183
Движение за права человека в СССР	190
Чем была для нас венгерская революция . .	210
Еврокоммунизм до 1984 года ?	212
Американская пресса и советские дисси- денты	218
Спасет ли Запад сохранение статус кво ? .	226

OVERSEAS
PUBLICATIONS
INTERCHANGE LTD